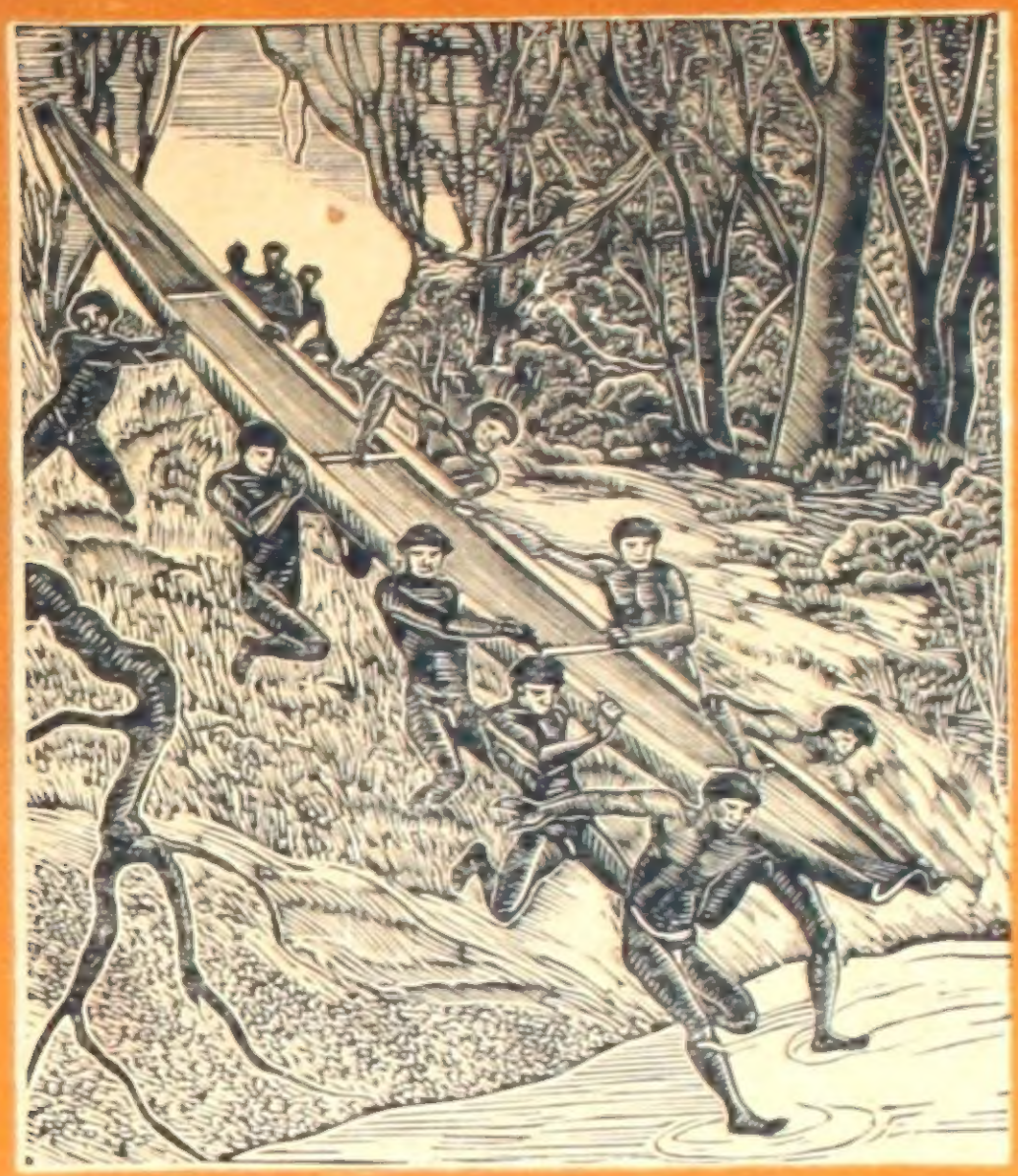
Проф. КАРЛ ШТЕЙНЕН



СРЕДИ ДИКИХ НАРОДОВ БРАЗИЛИИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

БИБЛИОТЕКА ЭКСПЕДИЦИЙ и ПУТЕШЕСТВИЙ

Проф. КАРЛ ШТЕЙНЕН

СРЕДИ ДИКИХ НАРОДОВ БРАЗИЛИИ

ПЕРЕВОД
СО ВТОРОГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
ЕК. ГАЛАТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
М. КОСВЕНА

С ДВУМЯ КАРТАМИ И
ДВАДЦАТЬЮ ОДНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

Prof. KARL von den STEINEN

UNTER DEN NATURVÖLKERN ZENTRAL-BRASILIENS

★

Обложка работы художника Н. П. Дмитревского

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.
369278
3440
31

Типография Изд-ва „Молодая Гвардия", Ленинград, В. О., 5-я лин., 28. Зак. Изд. № 3962. Главлит № А-76918 Печатн. листов 11½. Тираж 5.100 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Соединенные Штаты Бразилии — одно из крупнейших государств мира: по своей площади в 8 511 180 квадратных километров, занимающей почти половину всей площади Южной Америки, оно уступает только СССР. Населения в Бразилии числится около 40 млн. человек. Столица—Рио-де-Жанейро, портовый город на восточном берегу материка.

Бразилия была открыта в 1500 году португальскими мореплавателями и с тех пор по 1815 год составляла колонию Португалии. Затем она объявила себя независимой и до 1889 года представляла собой империю. Наконец в 1889 году в Бразилии произошла революция, после чего она приняла государственное устройство, аналогичное Северо-Американским Соединенным Штатам.

Со времени колонизации страны португальцами язык их удержался здесь в качестве господствующего.

Обладая огромными естественными богатствами самого различного характера, Бразилия необычайно выросла в экономическом отношении, особенно за время империалистической войны.

Часть территории Бразилии, как и вообще Южной Америки, населена индейцами, обитающими в наименее доступных и удобных для жилья местностях. Это последнее обстоятельство и проникновение в среду индейцев отрицательных сторон европейско-американской культуры влекут за собой быстрое вымирание этих остатков древней американской расы. Область колонизации бразильцев непрерывно расширяется; к тому же, ежегодно в Бразилию прибывает от 80 000 до 100 000 новых колонистов. В результате, индейцы все

более оттесняются в непроходимые дебри, вновь и вновь снимаясь с насиженных мест и лишаясь естественных источников своего существования.

Западная часть Бразилии, площадью в 1 381 000 квадратных километров, составляет автономный штат Матту-Гроссу с главным городом Куяба, на реке того же названия. Матту-Гроссу по-португальски значит „густой лес". Так была названа эта страна ее первыми европейскими поселенцами С тех пор эта область в значительной части колонизировалась, но и в настоящее время большая часть Матту-Гроссу оправдывает свое название. Однако и здесь процесс колонизации идет довольно быстрыми шагами, и здесь идет оттеснение туземцев-индейцев в наиболее нездоровые и труднопроходимые области тропического пояса.

Описанию одной из горсточек этих индейцев, заброшенных в почти недосягаемые дебри тропиков, посвящена настоящая книга.

Прежде чем приступить к ее чтению, необходимо ориентироваться в географическом положении района, о котором будет итти речь (см. приложенные две географические карты), в частности, познакомиться с речной системой данной области.

Примерно вдоль 15° южной широты лежит водораздел между бассейнами мощной реки Амазонки, текущей вдоль экватора на севере материка, и реки Ла-Платы с ее притоком Парагвай, текущим к югу. Амазонка принимает с юга ряд притоков, представляющих собой, в свою очередь, большие многоводные реки; наибольшие из них — Мадейра, Тапажос и Шингу. К востоку от последней реки и почти параллельно ей протекает и самостоятельно впадает в океан река Пара с двумя большими притоками—Арагвайя и Токантин.

Протекающий близ города Куяба приток реки Тапажос—река Паранатинга — составляет как раз границу между сферой поселения бразильцев и лежащей к северу страной, обитаемой индейцами.

Наше особое внимание должна привлечь река Шингу, начинающаяся целым пучком веерообразно расположенных, направляющихся с юга на север притоков. Один из этих притоков — река Кулизеху—представляет собой, наконец, тот район, куда поведет нас за собой автор настоящей книги, Карл Штейнен.

Профессор этнографии Берлинского университета Карл Штейнен (родился в 1855 году, скончался 4 ноября 1929 года) принадлежал к числу выдающихся путешественников и этнографов нашего времени.

Его исследования района истоков Шингу и обитающих здесь индейцев были совершены во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия.

Но уже к тому времени Штейнен мог считаться бывалым путешественником и исследователем.

Получив высшее медицинское образование, Штейнен сначала сделал своей специальностью психиатрию и работал ординатором университетской клиники в Берлине. В 1879—1881 годах, отбывая военную службу в качестве морского врача, он совершил на военном корабле кругосветное путешествие, посетив Мексику, Калифорнию, Японию, далее, в Великом океане — Гавайские острова, Самоа, Фиджи, Новую Зеландию, затем Яву, Индию, Египет и пр.

Вслед затем, в 1882—1883 годах, Штейнен принял участие в немецкой южно-полярной экспедиции и обследовании Южной Георгии—необитаемого острова в Южном океане. Результатом этого путешествия явилась, между прочим, его работа, излагающая наблюдения над жизнью тюленей и птиц на Южной Георгии [1].

На обратном пути из Антарктики в сентябре 1883 года Штейнен, предоставив остальным участникам экспедиции возвратиться в Германию, высадился в Южной Америке, в Монтевидео, и вместе с физиком и астрономом доктором Отто Клауссом (Otto Clauss) и присоединившимся к ним племянником Штейнена, тогда еще юношей, художником Вильгельмом Штейненом, предпринял новую экспедицию в глубь Бразилии, в Матту-Гроссу.

---

[1] Beobachtungen über das Leben der Robben und vögel auf Süd-Georgien. Leipzig 1890.

Экспедиция посетила сначала расположенные недалеко от города Куябá, на реке Паранатинге, деревни окультурившихся индейцев, принадлежащих к племени бакаири. Отсюда в сопровождении проводников и военной охраны путешественники отправились в район бассейна реки Шингу, затем, проплыв по ее притоку Кулизеху и перейдя на реку Арагвайя, вышли к городу Парá, лежащему в устье реки того же названия (1884).

Среди сопровождавших экспедицию индейцев особенно отличался своими способностями и оказал большие услуги по сношению с его единоплеменниками окультуренный бакаири по имени Антонио, присоединившийся к экспедиции в деревне на реке Паранатинге. Этот Антонио сыграл немаловажную роль в работах Штейнена, можно сказать даже, что ему суждено было, как мы увидим, войти в историю этнографии Бразилии.

Результатом этой известной в литературе под названием 1-й Шингу-экспедиции было обследование в физико-географическом отношении почти совершенно неизвестного дотоле района рек Кулизеху и Шингу и открытие находившихся на чрезвычайно низкой ступени развития индейских племен, о которых до тех пор не было никаких сведений. Племена эти принадлежат, как было установлено Штейненом, к обширной этнической и языковой семье индейцев — караибам, т. е. к тем самым племенам, с которыми впервые встретился на территории открытого им материка Колумб. Между прочим, от слова „караибы" в неправильном его произношении „канибы" ведет свое происхождение знакомое нам слово „канибалы", ставшее распространенным названием всех вообще „дикарей", которым неизменно, на самом деле большей частью безосновательно, приписывалось людоедство. Описание 1-й Шингу-экспедиции сделано К. Штейненом в его книге: „Через Центральную Бразилию. Экспедиция для исследования реки Шингу в 1884 году" [1], где в форме дневника дан ряд

[1] Durch Zentral-Brasilien. Expedition zur Erforschung des Schingú im Jahre 1884. Leipzig 1886.

ценных сведений и материалов географического и этнографического содержания.

Первая экспедиция Штейнена в район Шингу носила характер скорей разведки, правда, весьма глубокой и интенсивной. Вместе с тем она привлекла напряженное внимание самого Штейнена, как и всего научного мира, к этому совершенно неисследованному району и вновь открытым осколкам примитивного человечества.

Поэтому уже в 1887 году Штейнен стал во главе новой экспедиции в тот же район. Эта 2-я Шингу-экспедиция была организована при поддержке Берлинского музея народоведения, директором которого был тогда его основатель, знаменитый путешественник и этнограф Адольф Бастиан (1826—1905). В состав экспедиции, помимо Штейнена, вошли: Вильгельм Штейнен, антрополог и этнолог д-р Пауль Эренрейх и геолог профессор Петер Фогель.

В дальнейшей своей жизни Карл Штейнен остался неутомимым научным деятелем, путешественником и исследователем.

*

Результаты второй экспедиции на Шингу очень велики и составляют крупный вклад в науку. Успешности ее немало содействовал опыт первой экспедиции, что служит лишним подтверждением особого значения и особой пользы повторных экспедиций в тот же район, совершаемых тем же составом участников.

Прежде всего, экспедиция Штейнена обогатила Берлинский музей народоведения большим количеством замечательных образцов быстро исчезающей материальной культуры и искусства индейцев района Шингу. Крупную научную ценность имеет изучение Штейненом языка племени бакаири, результатом чего явилась его книга „Язык бакаири" [1].

Общий описательный этнографический материал, собранный экспедицией, изложен в книге Штейнена, в настоящее время предлагаемой вниманию русского читателя. Книга эта

[1] „Die Bakairisprache". Leipzig 1892.

вышла впервые в 1894 году. Второе, несколько сокращенное издание появилось в 1897 году.

Книге Штейнена принадлежит совершенно особое, можно с полным основанием сказать, выдающееся место в современной этнографической литературе. Несмотря на то, что она написана в девяностых годах прошлого века, она по своим научным качествам настолько опередила свое время, стоит настолько выше иной литературы тех лет, что ни в коем случае не может считаться устарелой и остается почти классическим произведением этнографической литературы. Этим вполне оправдывается выбор книги Штейнена для перевода на русский язык.

Лучшее подтверждение большой ценности этой книги — то обстоятельство, что не много найдется общих сочинений по этнографии, истории культуры, генетической социологии, истории общественных форм, истории религии и пр. (в том числе и вновь выходящих в наши дни), которые бы не заимствовали фактический материал у Штейнена и не ссылались на его работу. Некоторые авторы очень широко черпали конкретные этнографические данные у Штейнена, а изображенные им впервые племена бакаири и бороро стали излюбленными примерами наиболее отсталых представителей человечества.

Достаточно рекомендует книгу Штейнена уже одно то, что она, равно как и работы его спутника Эренрейха, дали материал Г. В. Плеханову для иллюстрации целого ряда его положений о первобытном коммунизме, происхождении искусства, религии и пр.[1]

Значение и влияние книги Штейнена объясняется, прежде всего, новизной и яркостью представленного им этнографического материала. Но замечательную сторону работы немецкого ученого составляют его простые, трезвые, реалистические, можно сказать даже, материалистические взгляды и толкования явлений примитивной культуры и идеологии.

[1] „Письма без адреса" и „О так называемых религиозных исканиях в России". Сочинения, тт. XIV и XVII, издание Института К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией Д. Рязанова.

Эти взгляды Штейнена игнорируются теми буржуазными писателями, которые настойчиво стремятся приписывать всему что касается примитивного общества, особое „мистическое" содержание.

Очень трудно кратко резюмировать или охарактеризовать богатое и разнообразное содержание книги Штейнена. Все здесь, даже зарисовки отдельных эпизодов и приключений экспедиции, типов индейцев, отдельных черт их повседневного быта — интересно и поучительно, не говоря об обширном, имеющем научное значение для характеристики примитивного строя и его идеологии этнографическом материале. Эту книгу следует не только читать, но и изучать как практику-этнографу, так и теоретику-социологу. Несомненное значение может иметь материал Штейнена для работы на антирелигиозном фронте.

В реалистическом изображении Штейнена эти „дикари" северной Бразилии предстают перед нами как простые, действительно близкие природе люди, тесно связанные той географической средой, в которой они живут и которая определяет их средства производства, всю их материальную культуру, откуда и формы их хозяйственной деятельности, а затем и быт и идеология. И вместе с тем замечательно что, несмотря на территориальную близость их поселений, их принадлежность к одним и тем же или сродным этническим и лингвистическим группам, общность их исторической судьбы, постоянное взаимовлияние и пр., мы видим, при всей общей сходности их примитивного быта, характерное разнообразие каждого из описанных Штейненом обществ этих индейцев.

Не безынтересно и не бесполезно дать краткий обзор последующих, после 2-й Шингу, экспедиций и этнографических работ в тех районах, которые изучались Штейненом.

В 1896 году район притоков Шингу, в частности племя нахуква, были обследованы немецким путешественником Германом Мейером (Hermann Meyer), но результаты этой работы, если не считать кратких отчетов о сделанных Мейером докладах в Берлинском антропологическом обществе, не были, к сожалению, опубликованы.

Вскоре после того на Кулизеху направилась группа американских ученых, но все они поголовно были убиты индейцами в одном из тех селений, которые посетил Штейнен и где он встретил вполне мирный прием.

В 1900—1901 годах по следам Штейнена прошел другой, ныне также выдающийся немецкий этнограф, профессор Макс Шмидт (Max Schmidt). Он встретился, между прочим, с названным выше спутником Штейнена, индейцем-бакаири Антонио, который с великой любовью вспоминал о своем друге. Антонио продолжал жить в селении окультурившихся бакаири на реке Паранатинге и не только сделался главарем этой общины, но успел приобрести популярность среди всех индейцев района Шингу и был даже возведен правительством штата Матту-Гроссу в ранг их главы. Надо думать, что эти житейские успехи Антонио имеют и свою экономическую подкладку: очевидно, своей популярностью среди индейцев он обязан тому „капиталу", который приобрел благодаря участию в двух экспедициях немцев.

Макс Шмидт посетил, между прочим, и деревню Майгери, пребывание в которой так живо и красочно описано Штейненом. Увы, идиллия, которую рисует Штейнен, была трагически нарушена. Шмидт узнал, что главарь этого селения, индеец Тумайяуа, с которым читателю предстоит еще познакомиться из рассказа Штейнена, был убит своими же односельчанами. Очевидно, и здесь в другом преломлении сказались результаты вторжения европейцев с их подарками, нарушивших мирный строй примитивных отношений.

Путешествие Макса Шмидта описано им в книге „Изучение индейцев в центральной Бразилии". Большую ценность имеет также специальная статья о правовых отношениях изученных Шмидтом племен [1].

Отчасти этнографический характер, отчасти кинематографический имела другая экспедиция, совершенная значительно позднее, в 1924—1925 годах, бразильцами при участии молодого

[1] Indianerstudien in Zentral-Brasilien. Berlin 1905. Über das Recht der tropischen Naturvölker Südamerikas.—Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 13 (1899).

швейцарского ученого Генриха Гинтермана (Heinrich Hintermann). Популярное описание преимущественно личных приключений самого Гинтермана дано в его книжке „Среди индейцев и гигантских змей" [1].

И Гинтерману довелось встретиться с Антонио, но он уже был так стар, что отказался принять участие в экспедиции.

В книге Гинтермана интересно указание на то, что обучающиеся сейчас в общих школах дети бакаири идут во всем, в частности и по арифметике, наравне с бразильцами. Это — те самые индейцы-бакаири, отцы которых, как это изображено Штейненом в своего рода классическом описании процедуры счета у бакаири, не имеют в своем языке числительных выше трех и не могут считать без непременного осязания сосчитываемых предметов и загибания пальцев. Лишнее доказательство того, что никакой врожденной неспособности к умственному развитию, никаких органических умственных недостатков не существует у народов и племен, стоящих в данный момент хотя бы на самой примитивной ступени культуры, вопреки утверждениям некоторых буржуазных защитников существования „низших рас".

Наконец недавно, в 1926—1928 годах, престарелый теперь профессор Макс Шмидт посвятил почти полных два года новой работе на старых местах, в Матту-Гроссу. О результатах своих исследований и посещений племен Кулизеху, совершенных двадцать восемь лет спустя после своего первого путешествия, Шмидт опубликовал пока лишь сравнительно краткий предварительный отчет [2].

По словам профессора Шмидта, положение бакаири за последнее время сильно изменилось. Большая часть населения двух деревень, Майгери и Маймаети на Кулизеху, которые были в свое время посещены Штейненом, а затем и Шмидтом, вымерла от эпидемии гриппа, распространив-

[1] Unter Indianern und Riesenschlangen. Zürich und Leipzig 1926.

[2] Ergebnisse meiner zweijährigen Forschungsreise in Matto-Grosso. September 1926 bis August 1928. — Zeitschrift für Ethnologie, 60 (1928) 1—3, Berlin 1929.

шейся несколько лет тому назад по всему Матту-Гроссу. Эту эпидемию бакаири приписали колдовству своих соседей, нахуква и мехинаку, которые завидовали бакаири, улучшившим свое положение благодаря соприкосновению с белыми. Вместе с тем, среди всех индейцев этого района пошли раздоры и враждебные столкновения. В результате многие бакаири с Кулизеху переселились в колонию своих окультуренных соплеменников на Паранатингу, а на место переселенцев продвинулись с севера другие племена.

Несколько слов о последующем изучении другого племени индейцев, также описанного Штейненом в настоящей книге,—бороро.

После посещения Штейненом колонии этих индейцев, их стали усиленно обрабатывать миссионеры, вследствие чего эта группа бороро отчасти утратила интерес для этнографии. Однако большая часть этого племени остается еще почти совершенно неисследованной, так как обитает в едва доступной местности. Очень интересные, хотя и краткие сведения об этих не тронутых еще цивилизацией индейцах сообщает посетивший их американец Фрич. В особенности замечательны следующие данные об их семейных отношениях. Единоженство составляет господствующий порядок у бороро. Предложение брака исходит от женщины, а не от мужчины. Девушка посылает своему избраннику сваренный ею маис. Если молодой человек принимает это подношение, то становится ее мужем. Если он съедает часть или не ест совсем, то этим дает понять, что либо хочет отложить свое решение, либо совершенно отвергает сделанное ему предложение. Муж на время поселяется в доме своей жены, а после рождения детей строит для себя отдельный дом [1].

Результатом изучения бороро католическими миссионерами являются работы патера Антонио Кольбаккини, ранняя на португальском и позднейшая, представляющая собой

[1] Frič V. and Radin P. Contributions to the study of the Bororo Indians. — Journal of the Anthropological Institute, 36 (1906).

переработку первой, на итальянском языке, прекрасно изданная. Работа эта описывает бороро, живущих в колониях [1].

*

При всех достоинствах книги Штейнена текст ее представляет собой частично не вполне литературно обработанные записи в дневнике, частично беглые, иногда чересчур детальные, имеющие только специальный интерес описания. Поэтому книга Штейнена не без труда поддается обработке для русского издания, рассчитанного на массового читателя.

Предлагаемый русский текст представляет собой преимущественно сокращенный перевод немецкого оригинала, переходящий местами в изложение содержания отдельных частей и страниц подлинника. При этом, однако, все, имеющее общий интерес и значение, за исключением подробностей, могущих понадобиться только специалистам, тщательно сохранено.

М. Косвен

[1] Colbacchini A. A tribu dos Bororos, Rio de Janeiro 1919, I Bororos Orientali, Torino 1925.

I. ВЫСТУПЛЕНИЕ

ПРИБЫТИЕ В ГОРОД КУЯБА. — СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ. — ЗАПАСЫ И СНАРЯЖЕНИЕ.—МАРШРУТ.—ХАРАКТЕР МЕСТНОСТИ.—ФЕРМЫ КОЛОНИСТОВ.—ДЕРЕВНЯ ОКУЛЬТУРЕННЫХ БАКАИРИ.—ВСТРЕЧА С АНТОНИО

11 июля 1887 года мы прибыли в город Куяба и тотчас же занялись подысканием проводников и заготовкой провианта. Благодаря тому, что мы побывали уже в этих местах в 1884 году, знали португальский язык и имели знакомства среди местных жителей, сборы были закончены ровно через семнадцать дней.

К моему удивлению, мы узнали, что в 1884 году нас приняли за авантюристов-золотоискателей, явившихся сюда в погоне за бразильским золотом. Никто не хотел верить, что мы предприняли такое трудное путешествие только для того, чтобы познакомиться с образом жизни каких-то ничтожных индейцев. В 1886 году под предводительством некоего Рондона была предпринята экспедиция в область реки Батови, дошедшая до ее истоков и распавшаяся из-за недостатка провианта и разногласий между ее участниками. В 1887 году до Рондона дошли тревожные слухи, что „доктор Карлос" (я) снова направляется в область реки Шингу и что немцы действительно нашли золотые россыпи. Рондон снова стал во главе экспедиции и пустился в путь, опережая нас.

На этот раз наш выбор проводников был очень удачен и нам не пришлось в нем раскаиваться.

От местных властей я получил разрешение завербовать, лейтенанта восьмого батальона Луи Перро и четырех его подчиненных. Перро был честный и храбрый служака, происходящий из семьи французских эмигрантов, участвовал в парагвайской войне и постоянно жил в Куяба. Кроме

Перро, мы подрядили двух бразильцев-колонистов, братьев Петера и Карлоса. Это были стройные, ловкие юноши, легко переносившие самую тяжелую работу, особенно младший, Карлос, мастер на все руки. Оба брата прежде служили у американского естествоиспытателя Герберта Смита, охотились для него, препарировали животных и теперь с восторгом примкнули к нашей экспедиции, отвечавшей их наклонностям и вкусам. Они обещали захватить своих четырех собак.

Рассчитывали мы и на участие спутника нашего первого путешествия—индейца-бакаири Антонио, жившего в деревне на реке Паранатинге.

Неожиданное подкрепление явилось в лице старого милого Януарио, который также сопровождал нас в 1884 году. После тридцатипятилетней службы он вышел в отставку в чине лейтенанта и в ожидании интересного дела скучал в Куяба. Мы купили ему хорошего мула, дали денег на экипировку. Опыт показал, что в дороге очень многое зависит от хорошего начальника каравана: он наблюдает за нагрузкой животных, за порядком во время переправ и переходов и улаживает тысячи дорожных затруднений.

Таким образом, в нашу экспедицию вошло двенадцать человек: четверо немцев—Фогель, Эренрейх, я и племянник мой Вильгельм; затем—Перро, Януарио, Карлос и Петер и четыре солдата: Педро, Колумна, Раймундо и Сатиро. Едва мы отошли от Куяба, как к нам пристал маленький мулат Маноэль, весь костюм которого состоял из штанов и рваной рубашки, и напросился сопровождать нас в качестве поваренка.

Несмотря на то, что мы решили совершить все путешествие пешком, для перевозки багажа нам нужно было иметь двенадцать мулов. У Перро была верховая лошадь, у солдат—казенные мулы. Всего у нас оказалось девятнадцать животных. Каждое из них несло на себе два больших мешка из воловьей кожи, крепко привязанных к деревянному седлу, под которое подкладывались набитые травой подушки.

Мы намеревались довести караван до какой-либо удобной пристани на реке Кулизеху, оставить его там и налегке.

на лодках, плыть вниз по реке и объездить селения индейцев. По окончании речного путешествия мы должны были погрузить на отдохнувших мулов собранные нами коллекции и возвратиться назад в Куяба. Поэтому мы с самого начала старались взять как можно меньше багажа, так как маниоковую муку надеялись получить у индейцев, а часть пути кормиться охотой и рыбной ловлей.

369278

Участники экспедиции: слева—Януарио, Эренрейх, К. Штейнен Фогель-Антонио; сидят—В. Штейнен и Перро

Из припасов мы взяли в первую очередь: три мешка соли (ее нам хватило бы больше чем на полгода), незаменимые коричневые бобы, маниоковую крупу, соленое вяленое мясо, сало, рис, неочищенный сахар, напоминавший по виду кирпичи, консервы, чай, кофе, водку. Из вещей—посуду, фонари, принадлежности для рыбной ловли, топоры, лопаты, ломы, шведские спички, деревянное масло, спирт, порох, дробь, патроны, мыло, медикаменты, бумагу. Для лошади и мулов — уздечки, скребки, подковы, копытную мазь и пр. Кроме того, воловьи кожи, брезентовые палатки, спальные мешки, гамаки, москитные сетки, одеяла, клеенку и табак. Захватили мы и целый ряд товаров для

2 -111

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ

обмена с индейцами: ножи, топоры, бубенцы, семьдесят пять килограммов бус, рубашки, носовые платки, губные гармоники и свистульки. Для проводников—брюки, рубашки, лесные ножи и револьверы.

Не последнее место занимали научные приборы: астрономические, геодезические, метеорологические, антропологические, термометры, карманные гидрометры и компасы, фотографические принадлежности, химикалии, приборы для черчения и рисования, краски, немного книг.

Последние дни были посвящены укладке и упаковке. Днем 23 июля 1887 года мы выступили и недалеко от города расположились на ночлег.

*

К востоку и северо-востоку от Куяба отвесной стеной поднимается плоскогорье, с которого стекают притоки Парагвая и Амазонки. Из южной части этой водной системы мы должны были попасть в северную ее часть и затем, направившись на восток, к притокам Шингу, исследовать в географическом и этнографическом отношениях один из них—Кулизеху.

Нашу первую экспедицию 1884 года мы начали в Куяба и закончили в Пара́, исследовав Кулизеху от его истоков до впадения в Амазонку. На этот раз мы задались целью, побывав на Кулизеху, снова проделать обратный путь до Куяба, чтобы иметь возможность сделать географические съемки и нанести на карту вновь найденные сухопутные дороги. Приблизительно посредине между Куяба и областью притоков Шингу мы должны были перейти многоводную Паранатингу, в которую впадает бесчисленное количество мелких рек и которая является притоком вовсе не Шингу, как это долгое время предполагали, а реки Тапажос, которая, в свою очередь, впадает в Амазонку.

Таким образом, наш маршрут распадался на две части: 1) прохождение малонаселенной области от Куяба до Паранатинги и 2) прохожде́ние дикой и пустынной области от Паранатинги до Кулизеху.

Путь от Куяба до Кулизеху сложился следующим образом: 28 июля 1887 года мы вышли из города Куяба, переправились через реку Куяба и другие речки; с 16 по 19 августа пробыли в деревушке окультуренных бакаири, которых посещали и в 1884 году; 20 августа переправились на правый берег Паранатинги и дошли до истоков Батови; 25 августа переправились через западный рукав Батови, 26 августа—через средний, 27 августа—через восточный; 6 сентября дошли до достаточно глубокого притока Кулизеху, по которому и поплыли вглубь области.

7 сентября Бразилия праздновала день объявления своей независимости. Поэтому лагерь, разбитый нами в этот день, мы назвали лагерем „независимости". Он должен был служить нам основной базой.

Горы, лежащие на восток от Куяба, очень живописны. Под действием воды, ветра и резких колебаний температуры местные горные породы—песчаник и сланец—претерпели сильные изменения. Размельченный желто-красный песок покрывает твердую каменистую почву. Уцелевшие причудливые скалы напоминают увенчанные красными зубцами отвесные стены чудовищных крепостей, неуклюжие циклопические постройки, разрушенные башни, пирамиды и саркофаги. На закате солнца, при луне они производят незабываемое впечатление.

Самое плоскогорье, пересеченное невысокими холмами, покрыто однообразной растительностью: кривыми, низкорослыми деревцами, колючими кустами, жидкими пальмами, жесткой сухой травой, через которые с трудом можно пробраться. Живописны только берега ручьев, заросшие пышными пальмами, зелеными островками выделяющимися на сожженной солнцем равнине. Песчаная почва превращается здесь в свежие, яркие, немного топкие луга.

В этих диких местах нет ни мостов ни дорог. Человеческие жилища не встречаются вовсе и разбросаны на расстоянии целого дня пути. Пустыня начинается непосредственно за городом Куяба: вокруг него не увидишь ни деревень ни возделанных полей. Песчаные, усыпанные голы-

шом дороги вскоре переходят в узенькие заросшие тропинки.

В первые дни путешествия нам попадались мелкие переселенческие поселки и фермы, недавно появившиеся в этих местах.

Население их говорит по-португальски, занимается скотоводством и представляет собой смешение индейской и негрской крови. Стада их пасутся на свободе, и мне сказали, что в некоторых насчитывают до шести тысяч голов рогатого скота. Я с трудом поверил этим цифрам. Фермеры владеют никем не измеренными и действительно неизмеримыми степными пространствами. Хозяева живут с семьей в крытых соломой, промазанных глиной, деревянных домиках с неприхотливой обстановкой, не имеющих даже печей. Стряпают в отдельных хижинах-кухнях, спят в гамаках. За постой денег не берут, но стараются выгодно продать маниоку, маис, кур, вяленое мясо.

На одной крупной ферме мы рассчитывали пополнить запас водки, но нам не повезло: три дня тому назад был праздник в честь св. Антония, и всю водку выпили до капли. Женщин гостям не показывают. Этот обычай и страстная любовь к охоте изобличают в местных жителях их индейское происхождение.

Мелкие фермы поражают своей нищетой. Их жалкие обитатели весьма непритязательны и нелюдимы, кормятся рыбной ловлей. Муки и сахара у них нет. Наши трехствольные ружья, вещи из резины и каучука возбудили их почтительное удивление. Причиной своей отсталости они справедливо считают отсутствие железной дороги и терпеливо мечтают о ней.

Образ жизни бакаири, живущих вблизи Паранатинги, весьма схож с образом жизни бразильских поселенцев. Все они крещены. Для чего? Они не отдают в этом себе отчета. Должно быть, для того, чтобы получить трудно выговариваемое имя и выучить несколько бразильских слов.

Мы посетили бакаирскую деревню, где я был в 1884 году и где у меня имелись знакомые. Мой друг Антонио был

счастлив увидеть меня и Вильгельма, выразил полную готовность итти с нами куда угодно, предварительно даже не поинтересовавшись узнать наши условия и планы.

В деревне было по-старому неуютно: всюду разгуливали куры с цыплятами, грязные собаки и свиньи. Правда, построили два новых дома. За истекшее время многие умерли, но детей не народилось. Очевидно, обычай жениться старикам на молодых, а молодым людям на старухах не давал благоприятных результатов. Приросту населения мешало и невозбраняемое вытравливание плода.

Чтобы спасти деревню от вымирания, по моему мнению, существовало одно средство. Кроме меня, до него додумался даже глупый главарь Фелипе, но никак не могло додуматься умное бразильское правительство. Это средство заключалось в том, чтобы завязать сношения с открытыми мною в 1884 году живущими на реке Батови дикими бакаири и часть их переселить на Паранатингу.

Фелипе рассказал мне, что в 1886 году он и Антонио посетили своих единоплеменников и привели некоторых из них на Паранатингу. Увидев воочию чудеса европейской культуры и получив подарки, бакаири ушли, дав обещание привести целую партию своих односельчан.

Для нас это сообщение имело огромное значение. Фелипе и Антонио узнали, что на восток от Батови, на Кулизеху, есть еще несколько бакаирских деревень. При этом известии мое сердце забилось от радости.

Если бы мы нашли, во-первых, Кулизеху, во-вторых, бакаири, которые помогли бы нам снестись с другими дикими индейскими племенами, то наша цель была бы достигнута. Так оно и случилось.

II. ЭКСПЕДИЦИЯ В ПУТИ

ВНЕШНИЙ ВИД ЭКСПЕДИЦИИ. — ПОВЕДЕНИЕ МУЛОВ. — МЕРТВАЯ РАВНИНА. — ОТДЫХ И НОЧЛЕГ. — ПАРАЗИТЫ. — БРАЗИЛЬСКИЙ „НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВАР". — ОБЕЗЬЯНА НА ВЕРТЕЛЕ. — ОХОТА И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ. — СОН БУДУЩЕГО

Экспедиция наша имела довольно своеобразный и лихой вид. Впереди на белой, длиннохвостой и длинногривой, позвякивавшей колокольчиком кобыле „Мадрине" ехал Перро. Рядом с ним, с голубой эмалированной кастрюлей на голове, с коротким ружьем за плечом, шагал босиком поваренок Маноэль. Позади, на мулах, ехали мы и наши проводники. Вокруг носились четыре собаки; в одном заброшенном поселке к ним пристал маленький туземный шпиц.

Неутомимый старый забияка Януарио объезжал наши ряды, то одобрительно, то угрожающе покрикивая на мулов. Иногда он не отказывал себе в удовольствии поджечь степную траву: не для того, чтобы полюбоваться игрой пламени, а чтобы по черным, сожженным полосам травы, резко выделявшимся среди молодой, свеже-зеленой, мы легче могли отыскать путь обратно.

Оба бразильца были очень живописны: стройный красавец Перро в пестрой полотняной рубашке, белых брюках, шляпе и высоких сапогах, блещущий военной выправкой, и Януарио с темно-бронзовым морщинистым лицом, в стоячем белом воротничке. Он—всего только лейтенант в отставке, но его новенькое седло сверкает, револьвер—в кобуре из ягуарового меха; через плечо висят ружье в новом футляре и нарядная фляга.

Я и племянник мой Вильгельм щеголяли в брюках из английской кожи, тех самых, в которых мы совершили первое путешествие. Эти брюки делали нас похожими на

итальянских шарманщиков. Все мы, четверо немцев, носили шерстяное белье; в период дождей оно быстро впитывает пот и быстро высыхает. Головы наши были защищены широкополыми соломенными шляпами. На мне и Эренрейхе были горные сапоги; когда дорога становилась песчаной, я шел босиком. Вильгельм и Фогель были в полотняных туфлях.

Проводники несли на спинах самодельные кожаные мешки, только Антонио тащил свою поклажу в тяжелом белом полотняном мешке, который он не снимал даже во время охоты.

Военные, т. е. четыре унтер-офицера команды Перро, редко надевали свои форменные синие мундиры со стоячими красными воротниками и тремя блестящими пуговицами на рукаве,—уж очень эти мундиры не подходили к их поношенным штатским брюкам, старым фетровым шляпам и босым ногам. Обыкновенно команда была в тиковых куртках с красными погонами. На шляпах торчали иголки для шитья, папиросы и т. п. Темно-коричневую шляпу Колумны украшала розовая шелковая лента. Полотняные рубашки Карлоса и Петера имели историческое прошлое: они были сшиты из палатки их прежнего хозяина—естествоиспытателя Герберта Смита.

Ружьями мы часто менялись. Я дал свое Петеру и оставил себе револьвер, из которого в продолжение всего путешествия не сделал ни одного выстрела.

Самым драгоценным предметом мы считали наш большой лесной нож, купленный в Куяба. У большинства из нас в дорожной сумке рядом с дневной порцией еды и пачкой табаку находилась зажигалка, употребляемая бразильскими охотниками, состоявшая из куска стали, рога и фитиля, которым служили кусок очищенного хлопка или пористая пальмовая кора. Фитиль зажигался также при помощи увеличительного стекла или объектива бинокля; в солнце недостатка не было. Наконец за поясом у всех висели обыкновенные жестяные кружки или тыквенные бутыли, служившие для еды и питья.

Фогель шел, поглядывая то на часы, то на компас, делая заметки, раскачивая висящий на длинной веревке термометр. Эренрейх созерцал и изучал окружающую природу. В первую половину пути мы с Вильгельмом исполняли роль вожатых, во второй половине—дровосеков.

Вначале наши мулы вели себя безобразно, и погонщики громко их бранили, не стесняясь в сильных выражениях. При каждом удобном случае упрямые животные убегали в чащу, с разбегу налетали на деревья, теряли поклажу. Нам приходилось сбрасывать с себя кожаные мешки, догонять беглецов, подбирать и вновь нагружать разбросанные тюки. Я до сих пор вспоминаю с тяжелым чувством день, когда мне целых полчаса пришлось ловить мулов, забравшихся в густые заросли кустарника. На более плодородных участках они принимались есть траву и обгладывать пальмовые листья. Лишь постепенно мы приучили их вести себя прилично, и, хоть сильно отощав, они вполне дисциплинировались.

Антонио, Вильгельм и я, составлявшие авангард, вставали на полчаса раньше остальных, выискивали, вернее, прокладывали дорогу, обрубая лесным ножом кусты, или отрывали от стволов куски коры, чтобы указать путь идущим вслед за нами. Если, встретив неопреодолимое препятствие, нам приходилось возвращаться назад, чтобы отыскивать новую дорогу, то старую, оказавшую негодной, мы отмечали положенной наискось веткой, а новую—крупными насечками на деревьях. Иногда наши знаки понимались неправильно, нам попадало, а мы обижались, так как работали не за страх, а за совесть. К счастью, перейдя реку Паранатингу, мы нашли наши старые зарубки 1884 года, которыми и воспользовались.

Трудно вообразить, до чего непрерывное движение вперед притупляет все чувства. Скудная природа спит под знойным солнцем. От пыли пересохли губы и язык, борода склеена точно жидким тестом, горло томит жажда. Люди и животные изнемогают. Покрикивания anda, diavo! (вперед, дьяволы!) слышатся все реже и совсем затихают. Смотришь на залитую солнцем равнину и не видишь ее. Собравшись с силами, уныло шепчешь соседу:

— Ах, если бы мы были сейчас в Берлине!—и горько улыбаешься, услышав мечтательный ответ:

— Холодное пиво, мороженое...

Упиваясь этими словами, глотаешь пыль, шатаясь, бредешь по степи так же безвольно и покорно, как собаки, плетущиеся по пятам. Путаются мысли. В конце-концов засыпаешь на ходу. Засыпают и остальные, засыпают животные и пустынная природа вокруг. Мы спим, но механически подвигаемся вперед.

Если бы встретить хоть что-нибудь живое! Одинокая бабочка приводит нас в восхищение. По временам, поднимая какого-нибудь четвероногого зверя, уснувшего в чаще от зноя, собаки заливаются бешеным лаем. Но равнина мертва. Даже после восхода солнца не слышно птичьего голоса; местность напоминает мертвый лунный ландшафт. К полудню зной делается нестерпимым. Серо-черные остовы низких кустов бросают жиденькую тень. Завидев издали развесистое дерево, собаки бросаются к нему (замечательное свидетельство их сообразительности!) и, высунув языки, тяжело дыша, стоят в тени, пока мы не поровняемся с ними. В гористых местах исчезает и кустарник; землю покрывает жесткая трава, по которой скользят ноги. Всякое мимолетное облачко мы приветствуем с благодарностью, как избавление. Подобно бразильским охотникам, мы скоро научились пользоваться солнечным светом как часами и компасом. Я дошел до того, что определял время с точностью до четверти часа. Приблизительно зная время и не глядя на солнце, я мог определить направление нашего пути Тень идущего впереди человека, тень травяного стебля или моя собственная заменяли мне солнце. Можно дойти до того, что, держась одного и того же направления и наблюдая за тенью, будешь учитывать сначала сознательно, потом бессознательно ее отклонение. Культурный человек беспомощен без своих приборов Туземцы, с юных лет пытливым взором наблюдающие природу, ориентируются так ловко,

что мы готовы приписать им особый „инстинкт". Подобный, опирающийся на положительные знания „инстинкт" делает их сведущими и в топографии. Наши авторитеты—Фогель, никогда прежде не бывавший здесь, и Антонио, которому геология и математика были одинаково неизвестны—очень часто не сходились во мнениях относительно нашего маршрута и ссорились.

Может быть, из-за плохой дороги, недостатка воды и однообразия окружающей природы у меня сложилось превратное мнение об этой местности. Но путешествие наше имело и свои светлые стороны.

Прохладные ночи и сон под открытым небом необыкновенно освежали нас, и наутро мы просыпались обновленными и душой и телом. Не надо забывать, что, несмотря на быструю ходьбу, благодаря большой сухости воздуха мы нисколько не потели. Без воды мы оставались редко, и те дни, когда в пыльной бамбуковой чаще нам попадались только болота с горько-соленой водой, были печальными исключениями.

А как было чудесно отдыхать на берегу ручья под зеленым сводом нависших деревьев, черпать полными кружками кристальную воду или, покуривая трубку, болтать в воде ногами и, пугая быстрых полосатых рыбешек, следить за полетом огромных, величиной с ладонь, лазоревых сверкающих на солнце металлическим блеском бабочек! Низкорослые пальмы гуарироба с обыкновенными листьями были невзрачны. Поднимавшиеся могучими вееропо добными верхушками прекрасные пальмы буритис манили к себе издалека: мы знали, что вблизи них всегда найдем воду.

В этих пустынных местах фрукты должны бы встречаться в изобилии. Но, к удивлению, этого не оказалось. Плоды пальмы уакума с желто-оранжевым мясом и клейким абрикосово-сладким соком попадались редко: обычно тапиры поедали их, не дав им созреть. Редко удавалось нам полакомиться и мангавами, еще реже—похожими на яблоки вкуснейшими плодами Solanum lycocarpum или „волчьими плодами", сочной сладости которых черные косточки придавали нежную горечь. Мы шли цугом, один позади другого, и идущий впереди Антонио не находил нужным делиться с нами своими находками. Я пришел к заключению, что наш примерный вожак срывал и тут же уничтожал все спелые плоды.

Выбирая место для ночлега, мы обеспечивали себя водой, пастбищем и деревьями, пригодными для подвешивания гамаков. Идеальным лагерем считался пологий берег чистого ручья, в котором можно было бы купаться, расположенный вблизи пастбища с молодой и сочной травой. Последнее должно было быть окружено лесом, который бы не позволял мулам разбрестись. Тут же должны были расти высокие, отстоящие друг от друга на семь—девять шагов деревья. Худшим лагерем считалось лежащее в скудной степи болото с двумя-тремя пальмами буритис и гудящей тучей москитов. К счастью, в таких местах нам редко приходилось останавливаться.

Располагаясь на ночлег, мы развязывали кожаные мешки и тюки с поклажей, раскладывали в порядке седла и ремни. Затем внимательно осматривали спины расседланных мулов, смазывали образовавшиеся на них раны и опухоли и пускали животных пастись на свободе. Вначале самых беспокойных приходилось стреножить. Огорчали нас только два непокорных мула, купленных в Куяба: они пытались убежать домой уже со второй стоянки и с тех пор, соединенные тесной дружбой, удирали при каждом удобном случае.

Отыскав удобное место для кухни, поваренок Маноэль собирал хворост и, раздув шляпой огонь, вешал над ним котелок с бобами. Мы распаковывали мешки с необходимыми для ночлега вещами и выбирали деревья для гамаков. Чтобы уберечь спальные мешки от муравьев и термитов, мы заботливо подвешивали их на деревья. Затем быстро приступали к еде. В кружке или объемистой тыквенной бутыли разводили муку водой из ручья и клали в мучную кашу кусок масла. Все лица сияли довольством: наступал радостный момент насыщения.

Все было бы хорошо, если бы не пчелы. Они облепляли нас так жадно, словно мы были цветущими фруктовыми

деревьями. На некоторых привалах маленькие, толстые, похожие на мух пчелы особенно сильно докучали нам. Они ползали по груди, стараясь выпить малейшую каплю пота. Они не жалили, но, как только мы останавливались или садились, заползали в нос, глаза, уши, кишели на всем теле, щекотали, шуршали и отвратительно хрустели под руками.

Пчел мы ненавидели, москитов боялись, особенно в дождливый период. Москитный полог, натянутый на тонкие прутья и окружавший наши гамаки воздушной газовой покрышкой, служил надежной защитой. Злорадство удваивало сладость нашего отдыха: снаружи, так близко от нас, то зловеще замирая, то грозно усиливаясь, звенело тонкое жужжание москитов, но теперь они были бессильны. Под москитным пологом можно было рисовать, читать и писать. Но самый мелкий вид москитов, почти незаметный для глаза, беспрепятственно проникал сквозь редкую газовую ткань полога; их укус причинял такой нестерпимый зуд, что мутился разум: обливаясь потом, мы метались в бешенстве, сначала терли, потом расчесывали укушенное место, хотя знали, что, после минутного облегчения, оно будет гноиться и болеть много недель.

Сильно досаждали нам клещи, падавшие с деревьев—они впивались в тело и наливались кровью, а также особый вид мух, исчезавших к вечеру, укусы которых оставляли на коже черные пятнышки, похожие на кровоподтеки. Маленькие мухи, получившие прозвище „глазных лизунов", садились только на глаза и,—чего я им не мог простить,—главным образом, почему-то на мои глаза, причем выбирали место под верхним веком. Приходилось с перекошенным лицом звать на помощь товарищей.

Все перечисленные паразиты встречались чаще в дороге, чем на привалах. Термиты и настоящие владыки девственного леса—муравьи—заползали в спальные мешки и кожаные вещи. К счастью, мы научились замечать во-время приход непрошенных гостей и перед сном осматривали и отряхивали свои пожитки. Крик: carregadores! (муравьи!) всегда вызывал переполох. Обнаруживший присутствие муравьев

в своих вещах отбегал с ними в сторону. Все озабоченно вылезали из спальных мешков и принимались исследовать их. Эти работающие по ночам „муравьи-носильщики" таскают на себе колоссальные тяжести; глаза у них величиной с горошину; сильными клещами они делают глубокие надрезы в сукне и полотне. Их жилища с бесчисленными ходами, достигающими трех метров глубины, занимают обширные пространства.

Возвратимся к обеденному часу. Веселый голос Маноэля, во время приготовления пищи воспевавший громко, но не мелодично свои кастрюли и их содержимое, сзывает нас четверых, Перро, Януарио и Антонио. Остальные семеро, разделившись на две группы—четырех солдат и трех проводников, едят отдельно.

Мы занимаем свои места, вооружаемся ножом и вилкой, берем по цинковой тарелке, впоследствии замененной тыквенной бутылкой, и располагаемся в живописных позах вокруг желтой или черно-белой бычьей кожи, на которой расставлены дымящаяся миска, тарелка с мучной кашей и перечница. Фогель сидит, скорчившись, на своем складном стульчике. После еды пьем парагвайский чай, а иногда и кофе.

Охота и рыбная ловля помогают разнообразить наше немного скучное меню. За малыми исключениями, мы едим все, что удается подстрелить. В Рио-де-Жанейро я купил поучительную книжку под заглавием „Национальный повар", в которой доказывалось, как богата и полезна бразильская кухня. Эта книга служила нам кулинарным справочником. В ней имелось шестнадцать рецептов для приготовления жаркого из тапира, три рецепта—для ягуара и муравьеда, семь—для обезьяны: „Берут обезьяну, отрубают ей голову и 1) шпигуют на вертеле, 2) жарят в печке, 3) тушат с огурцами, 4) начиняют индейскими винными ягодами, 5) варят с бананами" и пр. Давались рецепты и для приготовления кушаний из мяса кабанов, акул и грызунов. „Национальный повар" уверял, что мясо одного из грызунов очень полезно для скрофулезных, туберкулезных, сифилитиков и

ревматиков. Правда, приготовление его требует много хлопот: двадцать четыре часа его надо томить с пряностями, шесть часов держать в проточной воде, шесть часов вымачивать в водке, приправив гвоздикой, петрушкой, луком, майораном, солью и перцем, и, наконец, жарить на вертеле. Мясо мышевидных двуутробок и губастых медведей считается очень изысканным. Из ящериц делают фрикассе, похожее на куриное. Из диких птиц куриной породы и из попугаев получается вкусное рагу. Очень нежно мясо змей, и тот, кто его ел, никогда не забудет его вкуса. Оно очень полезно при сердечных болезнях, застарелом люэсе и незаменимо в первой стадии слоновой болезни. Вкуснейшее и целебнейшее мясо дает гремучая змея.

Мы испробовали большую часть описанных блюд, но, к сожалению, ни одна из немногих виденных нами змей не попала в наш кухонный котелок. Обезьянье мясо нам не очень понравилось: оно было твердо и похоже на пережаренную говядину. Мы ели только серо-желтых и коричневых обезьян с черным затылком и цепким хвостом. Я очень жалею, что не могу показать фотографии, снятой с посаженной на вертел обезьяны. Растянувшись в весь рост, устало опустив пятипалые руки, повернув набок обугленную голову с застывшей на лице мучительной гримасой, она сильно напоминает человеческое существо. Тяжелое впечатление получается, когда повар шевелит вертелом и туша делает судорожные движения. Мясо тапира мы ели с перечным соусом. Самая вкусная его часть—хоботок и печенка; последнюю Фогель замечательно искусно поджаривал на вертеле. Мясо дикой свиньи было бело, как телятина, и вкусом не походило на обыкновенную свинину. Однажды мимо нашего лагеря прошло стадо диких свиней в шестьдесят голов. После бешеной охоты, сопровождавшейся собачьим визгом, мы убили четырех боровов и одну свинью, соорудили огромный костер и изжарили на нем крупные куски, а сердца и печенки сварили. Мясо козуль мы ели очень охотно, особенно головы; мясо старых животных имеет неприятный запах чеснока. Козули, встреченные нами по ту сторону реки Паранатинги, еще не научились бояться человека: остановившись в тридцати шагах, они смотрели на нас с любопытством; раненые, они сначала бросались бежать, но затем спокойно останавливались и зализывали свои раны. Мясо ягуара, показавшееся нам в 1884 году не хуже превосходной свинины, теперь, в 1887 году, нам не удалось испробовать. Мясо муравьедов было отвратительно. Жареный хоботковый медведь имел приятный вкус дичи.

Из птиц мы изредка убивали глухарей, голубей и попугаев. Они большей частью водятся в прибрежных лесах. Черепахи встречались довольно редко, но зато мы ели их с большим удовольствием, в особенности самок, при которых находили крупные яйца величиной с апельсин. Попробовали мы и жареный хвост аллигатора: его мясо, белое, как рыба, было жестковато, но вполне съедобно. Рыбу случалось есть очень редко: в небольших речках плоскогорья ее было немного. Для развлечения проводники ловили на мучной клейстер мелкую рыбешку в палец величиной. Но, увы, рыба не клевала. Один из мулатов открыл причину этого явления:

— Здешние рыбы не знают, что такое крючок, оттого и не клюют.

Я думаю, что в этой местности большое число людей не могло бы прокормиться одной охотой. Страна не богата дичью, но с запасом соли и хорошими собаками, не стесняясь временем и не преследуя определенного маршрута, можно безбоязненно продвигаться вперед.

Растительная пища, не считая упомянутых выше плодов, ограничивалась пальмовой капустой, горькой, как хина. Пальмовое вино мы пили только один раз: срубили пальму буритис, имевшую в обхвате полтора метра, и сделали несколько надрезов в ее твердой, как сталь, коре, причем сломали два топора. Из серо-розовых надрезов вытекла сахарная вода, похожая на молоко.

После обеда каждый мыл в ручье свой прибор, Маноэль—кастрюли. В один прекрасный день мы узнали, что негодный мальчишка мыл их туалетным мылом, и не только их, но даже выщипанных и выпотрошенных птиц.

...Ночь опускается все ниже над нашим одиноким, затерянным в чаще лагерем. Мы уютно покачиваемся в гамаках и болтаем; выслушиваем рассказы о жизни животных, об охотничьих приключениях, например, о том, как Перро упал с дерева в реку и очутился верхом на спине аллигатора. Смеемся, вспоминаем родину. Эренрейх мастерски рассказывает анекдоты. Потом начинаем дремать.

В лесу размеренно и звонко свистит ночная птица и не замолкает всю ночь. Ни один лист не шелохнется, но в пышных ветвях пальм раздается похожее на шум дождя однообразное стрекотанье цикад. Издали примешивается к нему звон колокольчиков — это пасется Мадрина, лошадь Перро.

Темно только в чаще и под деревьями, где бесформенной массой выделяются сваленные в кучу седла и тюки. Костер потух, дотлевают последние угли. Сквозь сетку черных сучьев сверкает звездное небо. Взор рассеянно бродит по темной равнине. Там, вдалеке, полыхает красное зарево степного пожара. Огонь вспыхивает ярче, перебрасывается на соседний холм и, свиваясь тонкой змеей, ползет дальше. В огне рисуются призрачные дома, сады, железные дороги, поезда и вокзалы. Обманчивый сон! Когда станешь ты действительностью? Куябанцы были уверены, что „доктор Карлос" (так они меня прозвали) найдет удобный путь для железной дороги, которая соединит Шингу с Пара. И сам „доктор Карлос" не раз видел в мечтах эту железную дорогу уже построенной, любовался снующими взад и вперед поездами и... крепко засыпал.

Во сне „доктор Карлос" проделывал еще более замечательные вещи. Он летал. Он спускался вниз с многоэтажной высоты, он пролетал огромные пространства и уже готовился демонстрировать свое удивительное искусство в цирке, как вдруг оно изменяло ему в самый решительный момент, и толпа осмеивала неудачливого летуна. Летание стало мне сниться постоянно. Должно быть, это объяснялось тем, что в гамаке я спал без подушки и у меня затекала голова.

Спал я чутко и, как хороший хозяин, просыпался первым и будил Маноэля. Протерев глаза, он разводил огонь

и кипятил воду. Я громко дудил в маленькую трубу, и щиц, подвывая ей в тон, пел свою утреннюю песню. Наши опытные следопыты отправлялись за мулами. Мы снимали гамаки, складывали одеяла, мылись в ручье — мылом, а иногда из экономии песком, может быть, золотоносным, затем съедали порцию бобов и с трепетом ожидали, когда зазвонят колокольцы милой Мадрины.

Она всегда шла впереди. Прошли счастливые времена, когда Януарио подзывал мулов, потряхивая мешком, наполненным маисом, и животные торопливо бежали к нему навстречу и нетерпеливо рыли копытами песок. Маиса у нас больше не было. Мы наскоро пересчитывали животных, благодарили судьбу, если все драгоценные ушастые головы были налицо, и авангард трогался в путь.

III. ИДИЛЛИЯ У БАКАИРИ

НА РЕКЕ КУЛИЗЕХУ. — ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. — ПЕРВОЕ СЕЛЕНИЕ БАКАИРИ. — „ЕВА". — ЖИЛИЩЕ. — ПИЩА И ПИТЬЕ. — НАГОТА. — ЧУВСТВО СТЫДЛИВОСТИ. — ЯЗЫК ЖЕСТОВ. — ПАНТОМИМЫ. — РЫБНАЯ ЛОВЛЯ. — ЯЗЫК. — СЧЕТ И ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Антонио взялся в один день соорудить лодку из древесной коры. На следующее утро она должна была быть спущена на воду. Антонио утверждал, что берега реки обитаемы. В поисках дерева для весел он натолкнулся на развалившуюся, крытую пальмовой соломой хижину; на ее столбах и на соседних кустах были заметны тупые следы каменного топора. Тут же лежали обгоревшие поленья. Протоптанная тропинка вела через кустарник к речной пристани. Антонио высказал предположение, что год тому назад здесь жили индейцы.

В четверг, 8 сентября, в десять с половиной часов утра мы отплыли из лагеря „Независимость". Карлос сидел на носу лодки, Антонио — на корме, я — посредине. Палатка была слишком тяжела, вместо нее мы взяли бычью шкуру. Лодка наша оказалась непрочной и сразу дала течь. Мы заделали отверстия воском и глиной, но вода все-таки просачивалась.

Но что из того? Я был счастлив. Мы были уверены, что найдем индейцев, и не сомневались, что это будут бакаири. Карлос громко и беззаботно распевал бразильские песни; Антонио молчал, но его открытое лицо сияло радостью.

Вскоре после полудня он заметил на правом берегу сломанные ветки; пристав к берегу, мы увидели нечто вроде подстилки из листьев и веток, на которой когда-то лежала туша убитого зверя, но не нашли следов ни хижины ни костра. По всей вероятности, добыча была перенесена отсюда в ближайший лагерь или деревню. Надрезы на кустах

были сделаны, повидимому, месяц тому назад. Здесь же мы расположились на полдневный отдых, изжарили рыбу, весело позавтракали и поплыли дальше. Мелкие мухи густой тучей носились над нами. Чтобы уберечь свои босые ноги от их укусов, причинявших нестерпимый зуд, я обернул ноги носовым платком. Было облачно и душно. Сильная гроза заставила нас искать защиты на скользком отвесном берегу. Но скоро прояснилось, выглянуло солнце и высушило наше шерстяное белье. Его нельзя было назвать красивым, но оно было легко и удобно, и, не стесняясь своих спутников, я оставался в одном нижнем белье.

Настал чудесный вечер. Сидя в гамаке, я доставил себе удовольствие и впервые после выступления писал при свете свечного огарка. В чаще леса стрекотали сверчки. Внизу подо мной журчал ручей, над огнем кипели коричневые бобы.

Но скоро я отбросил дневник и, легонько покачиваясь, пристально глядя на огонь, принялся курить, отдыхая душой и телом. Мыслей не было, и это было приятно. Не было и тоски по развлечениям, которые на родине казались необходимыми. Их с успехом заменяли трубка и огарок свечи. Свежая ключевая вода, поднесенная мне в тыквенной фляге Карлосом, казалась вкуснее вина. Я хладнокровно вспоминал городскую жизнь: обычно в этот час люди собираются в театр, на концерт или в гости. На минуту я вообразил себя гуляющим по берлинским улицам, читающим пестрые афиши, но сердце продолжало биться спокойно. От столичного грохота и пестрой суеты мечты мои с удовольствием возвращались в глушь девственного леса, на берега дикой реки.

. . . . . .

На реке часто встречались водопады, буруны и пороги. Я был поражен, когда на гладком месте реки Антонио вдруг заявил мне, что здесь вчера или третьего-дня проезжала туземная лодка. Действительно, недалеко от берега я заметил множество мелких белых водяных пузырей — следы пены от весел. Мы изредка переговаривались между собой

гребли изо всех сил. По обеим сторонам реки стоял высокий молчаливый лес. Река сверкала в солнечном свете; желтые бабочки порхали над ней. Понемногу русло, расширяясь, превращалось в бухту. Мы снова причалили к берегу; я послал своих спутников исследовать нижнее течение реки и в ожидании их уселся на берегу.

Полдень. Карлос уже возвращается назад, когда на расстоянии выстрела я вдруг замечаю лодку. Голый индеец стоит в ней и торопливо гребет к берегу, пристает к развалившемуся дереву и осторожно присаживается за прикрытием.

— Бакаири!—кричу я изо всех сил.—Мы бакаири, ты бакаири, я бакаири. Бакаири—хорошие!

В радостном возбуждении перебираю все известные мне бакаирские приветствия. И вот—„бакаири! бакаири!“ несется мне в ответ. Слышу я и другие слова, которых, к сожалению, не понимаю. Высокий голос звучит испуганно и недоверчиво. Бакаири взволнованно машет руками, как-будто танцует какой-то танец.

— Бакаири!—начинаю я снова, но тут, к счастью, быстрыми прыжками подбегает ко мне Антонио и, запыхавшись от волнения, выкрикивает длинную, непонятную мне фразу. В ответ на нее раздается восторженное рычание. Положение вещей меняется в одно мгновение.

Лодка выплывает из-за прикрытия и направляется к нам—длинная, красивая, крепкая лодка из древесной коры, противоположность нашей—уродливой, кривой, заштопанной воском, забрызганной грязью. Мне кажется, что мы вступили в область высшей культуры. На неизвестном гребце надет только пояс. Чисто выделанные, украшенные перьями лук и стрелы лежат на дне его лодки рядом с тыквенной бутылью, наполненной медом. Весь облик бакаири поражает меня, одинокого культуртрегера, своей опрятностью и стройностью. Бакаири выражением лица ясно показывает нам, что и он восхищен нами. Сам он вовсе не похож на молчаливого, нелюдимого индейца, на котором отразилось влияние угнетающе-однообразной природы тропического

леса. Он смеется и болтает со своим единоплеменником Антонио, как со старым знакомым. Через несколько минут мы с ним добрые друзья. Снисходя к моей просьбе, правда, после долгих колебаний, он сообщает нам свое имя, хотя это и противоречит здешним обычаям. Его зовут Тумайяуа. Он—глава бакаирской деревни, расположенной в нескольких часах пути отсюда.

Привал экспедиции

Итак, я нашел бакаири. Сбылись мои надежды. Я вступил в их малоисследованную область и смогу приступить к наблюдениям над этим полудиким племенем. Антонио передает нам, что Тумайяуа был очень удивлен моим обращением к нему. Он ответил мне, что он—действительно бакаири, но что мы—вовсе не бакаири. Тумайяуа любезно предлагает нам пересесть в его лодку, сам переходит в нашу и берет на себя роль проводника.

В три с четвертью часа дня мы пристаем к левому берегу. Трудно сказать, кто из нас больше радуется: Тумайяуа, убежавший вперед, чтобы возвестить о нашем прибытии, или мы сами. Через несколько минут по узкой тропинке

мы входим в лес и слышим издали громкие возгласы и крики. Перейдя по древесному стволу, служащему мостом через кристально-прозрачный ручеек, и пройдя несколько сот шагов, мы видим три имеющие форму ульев хижины, расположенные на некотором расстоянии одна от другой.

Там во главе с усердно жестикулирующим Тумайяуа ожидает нас группа нагих коричневых мужчин и на заднем плане—женщин и детей, сбившихся в кучу, полурадостных, но превыше всего—сильно испуганных. Мужчины выступают нам навстречу, вытянув правую руку вперед, и говорят:

— Ama — ты, это—ты,

или:

— Ama karáiba, ты—караиб.

Не они, а мы оказываемся, по их мнению, „караибами", и я называюсь здесь pima caráiba—вождь караибов.

*

Уже в первый вечер я составил себе довольно ясное представление о других обитателях района Кулизеху, с которыми нам предстояло встретиться.

Здесь были расположены три деревни *бакаири;* за ними следовали: одна деревня *нахуквá*, две деревни *минакý*, одна деревня *аутúй*, одна—*яулапихý* и на реке Кулуэне—одна деревня *трумай*.

Получить от бакаири эти сведения оказалось делом довольно трудным. Пришлось при этом много рисовать на песке, разыгрывать целые пантомимы и, если часть пути оставалась неизвестной, начинать каждый раз сызнова. Для начала я узнал достаточно: отдельные племена жили на расстоянии немногих, самое большее—трех дней пути друг от друга.

На следующий день, 11 сентября 1887 года, я послал Антонио и Карлоса с новостями в лагерь „Независимость". На лесной нож я выменял у бакаири одну из двух имевшихся у них лодок и заказал вторую лодку.

Сам я решил остаться, чтобы в одиночестве использовать без помехи удобный случай и заняться исследованием

этого примитивного народа. Я узнал, что во второй деревне бакаири мы тоже могли раздобыть две лодки. Антонио и Карлос должны были привезти еще двух наших людей, которые сопровождали бы меня во вторую деревню. Оттуда, запасшись четырьмя лодками и всем необходимым, мы бы вернулись в свой лагерь и уже оттуда смогли бы предпринять настоящее речное путешествие. Оставшиеся в лагере совместно с Антонио должны были взвесить результаты своих сухопутных рекогносцировок и решить вопрос о перенесении нашего сборного пункта в первую бакаирскую деревню.

Оставшись один среди новых друзей, я почувствовал себя превосходно. Дни, проведенные здесь, я до сих пор считаю счастливейшими в своей жизни. Попытаюсь описать некоторые черты этого добродушного и честного племени, рисующие индейцев в не совсем обычном свете.

Бакаири приветливы, словоохотливы и доверчивы как в обращении с чужеземцами, так и друг с другом. В этой деревушке я смеялся так же часто и так же часто слышал чужой смех, как и под кокосовыми пальмами Самоа и Тонга. Правда, бакаири малоподвижны, и мировоззрение их менее жизнерадостно, чем у тихоокеанских племен. Здесь девушки не танцуют при луне, мужчины не поют во время гребли. Здешние жители легко поддаются чувству страха и недоверия, но им нельзя приписать угрюмости, которую, как и жесткие волосы и монгольские глаза, приписывают всем без исключения индейцам.

Деревня бакаири была очень невелика и состояла из двух больших круглых домов, в которых помещалось по несколько семей, и из продолговатой обветшавшей постройки, служившей мне резиденцией.

На свободных пространствах между домами стояли помосты, на которых расстилали цыновки и сушили муку маниоки. Посредине лежало длинное тонкое бревно, служившее общим местом для сидения. Вокруг росли рициновые и хлопковые кусты и было посажено множество фруктовых деревьев, пальм, манго, образовавших целую аллею. Восточ-

ная дорога вела через ручей к „гавани", северо-восточная, широкая, протоптанная в высокой траве, которою здесь кроют крыши хижин—к речным порогам, южная—к маниоковым плантациям. Весь этот заселенный и расчищенный участок со всех сторон окружал сплошной стеной высокий девственный лес.

Община состояла из девяти мужчин, семерых женщин и пятерых детей. Перечисляю мужчин: Тумайяуа — главарь, на нем лежала забота о плантациях; Палеко — его отец, чудесный старик, занимавшийся плетением корзин и вершей, с которым я свел самую тесную дружбу; Алакуайи — плотник и лодочный мастер; Авия — художник; Япу — толстяк; Калаваку — скромник. Затем трое юношей: Кулекуле, Лухуи Пауага.

Через несколько дней к нам пришли гости из второй деревни; среди них оказался человек, не имевший собственного имени по той причине, что родители его рано умерли.

Имена женщин узнать было невозможно: „пекóто ýра", т. е. „я—женщина", неизменно отвечали они на мой вопрос. Мне пришлось самому выдумывать им прозвища. Как полагается, имелась здесь и родоначальница — супруга Палеко, старуха с морщинистым огрубелым телом. Полной противоположностью была ее юная внучка Ева, дочь Тумайяуа, мать двоих детей и жена Кулекуле, которого, еще не узнав его имени, я прозвал Адамом этого первобытного рая. Его мускулистое, великолепно сложенное тело было красновато-желтого цвета обожженной глины. У Евы было тонкое лицо европейского склада с пухлыми губами, легко краснеющими щеками, обрамленное густыми волнистыми волосами. Во всей Бразилии я не встречал таких огромных и прекрасных глаз, а это похвала не малая. В их горячем взгляде не было ни тени кокетства, но в них искрилась наивная бессознательная чувственность. Ее стройное тело, не стесненное одеждой, делало ее похожей на праматерь Еву. К сожалению, она все время чесала в голове, иногда от смущения, но чаще потому, что ее беспокоили вши. Ее двенадцатилетняя приятельница, моя нареченная невеста, имела обыкновение искать

у нее в голове насекомых и тут же поедать их. Этой юной девице всегда доставались самые лучшие вещи; бусы, которые я дарил другим, всегда оказывались на ней. Это объяснялось тем, что она была дочерью покойного вождя и его наследницей. Ее дядя, Тумайяуа, лишь временно занимал принадлежащее ей по праву место, и если бы я согласился на совершенно серьезное предложение Палеко и женился на ней, то стал бы вождем бакаири, и Тумайяуа должен был бы уступить мне свои верховные права.

Я до сих пор не могу простить себе, что отказался от такой великолепной партии и упустил удобный случай изучить этнографию Кулизеху. Вступление в брак не потребовало бы от меня никаких издержек на туалеты жены, кроме нитки бус и кусочка древесной коры. Остальных женщин я почти не видел, за исключением „египтянки", пришедшей из второй деревни, длинноногого существа с египетским профилем и миндалевидными глазами.

Первые дни я скромно держался в отдалении, но заметил, что при мне было учреждено нечто вроде дежурства, и один бакаири как бы прикомандировывался ко мне. В первую ночь, распростившись со всеми, я намеревался посидеть при свече и сделать записи в дневнике, когда в дверях появился старый Палеко и очень вежливо, но настойчиво попросил меня лечь спать и задуть свечу. Мое послушание послужило мне на пользу. Мне разрешили вход в оба больших дома. В одном из них главными жильцами были Палеко и моя „нареченная", в другом — Тумайяуа и его дочь Ева. Затем меня стали приглашать на рыбную ловлю, на спуск новой лодки и т. д.

Все было бы прекрасно, если бы мне хронически не приходилось страдать от голода. Кушанья, которые мне гостеприимно предлагались, были для меня совершенно неприемлемы. Я старался заглушить голод курением и делал в этом направлении все, что было в человеческих силах. В ежевечерних заседаниях нашего „клуба курильщиков" принимали ревностное участие все индейцы in corpore, и эти часы были прелестнейшими.

Мой домик служил прежде, во время празднеств, залой для танцев. Две тростниковых дудочки, висевшие на стене в футлярах из пальмовой соломы, были единственными остатками былого великолепия. Женщины, не имевшие права переступать порога танцовального зала мужчин, теперь свободно посещали это полуразвалившееся здание. В нем было семь шагов в ширину и девять с половиной в длину; главные столбы, отстоявшие друг от друга на два с половиной шага и поддерживавшие крышу, были в четыре с половиной метра вышиной. Наверху, в соломенной крыше, было оставлено отверстие в один метр ширины и три и три четверти метра длины. Кроме нескольких вершей, стоявших в углу, и двух столбов, внутри дома ничего не было. К одному из столбов и к стене я прикрепил свой гамак. Кроме почетного караула, при мне состояла Яну—зеленая тропическая птица. Ей позволялось сидеть только в щели дымового отверстия. Когда она слетала вниз, ее ловили и снова водворяли на наблюдательный пост, откуда она, наклонив голову и открыв клюв, с любопытством смотрела вниз. Иногда по ночам приходили за мной шпионить мыши; я стрелял в них маленькими стрелами и преподносил на обед местным дамам. Постоянными гостями были большие полосатые пчелы и бабочки, позволявшие брать себя в руки. Их налетало такое множество, что иногда, в жаркий полдень, мне начинало казаться, что я сижу внутри гудящего и жужжащего пчелиного улья. Как раз в это время дня, спасаясь от мух и пчел, переступил я впервые порог дома Палеко. Здесь было замечательно прохладно и уютно, не беспокоили насекомые. Только муравьи, нагруженные зернами, тянулись к ступе, в которой толкли маниоку. Мужчины покачивались в гамаках — в этом состояло их дневное занятие. Из приличия посидев немного на низенькой, вышиной с сигарный ящик, скамеечке, я вскоре последовал их примеру.

Мне казалось, что я нахожусь в гигантском улье. Основание его имело в диаметре пятнадцать метров. Два больших столба в девять метров вышиной, на расстоянии трех с половиной метров один от другого, поддерживали могучий

соломенный купол. Он состоял из горизонтальных бамбуковых колец и наложенных на них, перпендикулярных люку жердей. Люк почернел от дыма и блестел, как просмоленный. Стены, подпертые столбами в полтора метра, были круглы. В них было проделано четыре входных отверстия, на мой вкус — чересчур низких. Между стенами и толстыми столбами были развешены гамаки, образовывавшие как бы отдельные комнаты.

Середина помещения, вокруг главного столба, под люком, оставалась свободной и служила кухней и складочным местом для корзин с провизией, горшков, глиняных сковородок, решот, цыновок, ступок. К главному столбу были привязаны полки, с которых свешивались тыквенные бутыли и связки табака. На боковом столбе висели большие чучела птиц со сплетенными из соломы ногами и хвостами. Эти чучела, имевшие весьма таинственный вид, служили хранилищем для маисовых зерен. Пол был покрыт тонким слоем белой маниоковой муки. Над дверьми висели корзины с вершами, рыбачьи сети; на стенах—луки, каменные топоры; пестро оперенные стрелы были воткнуты в соломенный потолок. Повсюду множество корзиночек, кубков, мелкой посуды; на полу—белые комья глины, горшки, скамейки, деревянные брусья, опахала, остатки костров, которые ночью каждый разводил у своего гамака, вертелы с остатками жаркого. На гамаках лежали связки пестрых перьев и гребенки.

Беспорядок придавал уютность этому семейному жилищу. Все находившееся здесь было сработано при помощи каменных топоров, звериных клыков и раковин и развешено на веревках из плетеной соломы. Все здесь было коричневого цвета различных оттенков: стены, гамаки, люди. Солнце проглядывало сквозь щели соломенного купола; через люк падали солнечные блики, и в клубах дыма на свету танцовали пылинки.

Мужчины и женщины беспрерывно болтают; весело звенит мелодичный смех Евы. Женщины не сидят без дела. Одна строгает красную кору, из которой будет варить целебное питье; другая толчет в ступе маниоковые зерна для

каши. Они то-и-дело подают мужчинам напиться. На пылающем костре кипит гигантский котелок; нагая длинноволосая женщина снимает пышную пену с кипящего напитка „пюзерего", черпает его горшком. Все подходят пробовать. Моя „нареченная" — очаровательна; ее монгольские, как вороново крыло, черные волосы блестят. Наклоняясь, она кормит из маленького горшочка трех злобно кричащих зеленых попугаев. Приходит и моя очередь: она угощает меня свежей маниоковой лепешкой — она спекла ее собственноручно.

Толстый Япу засыпает. В этой мирной домашней обстановке и мной овладевает приятная усталость. Несмотря на то, что в самом большом здешнем гамаке приходится лежать скорчившись, как крупной рыбе в тесных сетях, я не могу противиться соблазну и засыпаю.

Сплю крепко. За время моего сна картина меняется. На площадке перед домом пятеро женщин уселись в кружок и ищут друг у друга в головах. Пойманных вшей кладут в рот и проглатывают, как конфету. Мужчины наблюдают за полетом ласточек. Луху стреляет в них, но промахивается. Милый старик Палеко делает наставительные замечания. Повсюду—мир и покой. Только муравьи странствуют без отдыха.

Дом Тумайяуа немного меньше первого и отличается от него только тем, что из маленьких гамаков выглядывают Евины ребятишки.

Жилищные условия были для меня вполне приемлемы, но с продовольствием дело обстояло плохо. Мяса мне не пришлось есть ни разу, если не считать двух убитых мышей. Рыбу мне давали редко и очень маленькими порциями; однажды поднесли горшочек с мелкими рыбешками, сваренными без соли; за неимением ложки пришлось их вылавливать маисовым стеблем. Два раза получил я по кусочку жареной рыбы величиной с ладонь. Один раз — кусок электрического угря, очень вкусного и жирного. Угощали меня и маниоковыми лепешками, обмокнутыми в рыбий жир. Но мне, употреблявшему в детстве этот неприятный

напиток, угощение не пришлось по вкусу. Моя „нареченная" часто кормила меня жареными маисовыми зернами, плодами мангав; Ева — муравьями, жуками, жирными личинками,—как видите, отборными лакомствами, обозначавшимися на их языке одним словом „ивакулукулу" (превосходная степень прекрасного).

В маниоковых лепешках, бежюс, и в напитках недостатка не было. Праздничный напиток пюзерего готовился на два дня; он был зеленовато-серого цвета, как мыльная вода, теплый и пенистый, но сладковатый и приятный на вкус. Бежюс были разного сорта и качества; их большей частью крошили, разводили водой и употребляли как напиток.

Мои новые друзья очень любили лакомиться моими бобами и солью и постоянно у меня их выпрашивали. Бобы я варил с Палеко. Нам обоим пришлось это делать первый раз в жизни. Я развел огонь, натаскал дров, поставил на трех камнях глиняный горшок с бобами. Палеко, распевая, плел корзину, тихонько, в такт постукивая ногою. Я пытался запомнить слова его песни и подпевать ему. Но это оказалось невозможным. Слушая его, казалось, что поет целый хор беснующихся людей.

Мужчины и женщины ходили нагишом. Последние носили пояс „улури"—желто-коричневый, сложенный треугольником кусочек коры, а вокруг шеи—ожерелье из осколков раковин, фруктовых косточек, травяных стеблей. Мужчины также носили пояса с украшениями или без них. Часто я видел на них хлопковую или лыковую перевязь, одетую через плечо, под коленом или на щиколотке. У некоторых были воткнуты перья в ушную мочку. Напрасно думают, что индейцы, как это изображают на табачных коробках, всегда ходят в пышных праздничных украшениях.

Я должен сказать несколько слов о впечатлении, которое производила нагота на меня, свежего человека. Через четверть часа я просто-напросто перестал замечать эту пресловутую наготу. С эстетической точки зрения нагота имеет свои положительные и отрицательные стороны; тела моло-

дых и здоровых людей были привлекательны, старых и больных — отталкивающи. Наши одежды казались дикарям такими же удивительными, как нам—их нагота. Они сопровождали меня на купанье, с любопытством рассматривали мои одежды, благоговейно любовались моей полинезийской татуировкой, но были, видимо, разочарованы тем, что под моими чудесными покровами не обнаруживалось ничего сверхъестественного.

Во время маскарадных действ и танцев они надевали на себя нечто вроде платьев, сплетенных из пальмовой соломы, называвшихся „домами". Таким образом, и моя рубашка получила название „спинного дома", брюки —„ножного", а шляпа—„головного". Одежды эти служили только мужчинам, так как женщины не имели доступа в „музыкальный дом". Ева спросила меня, действительно ли у нас женщины носят на себе платья и дома.

Как быстро привыкаешь к чужой наготе, видно из следующего примера: в эти ночи мои берлинские знакомые и родные стали мне сниться обнаженными, наподобие бакаири. Во сне я этому очень удивился, но моя соседка за обеденным столом, весьма почтенная дама, успокоила меня, сказав:

— Теперь в Берлине все ходят голыми.

Видя, как индейцы примеряли различные части моего туалета, нельзя было сомневаться, что цель, которую мы преследуем, нося одежду, оставалась им неизвестной. Да и откуда они могли знать о суровости нашего климата? Они играли с моей одеждой, как дети. Луху был счастлив, когда я одолжил ему свою легкую накидку с прорезом для головы. Надев ее и мою шляпу, он гордо, как заправский франт, прогуливался по деревне.

Я достаточно долго жил среди индейцев и могу удостоверить, что не нашел в них чувства, соответствующего нашему чувству стыда, но натолкнулся на чувство особого рода, о котором сейчас расскажу.

Бакаири очень забавляла моя любознательность. Им очень нравились мои расспросы, и они охотно и без ложного

стыда давали на них ответы. Так как я смотрел на них через призму своей культурности, то, выбрав момент, когда женщины вышли из хижины, осторожно задал мужчинам один несколько интимный вопрос. Каково же было мое удивление, когда на него ответил мне снаружи веселый девичий голос! В данном случае моя ложная стыдливость уподобила меня арабу, который боится взглянуть на открытое лицо европеянки, или китайцу, который краснеет при виде голой женской ноги.

Я попросил изготовить мне побольше улури—женских поясов. На следующий день женщины принялись за дело. Мы сидели возле дома Тумайяуа; старуха пекла лепешки, дети играли в мяч, сделанный из маисовых черенков. Четыре женщины скручивали шнурки из пальмовых волокон, а из коричнево-желтых листьев мастерили изящные пояса и сдавали их мне целыми пачками.

Когда я попросил у одной из женщин ее собственный пояс, она очень сконфузилась. Это был стыд чисто психологический, существование которого я не отрицаю. Когда я одновременно попросил об этом других женщин и объяснил, что пояса нужны мне для коллекции, недоразумение разъяснилось, и, смеясь, они исполнили мою просьбу.

Чувство стыдливости я наблюдал у бакаири при совершенно других обстоятельствах, а именно—при еде. Однажды вечером, в то время как я болтал с четырьмя мужчинами, Тумайяуа принес мне кусок жареной рыбы, который я радостно собрался уничтожить. В тот же момент все присутствующие наклонили головы, потупив глаза, или отвернулись, а Палеко жестом указал мне на хижину. Им было стыдно за меня. Удивленный, я отправился есть рыбу в дом. Не успел я доесть ее, как вошел Кулекуле, чтобы расспросить меня о способе употребления подаренной ему удочки. На лице его отразилось смущение: он молча сел на пол спиной ко мне и, опустив голову, стал ждать, пока я кончу есть. Однажды Палеко принес горшок с мелкими вареными рыбками. Пока я их ел, он не произнес ни слова и сидел отвернувшись. Когда я дал Тумайяуа попробовать наших

бобов, он отнес их домой и издали принимал участие в нашем разговоре; следовательно, удалился он вполне сознательно. Женщины ели каждая отдельно около своего очага и разносили еду мужчинам, не покидавшим своих мест. Алакуайи устроился очень удобно: раскачиваясь в гамаке, он брал руками пищу из стоящего рядом на полу горшка и ел лежа. Во время еды никто не навязывал другому своего общества. Этикет требовал, чтобы каждый ел в одиночку; в противном случае он подвергался насмешкам и осуждению остальных.

Будучи гостем, я избег этой участи, хотя неоднократно нарушал местные обычаи: я громко пел, я спрашивал имена мужчин и женщин; я брезговал нежными личинками жуков, словом, совершал множество неприличных поступков, но не заметил ни разу, чтобы надо мной смеялись.

Если мы согласимся с Гейне, что все мы, несмотря на платье, ходим нагими и что наше чувство стыдливости имеет лишь относительное значение, то и бакаири, который уединяется на время еды, не лишен своеобразного чувства приличия.

Животные относят в сторону свою часть добычи из страха, что ее отнимут. Я думаю, что бакаири, принужденные из-за своей лености питаться преимущественно маниокой и маисом, редко лакомились мясом и рыбой. Я уверен, что, проживи я среди них еще неделю, и я бы, дорвавшись до вкусного куска, стал прятаться с ним в укромный угол, подальше от любопытных глаз. Происхождение описываемого чувства стыдливости берет начало с давних времен. Как ревниво и завистливо мы, так называемые культурные люди, следили за размерами порций еды друг друга. Когда наши запасы сахара и масла стали подходить к концу, мы решили поровну разделить остатки, чтобы на привалах каждый мог распоряжаться ими по своему вкусу—экономно или расточительно. И в какое мы пришли бешенство, когда солдаты своровали значительную часть свежего запаса масла!

Бакаири жили одной семьей. Добычу охоты и рыбной ловли они распределяли между отдельными домами, а в каждом доме добыча подлежала разделу между различными семьями. То время, в течение которого они научились сажать маниоку и маис и обеспечивать себя постоянным запасом пищи, было для них новой эпохой. До тех пор они, как и мы во время экспедиции, жили, что называется, „из рук в рот". Тогда еда в одиночку, обеспечивая мир и спокойствие, являлась, может быть, естественным и целесообразным порядком. Этот порядок стал обычаем, вошел в плоть и кровь и сохранился в периоде оседлой жизни, когда земледелие получило преобладающее значение.

— Почему неприлично есть вместе с другими? — спрашиваем мы.

— Почему неприлично ходить голым? — спрашивают бакаири.

Мы должны бы помнить, что и под платьем остаешься голым; бакаири — что и в большом обществе ты одинок.

Можно провести параллель между нами, считающими, что голые индейцы неприличны, и между бакаири, который не знал бы, куда деться от стыда, если-б увидел европейцев непристойно сидящими за одним общим столом. Но, думается мне, он очень скоро привык бы к новому порядку вещей и, увидев во сне родной Кулизеху, где стар и млад совместно насыщались жарким из тапира, с удивлением услышал бы заявление своего главаря:

— Мы теперь всегда едим вместе.

*

По вечерам, покончив с дневными заботами, мужчины сходились на площади, и открывалось заседание „клуба курильщиков"; несмотря на то или, вернее, благодаря тому, что мы ничего не пили, среди нас царило безобидное веселье.

Первым, как подобает почетному члену, торжественно неся пачки табака, появлялся старый Палеко и, благодушно вздыхая, усаживался на лежащее на земле бревно, заменявшее нам скамейку. От сидения на нем у меня начинала ныть спина, — я приносил из хижины бычью шкуру и ложился

на нее. Разводили костер. Употребление глиняных трубок было неизвестно. Мы курили сигары в четверть метра длиной, распространявшие бальзамический аромат. Если сигара потухала, ее зажигали об угли. При случае прикуривали у соседа. Дым жадно проглатывался. Местный табак был легок, как солома; но даже из моего крепкого черного табака они свертывали сигары обычного формата и хорошо их переносили.

Из хижины не доносилось ни звука. Цыновки у входов были спущены. Никто нас не тревожил. Два-три часа просиживали мы под звездным небом, окруженные темной стеной леса. Когда из чащи доносился звериный или птичий крик, все на минуту замолкали, выжидая, не повторится ли он, и шептали: „Это — тапир". Кто-нибудь подражал его крику.

Но и среди нас не было недостатка в непроизвольных звуках. Мои приятели без стеснения икали, рыгали и портили воздух. Когда кто-нибудь из них вел себя чересчур неприлично; все, не прерывая разговора, быстро сплевывали в сторону. Иногда Тумайяуа или Палеко пытались пристыдить провинившегося: „Чорт возьми, ведь у нас гость",— и преступник отходил на несколько шагов в сторону.

Мы тщательно занялись важным для меня предметом — географией Кулизеху. На песке начертили реку, сосчитали племена и обозначили их маисовыми зернами. Понемногу я уяснил себе взаимоотношения Кулизеху и Кулуэне и узнал, что большинство групп нахуква, из которых каждая имела особое название, обитали на реке Кулуэне. По понятиям бакаири, все люди делились на хороших — „кура" и дурных — „курапа". Они различались между собой, главным образом, своим гостеприимством: кура имели обыкновение подносить гостю бежюс, пюзерего, лепешки и густой напиток из маниоки. О нахуква и мехинаку я получил подробные сведения, наподобие тех, которые дает путеводитель о хороших и плохих гостиницах. Но здешний путеводитель был устный и сопровождался быстрой жестикуляцией и богатой сменой интонаций.

Путешествие описывалось следующим фигуральным образом:

„Сначала надо сесть в лодку и грести, грести, „пепи, пепи", грести веслом направо, веслом налево. Вот мы у водопада — „бу-бу-бу". Рука поднимается кверху, чтобы показать, с какой высоты он падает. Женщины боятся и плачут: „пекото" (ай-ай-ай). Мы сходим на берег; тут полагается топнуть ногой о землю; затем мы с кряхтением и натугой тащим на плечах лодку и корзины с припасами. Потом снова садимся в лодку и опять: „пепи, пепи" — гребем. Мы едем далеко - далеко... Голос рассказчика замирает, губы вытягиваются вперед, голова судорожно откидывается назад. Описывая протянутой рукой полукруг, он показывает точку на западе, где стоит солнце. Наконец лодка входит в гавань — „ла-а-а". Вот мы и у бакаири — „кура, кура", и здесь нас радушно принимают. Если описывают местность, где можно настрелять рыбы, то показывают, как стрела летит из лука — „дзёк, дзёк".

Тумаияда

Когда описывается далекое путешествие, то ведется своеобразный счет дней пути. Медленно поднимаясь, правая рука описывает полукруг с востока на запад. Затем, приложив руку к щеке, устало закрывают глаза и берут себя

за мизинец левой руки. Это значит — прошла одна ночь. Будь внимателен, белый слушатель: если ты переспросишь рассказчика, он не скажет ни слова и начнет свою жестикуляцию с начала.

Но долг платежом красен. Пришла и моя очередь рассказывать. Бакаири хотели знать, сколько дней пути до Куяба, откуда я пришел. Выражение их лиц было неподражаемо, когда я для обозначения числа дней пути, превосходивших число *20*, пересчитал все пальцы сначала на обеих руках, затем на обеих ногах и в заключение должен был перебирать на голове волосы. Мои слушатели стали удивленно перешептываться: „óка, óко, хе окó" и, наконец, дружно залились недоверчивым смехом.

Особенности некоторых индейских племен они осмеивали при помощи живой пантомимы. Племя нахуква казалось им смешным потому, что носило бороды. Племя суйа — тем, что вставляло в нижнюю губу пробку; тут актер выпячивал губу и издавал хлюпающие звуки. Племя труман, из-за варварского обычая бросать пленных в реку с завязанными назад руками, было предметом ужаса и отвращения; его изображали ужасным звуком „хухуху".

Точно такие же мимические упражнения я наблюдал у всех здешних племен. Менялись лишь сопровождавшие их восклицания. В нашем „клубе курильщиков" познакомился я с трогательной пантомимой „каменного топора", которую перед нами разыгрывали по очереди все племена. В этой пантомиме показывалось различие между каменным и железным топором.

Вот в чем заключается эта пантомима. Как мучится бакаири, чтобы срубить дерево! Рано утром, едва взойдет солнце, „чи-чи" — начинает он работать топором. „Чи-чи" поднимается все выше. Неутомимо стучит бакаири — „дзёк, дзёк". Его руки устали. Он растирает их; они снова бессильно опускаются. Но надо работать дальше. Зритель слышит уже не „дзёк, дзёк", а глубокие стоны измученного бакаири. Солнце стоит высоко. Желудок бакаири пуст. Ах, как голоден бакаири! Лицо его складывается в жалкую гримасу. Наконец, когда „чи-чи" опускается совсем низко, дерево падает — „токáле". Мизинец отмечает: одно дерево. Но ты, караиб, — лицо актера дышит воодушевлением и силой, — ты берешь свой железный топор. Опускаешь его с силой — „дзёк, дзёк". „Пум-э!" — и дерево лежит на земле. И еще! И еще! И тут и там, везде падают деревья! И в заключение:

— Караиб, подари нам твой железный топор!

Свойства орудий из металла, камня, кости или дерева бакаири определяли не словами, а соответствующими звуками. Правда, они имели дело со мной, знавшим лишь начатки их языка. В разговорах между собой они расточали меньше восклицаний и выразительных телодвижений. При общении с другими племенами объяснялись таким же способом, как и со мной, т. е. прибегали к вспомогательному языку жестов. Таким образом, то обстоятельство, что каждое племя говорит на особом языке, не препятствует их общению. Бакаири могли бы сговориться и с караибами, так как мимика их достаточно стереотипна и наглядна.

Мои обычные восклицания и привычные мне телодвижения, ставшие здесь более оживленными, возбуждали у бакаири большой интерес, и они им подражали. Если я, например, тихо насвистывал, то сейчас же кто-нибудь вторил моему свисту. Я вызвал всеобщий восторг тем, что, громко смеясь, стал хлопать себя по бокам. Все тотчас же начали громко хлопать себя по голым ляшкам, и по деревне разнесся гомерический хохот.

В „клубе курильщиков" были рассмотрены и обсуждены мои лингвистические записи. Я записал названия животных, частей тела и всего, что нас окружало; записи были проверены, и труд мой одобрен.

Давал я и мимические представления, для которых очень пригодилась моя бычья шкура. Я вывел перед зрителями всех наших домашних животных и имел у благодарной публики такой шумный успех, какой, наверное, не снился ни автору „Жизни животных" ни любому знаменитому актеру. Прежде всего я ознакомил бакаири с быком, коровой, овцой

и собакой. Я подражал их крикам и вызвал взрыв восторга. И я и зрители кричали на все лады „муу", „мэ", „вау-вау" и „мяу". Особенно нравилось подражание блеянию старой овцы и ягненка, ищущего мать, лаю большой дворняжки и тявканью маленькой собачонки.

Случайно я открыл в себе подражательные способности, и даже признанные знатоки звериных „наречий" не сомневались в подлинности последних. Я старался разъяснить бакаири и характеры описываемых животных, выводил перед ними кошку и собаку одновременно, объяснял им, как собака слушается человека, и даже — каково происхождение моей шерстяной одежды — „мэ". Бакаири были внимательными учениками, старательно упражнялись и скоро вполне усвоили новые познания.

Достопримечательное заседание „клуба курильщиков", на котором я сделал первый доклад о европейских домашних животных, затянулось далеко за полночь. При прощании все лица сияли радостью — вечер удался на славу. Луху, заливаясь громким лаем, обежал оба дома, и звонкий смех зазвучал отовсюду. Я уже дремал в гамаке и думал, что все мирно заснуло, как вдруг издали до меня донесся голос Евы, громко кричавшей „мэ". „Мэ", прокричал я ей в ответ. Тихий смех облетел соломенные стены, и наступила тишина.

Тумайяуа просил меня посеять перед его домом табак. Он думал, что мое участие в этом деле обеспечит ему хороший урожай или высокое качество табака. Я согласился, но предложил ему сначала вскопать землю, а сам разорвал плодники и посадил семена, как-будто всю жизнь был табачным плантатором. Ходил я и с Кулекуле на реку удить рыбу, стараясь скрыть от него, что со школьных времен не держал в руках удочки.

Однажды мы предприняли чудесную прогулку к ручью, протекавшему в двух с половиной километрах от деревни. Часть дороги шла лесом. Женщины несли верши и корзины для ловли рыбы, Палеко на веревке, обернутой вокруг шеи, кусок сырой рыбы для приманки, а подмышкой

каменный топор, который он в дороге отшлифовал о камень, смачивая лезвие слюной. Моя „нареченная" и ее сестры пили воду из реки прямо ртом, опершись на руки и картинно подняв вверх одну ногу: точь-в-точь молодые обезьяны. Дорогой мы громко пели хором. Алакуайи, сняв с меня шляпу, радостно щеголял в ней; чтобы продлить его удовольствие, я охотно подставлял голову под лучи беспощадного солнца.

Далеко, до самого горизонта, окаймленного девственным лесом, простиралась покрытая свежей травой равнина. Только одно тенистое дерево росло на берегу. В середину неглубокого болотистого ручья поставили три верши, до половины выступавшие из воды. Корзины для ловли рыбы имели форму сверху и снизу срезанных конусов и были сплетены из тонких прутиков. Идя по воде, ими быстро зачерпывали воду. Пойманную рыбу вынимали и клали в сетку. Побродив по колено в воде, рыбаки с разных сторон подходили к середине ручья и старались загнать рыб в верши. Мужчины действовали менее проворно, чем девушки. Особенно отставал толстый Япу. Громкий хохот, плеск воды раздавались вокруг. В воздухе порхали стрекозы и пчелы. На берегу, под деревом, левой рукой опираясь на палку, зажав подмышкой неразлучный каменный топор, с жаром разглагольствовал старый Палеко. Всем было очень весело.

Наконец к 18 февраля заказанная мной лодка была готова. Каменный топор обтесал ее очень чисто. Четверо мужчин снесли ее к реке.

Пробыв у милых бакаири немного больше недели, я заметил, что они стали выражать некоторое нетерпение. Они что-то очень часто спрашивали меня, когда придут „молодые братья". Все, что у меня было ценного, давно перешло в их владение. Я подарил им даже стеклянную ящерицу с рубиново-красными глазами, которую они у меня жадно выпрашивали. Но отношения наши до конца оставались дружескими. Если бы я имел возможность, то остался бы у них на все время дождливого периода, несмотря на то, что от долгого употребления мучной каши я страдал расстройством желудка и меня постоянно мучила изжога

Первое впечатление о миролюбивом и покладистом характере моих гостеприимных хозяев не обмануло меня. Старики были умны и предусмотрительны; молодые бакаири — сильны и проворны; женщины — трудолюбивы и домовиты. Все они вообще — любезны, немного тщеславны и, за исключением немногих, всегда веселы и словоохотливы. Все были безусловно честны. Никто из них ничего не взял у меня без спроса. Потерянные мной вещи приносились мне обратно, и то, что я у них выменял, считалось моей неотъемлемой собственностью.

Короче говоря, „бакаири кура" — бакаири были добродетельны. Существование их, являясь продуктом очень несложных отношений, казалось мне, привыкшему к движению и борьбе, мирным и идиллическим.

Особый интерес бакаири вызывали мои карманы, и они очень хорошо изучили их содержимое. Сам ли я сделал рубашку и штаны?—спрашивали они меня беспрестанно. Сам ли я сделал москитный полог и гамак? Их поражало, что все мои вещи были изготовлены не мной. Предметы, о происхождении которых они могли составить себе представление, сильнее других занимали их воображение: они ежедневно ощупывали и разглядывали мой парагвайский гамак. Всем хотелось его получить.

— Ура (это — мое), — заявляли они.

Мужчины облюбовывали себе ножи, вообще полезные предметы. Женщины и дети — украшения и бусы, при виде которых приходили в волнение. Все мечтали получить мою цинковую тарелку. Пуговицы приравнивались к жемчугу. На многих женщинах я заметил украшения, подаренные мной во время нашего первого путешествия индейцам, жившим у реки Батови, и занесенные оттуда на Кулизеху. Так, например, на шее одной из женщин висела на шнурке жестяная пуговица; на ней была выбита цифра „8" — восьмого Куябанского батальона, в котором состояли наши тогдашние спутники солдаты. Пестрые стеклянные бусы бакаири считали каменными и ценили выше, чем золото: последнее оставляло их совершенно равнодушными. Я дал им несколько

булавок и показал единственную имевшуюся у меня иголку; они вернули мне одну булавку и попросили проделать в ней отверстие.

С поразительной быстротой классифицировали они неизвестные им предметы и давали им привычные для себя названия без ограничивающих добавлений. Бакаири стригут волосы острыми раковинами или зубами рыбы пираниия: и мои ножницы, восхитительные ножницы, так быстро и ровно резавшие волосы, получили прозвище „зубы пираниии". Зеркало они называли водой. „Покажи нам воду", — просили они, когда хотели видеть зеркало. Впрочем, оно произвело на них меньше впечатления, чем я ожидал. Компас назывался у них солнцем, а часы — луной, потому что часы ночью не спали. Часто бакаири прерывали наш разговор требованием принести часы и, послушав их тиканье, удовлетворенно посмеивались. Их любопытство отнюдь нельзя было объяснить любознательностью. Им просто хотелось забавляться и смотреть на мои представления, благо я мог их давать в любой момент.

Блестящий пример поверхностного познавания показал толстый Япу: Фогель, объясняя ему ценность золота, повернул свои часы обратной стеклу стороной. У Япу как раз в эту минуту была в руках маниоковая лепешка, бежюс; с одной стороны она была красивого золотистого цвета, а с другой, менее пропеченной,—серо-белого. И Япу, взглянув на часы, пренебрежительно сказал „бежюс" и отошел прочь. Это ничего незначащее явление было ему хорошо знакомо и не привлекло его внимания.

Но велико было изумление бакаири, когда один из моих спутников показал им чудо: вынул изо рта свою фальшивую челюсть. Они остолбенели, потом рассмеялись и через несколько дней, поймав рыбу пираниию, вырезали у нее все зубы. На вопрос, зачем они это сделали, они не без остроумия ответили:

— Когда мы состаримся, то будем пользоваться ими, как наш белый брат.

Как мог я объяснить им устройство хотя бы одного из моих приборов, способ изготовления ножа или пуговицы? Как мог я дать им понять, что такое машина?

Они всегда внимательно слушали меня и с живостью и жаром объясняли только-что показанный фокус вновь подошедшим товарищам. Они заметили, что шведские спички загорались от трения только по боковой поверхности коробки. Сначала это испугало их, потом заинтересовало, потом они нашли это забавным, затем уяснили себе назначение спичек и попросили зажечь ими костер. Одна из женщин повесила пустую спичечную коробку на шею своему ребенку.

Потребность бакаири познавать сущность незнакомых предметов ограничивалась двумя вопросами: что это? и ты сам это сделал?

— Эзети? — восклицали они хором и, выслушав ответ, старательно пытались повторить португальские слова. Две согласных подряд они не могли выговорить. Если им удавалось затвердить новое слово, радости их не было границ. Моя записная книжка была названа „папэ́ра“ от португальского papel — бумага. Усвоив это слово, они освоились с новым и непонятным для них предметом.

Обычно люди, знакомясь с чужим языком, прежде всего хотят узнать, как будет „красивая девушка“. Их „пеко́то вива́ку“ или более звучное „пеко́то ивакулуку́лу“ я перевел на португальский язык—moça bonita. Эти слова они восхищенно повторяли на все лады. Когда я сказал Еве moça bonita, она покраснела, засмеялась, отчетливо повторила вслед за мной moça bonita и толкнула в бок своего мужа Кулекуле. Тут они оба громко фыркнули и спросили меня, как будет „красивый мужчина“. Когда я передразнил португальское произношение главаря Тумайяуа, все стали хохотать до-упаду.

Таковы были бакаири.

Когда же им становилось скучно, они без стеснения начинали зевать, заражали своей зевотой других и один за другим уходили прочь.

Несколько человек были прикомандированы ко мне для различных услуг. Одни быстро уставали, другие были неутомимы. Толстый, мужиковатый Япу, например, начинал неудержимо зевать, как только я обращался к нему с каким-нибудь вопросом, и на лице его можно было прочесть:

— Белый человек, оставь меня в покое.

Щеголь и модник Луху любил только развлечения. Больше других мне был полезен замечательный Кулекуле. Обычно молчаливый и сдержанный, ко мне он всегда приходил охотно и на вопросы отвечал толковее остальных. В обмен на глиняный горшок я дал ему бусы, но их от него отобрали. Я подарил ему новые и не потребовал за них второго горшка. Он был счастлив и, угостив меня питьем погугу, уселся со мной рядом и положил свою голову на мое плечо.

Палеко был моим верным телохранителем. Длинные седеющие волосы, представительное морщинистое лицо делали его похожим на директора гимназии. Очень многие из бакаири напоминали нам наших берлинских знакомых и коллег из Антропологического общества. Палеко проводил со мной полови́ну дня. Иногда меня навещали Ева, моя „нареченная“ и „египтянка“.

Изучение языка бакаири подвигалось медленно, и мои познания в этой области были чрезвычайно скудны. Но я думаю, что при помощи пятидесяти—восьмидесяти слов можно бегло объясняться на чужом языке: этот, это, да, нет, есть, нету, не знаю, хочу, не хочу, как называется, что, где, когда, сколько, все, мало, много, другой, сейчас, завтра, я, ты, один, два, три, внизу, с собой, для, в, к, оставь, дать, брать, приносить, хорошо, плохо, маленький, большой, близко, далеко, наверху, ставить, итти, уходить, приходить, оставаться, есть, пить, спать, делать, резать, переставать; к этим словам необходимо прибавить наиболее употребительные существительные. Такие обычные для нас слова, как „благодарю“ и „прошу“, не известны бразильскому туземцу. Различие между португальским языком и любым из индейских наречий так велико, что этих наречий не может усвоить ни один европейский колонист или солдат.

Наши взаимоотношения сильно затрудняло то обстоятельство, что бакаири совершенно не понимали моего вопросительного тона. Вместо того чтобы отвечать на вопрос, они меня передразнивали.

Узнать название окружающих предметов не представляло большого труда. Указывая на них пальцами, бакаири сами называли их. Особенно внимательно расспрашивал я о названиях частей тела, так как у индейцев они всегда связаны с местоименной приставкой. Индеец не скажет просто „язык", а тут же определит, чей именно: твой, мой или его, и соответствующим образом грамматически изменит слово. Слово „язык" меняло свои приставки следующим образом: твой язык будет „алу", мой язык — „улу", его язык — „илу", а наш язык — „кулу".

Легче всего запоминались названия животных, так как в этих случаях преподавание сопровождалось искусным подражанием их крикам и движениям. Змеи и аллигаторы рисовались на песке. К стыду моему, я не умел различать некоторые виды местных животных, и мне пришлось обнаружить перед бакаири недочеты моего образования. Труднее всего было справиться с глаголами. Я надеялся, что, как только я чихну, покашляю, зевну, захраплю, встану или сяду, они тотчас же назовут слово, определяющее совершенное мной действие. Но вместо этого они очень часто его критиковали или подражали ему. Например, когда я вставал с места, они думали, что я хочу уходить; или, вместо того чтобы назвать нужный мне глагол, они от души потешались над моими странными действиями и весело принимались чихать, кашлять и храпеть со мной за компанию.

Дело шло на лад, когда я, произнося португальское слово, прибавлял:

— Так говорит карайб, то есть я. Как говорит бакаири?

Тогда они понимали меня с полуслова, так как страстно хотели выучиться новому языку. Если они не сразу улавливали чуждые звуки, то приписывали это недостатку своего слуха: я должен был, послюнив свой палец, прикоснуться

к их ушным раковинам. Португальский язык давался им очень трудно. В их азбуке не было звука „ф", и они заменяли его звуком „п". Слово fogo (огонь) они выговаривали pogo, fumo (табак) — pumo, но были убеждены, что выговаривают эти слова правильно, и огорчались, видя мое недовольство. Многосложных слов они не могли произнести вовсе. Я пытался, насколько возможно, пополнять свой бакаирский словарь. Большинство сведений, вошедших в мою книгу „Язык бакаири", я получил от Антонио. Бакаири трогательно радовались богатству своего языка — каждый предмет имел свое особое название! В отличие от европейских языков он, с одной стороны, был богат названиями животных и собственными именами; с другой стороны, он поражал своей скудостью: словом yélo называлась и молния и гром одновременно; kóро — дождь, гроза и туча. В этой стране, где почти всякий дождь сопровождается грозовыми явлениями, всякая туча обозначает приближение грозы. Они сливали в одно понятие и зрительное и слуховое восприятие электрического разряда. Что понятие о громе включается в слово yélo, явствует из того, что словом yélo бакаири называют и трещотку.

Луху

Бедность языка бакаири, свойственная языкам всех примитивных народов, состоит в недостатке обобщающих по-

нятий. Например, каждый вид попугая имел особое название, но общее понятие „попугай" отсутствовало, совершенно так же как и общее понятие „пальма".

Точно зная свойства каждой разновидности попугаев и пальм, они не интересовались их общими признаками и не обобщали их. При построении своих мыслей они нагромождали друг на друга понятия и не имели представления об их архитектоническом расчленении.

Свое неумение мыслить абстрактно они особенно ярко обнаруживали при счете.

Хотя считали они по пальцам, но названия последних не имели никакого отношения к числам. Большой палец назывался отцом, мизинец — ребенком, средний, как у нас,— средним, указательный — соседом отца, а безымянный — соседом сына. Они умели считать словами только до шести:

1 — tokále,
2 — ahage,
3 — ahage tokále или ahewáo,
4 — ahage ahage,
5 — ahage ahage tokale,
6 — ahage ahage ahage.

Мы видим, что бакаири имеют только три числительных для первых трех чисел. Остальные числа составляются при помощи тех же трех. Слово ahewáo мне пришлось услышать только во время моего второго путешествия: это слово встречается у многих караибских племен на севере Амазонки и, повидимому, существует с давних пор. Примечательно, что это слово не входит ни в одно из последующих числительных. Откинув это редко употребляемое слово, мы видим, что бакаири считает так: один, два, два — один, два — два, два — два — один, два — два — два.

Начиная считать, бакаири берет себя за мизинец левой руки и говорит: tokale. Затем берет четвертый палец той же руки, соединяет его с мизинцем и произносит: ahage; берет третий палец и, приложив его к четвертому и пятому, говорит: ahage tokale; прикладывает к третьему пальцу второй и говорит: ahage ahage; прикладывает большой палец—ahage ahage tokale, затем прикладывает мизинец правой руки и произносит: ahage, ahage ahage. Считая дальше шести, он по очереди прикладывает четвертый, третий, второй и первый пальцы правой руки и каждый раз говорит слово méra (этот), так как не умеет считать дальше шести. Точно так же прикасается он к пальцам правой и левой ноги и каждый раз говорит méra. Если ему надо считать дальше, он хватает себя за волосы и тянет их в разные стороны.

Необходимо заметить, что если бы они обозначали число 7 словами ahage ahage ahage tokale, то им пришлось бы считать не только числа, но и слова, обозначающие их. Таким образом, ясно, что недостаток числительных является препятствием для счета. Очевидно, что о числах, идущих после шести, у бакаири было лишь смутное представление. Представьте себе человека, желающего сосчитать ступеньки лестницы, по которой он поднимается, который вдруг забудет число уже пройденных; при нарушенной концепции ему будет все труднее определить, насколько увеличилось число пройденных ступеней и сколько их всех вместе. Их понятия о числах кончались на шести; в дальнейшем счете они должны были опираться на зрение и осязание своих собственных пальцев на руках и ногах.

Я произвел много опытов над Палеко и Тумайяуа. Я раскладывал десять маисовых зерен и спрашивал: atura? (сколько?) Они медленно, но правильно сосчитывали до шести. Седьмое, восьмое зерно—méra, méra—отсчитывались на четвертом и третьем пальцах правой руки, но при этом бакаири становились напряженными и менее веселыми; они начинали зевать или жаловались на kinarachu ewáno, что означало „голова работа" или „голова боль", убегали совсем или увиливали от ответов.

Я спросил как-то Палеко, велика ли деревня племени нахуква. Вместо ответа он нарисовал на песке несколько кругов и с довольным видом указал мне на них. Он, очевидно, хотел наглядно изобразить неопределенное число домов и не подозревал, что изобразил все-таки ограниченное число их. О том, что дюжина кругов может быть воспринята мной как двенадцать кругов, Палеко, конечно, не имел понятия.

Как же они сосчитывали предметы, число которых не превышало шести? Когда я клал перед бакаири одно маисовое зерно, они тотчас же говорили tokale и обычно дотрагивались сначала до зерна, а затем брали себя за левый мизинец. При наличии двух зерен они почти всегда обращались к посредству пальцев на обеих руках. В особенности, если я клал зерна на некотором расстоянии одно от другого, они всегда соединяли их вместе и, прежде чем произнести число, хватали себя за мизинец и безыменный пальцы левой руки. Если я просил пересчитать три зерна, то и Палеко, и Тумайяуа, и все другие не давали мне ответа, прежде чем не разделяли кучку из трех зерен на два и одно; сначала трогали рукой, а иногда испытующе облизывали два зерна и, загибая пятый и четвертый пальцы на левой руке, говорили ahage; затем, коснувшись третьего зерна, загибали третий палец, говорили: tokale и наконец: ahage tokale. Точно так же проходили опыты с другими числами в пределах шести: всегда составляли кучки из двух зерен, сначала дотрагивались до них и лишь после этого загибали пальцы на левой руке. Правая ощупывала, левая отсчитывала. Кучку из трех зерен было уже необходимо разделить на две кучки. Они были не в состоянии сосчитать зерна только при помощи левой руки, не прикасаясь к зернам правой рукой, т. е. только при помощи зрения.

Я клал перед Тумайяуа три, четыре, пять зерен и, придерживая его левую руку, позволял ему раскладывать зерна в кучки; очень редко он сосчитывал, вернее, отгадывал первые три числа, определяя остальные словом ahage. Следовательно, мы можем притти к заключению, что, для того чтобы правильно сосчитать три предмета, бакаири нужны обе руки. В крайнем случае он мог бы обойтись без левой, но никоим образом без правой.

В преданиях и сказках бакаири часто встречаются числа: два и три. Прародитель Камушини срубает пять деревьев. Рассказчику нужно три предложения, чтобы рассказать нам об этом. „Он срубил два пальмовых дерева. Он срубил еще два. Он срубил еще одно". Камушини приносит пять срубленных деревьев домой. Снова следуют три предложения,

причем во втором из них вместо слова „два" стоит неопределенное слово zagóno — другой, другие. „Он принес домой два дерева и еще другие и еще одно". Наиболее обычны были расспросы о числе детей. Гости из второй деревни, еще не искушенные моими расспросами, рассказывая, сколько у них детей, все без исключения прибегали к помощи пальцев.

В общем, бакаири не нуждались в больших числах. В их мелких и несложных делах числа, превышающие шесть, встречались очень редко. Что приходилось им считать? Своих детей, дни пути по реке к соседним племенам!

Их скудные арифметические способности объяснялись весьма несложными экономическими отношениями и недостатком упражнения в счете, но никак не ограниченностью их умственных способностей. У них не было ни скота ни товаров, подлежащих учету. Они имели дело только с небольшим числом людей, убитых зверей и срубленных деревьев. Несложные хозяйственные операции заполняли их повседневную жизнь. В нужных случаях, прибегая к помощи слов и выразительных телодвижений, они создавали у слушателя представление о неопределенном множестве описываемых предметов.

Принцип счета и абстракция числа были постигнуты уже в древнейшие времена родоначальниками караибского племени. Ограниченная же потребность бакаири в числах, по моему мнению, была обусловлена не столько недостатком числительных, сколько недостатком множественных чисел.

Мы, европейцы, погрязшие в числах, обладающие множеством усвоенных знаний, в которые включены привычные, закономерно повторяющиеся численные отношения, в большинстве случаев не нуждаемся в сомостоятельных подсчетах. Весьма вероятно, что многие из нас никогда не пересчитывали пальцы на ногах, но, несмотря на это, твердо знают, что их десять. Очень часто мы носим жилетку годами, не зная, сколько на ней пуговиц. Примитивный человек останавливает свое внимание на единичном случае и ничего не хочет знать о закономерности. Когда его спрашивают, сколько у него пальцев, он должен тут же пересчитать их. Вопрос о числе пальцев он воспринимает точно так же, как европеец вопрос о числе пуговиц на его жилетке.

IV. ИНДЕЙЦЫ РАЙОНА КУЛИЗЕХУ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАГЕРЬ. — ТРИ ДЕРЕВНИ БАКАИРИ. — НЕДОВЕРЧИВЫЕ НАХУКВА.—ПРИЕМ У МЕХИНАКУ.—ДЕРЕВНЯ АУЭТО.—ОБЕДНЕВШИЕ ЯУЛАПИТИ. — ДВЕ ДЕРЕВНИ КАМАЙЮРА. — ТРУМАИ. — ПРОЩАНИЕ С БАКАИРИ. — ВОЗВРАЩЕНИЕ В КУЯБА

26 сентября 1887 года я возвратился в лагерь „Независимость". Тумайяуа и Луху сопровождали меня и могли теперь познакомиться в подлиннике с „вау-вау".

Тумайяуа взялся сопровождать нас и в дальнейших поездках. Мы обещали ему два хороших топора, несколько рубашек и столько бус, что он становился самым богатым человеком на Кулизеху. Оба гостя чувствовали себя в новой обстановке превосходно. Мы показали им лагерь при бенгальском огне, который соединился с мерцанием сотен светляков. Бакаири позволили себя сфотографировать и вообще исполняли все, что от них требовалось. Тумайяуа принял, не мешкая, приглашение сесть на лошадь. Я провел ее некоторое расстояние под уздцы и пустил затем рысью. Благородный вождь скакал без остановки: повернуть лошадь обратно он не умел. Эта картина была воплощением исторического момента: южно-американский индеец эпохи каменного века впервые верхом на лошади! Луху не согласился последовать примеру храброго дяди. Тумайяуа измерил лошадь, сравнивая размеры ее головы и корпуса с своим собственным телом: очевидно, он собирался сделать научный доклад в „клубе курильщиков".

С помощью индейцев были приготовлены еще две лодки, вырезаны весла, и тридцатого сентября мы спустили наш флот на воду.

1 октября в шесть часов утра мы тронулись в путь, разместившись на пяти лодках. Януарио, Раймундо, Сатиро и Маноэль остались в лагере.

БАКАИРИ

2 октября днем мы были у первой деревни бакаири. На берегу нас ожидал уже милый Палеко с чашкой маниокового клейстера. Мы отправились в деревню. Часть населения оказалась в праздничных нарядах по случаю нашего прибытия. Кулекуле разукрасил лицо и верхнюю часть тела оранжево-красными полосами и пятнами, моя „нареченная" была в красных змеистых линиях на бедрах, у „египтянки" были красные лоб и нос.

Эренрейх начал фотографировать. За каждый снимок выдавалось несколько бус. С большим трудом удалось снять группу женщин. Тумайяуа стал обладателем испорченной пластинки и, по совету Фогеля, устроил из нее в соломенной крыше своего дома первое окно.

В этот памятный день я решил сделать моим хозяевам почетный подарок. Две молодые берлинские дамы подарили мне великолепную белокурую куклу, одетую в пестрое платьице и считавшуюся лучшим номером нашего обменного фонда. Я решил, что она должна принадлежать моей „нареченной"—наследнице и будущей властительнице деревни.

Все время возбуждавший любопытство вопрос, имеют ли жены караибов платья, должен был теперь получить свое разрешение. Я собрал все общество на площадь и привел его в восторг, продемонстрировав голубоглазое, краснощекое фарфоровое существо, разрешил ощупать настоящие белокурые волосы и по порядку объяснил значение великолепных одежд karáiba pekóto.

Всеобщее восхищение еще более увеличилось, когда я подошел к „нареченной" и сказал ей áma zóto (это — твое).

Мы оставались в деревне до наступления темноты и затем вернулись в наш лагерь на берегу. За деревней находится большой водоскат, и мы перетащили лодки вниз по течению, чтоб назавтра утром отправиться дальше.

Путешествие от первой до следующей деревни было чрезвычайно затруднено из-за большого числа порогов и водоскатов.

Вторая деревня бакаири была расположена в получасе пути от реки. Она была со всех сторон окружена расчищенными полями таких обширных размеров, что мы пришли в изумление. Лес был вырублен каменными топорами. В марте и апреле деревья срубались, а к сентябрю и октябрю высыхали и сжигались. Мы с удивлением рассматривали большое количество толстых стволов, поперечный разрез которых носил следы тупых ударов каменного топора, и очень жалели, что не могли отпилить и взять с собой кусок такого ствола. Я мысленно просил прощения у этих индейцев, над которыми часто смеялся, думая, что вся их жизнь — сплошной праздник.

Деревня состояла из трех больших семейных домов и одного очень большого здания клуба, в котором висело много танцовальных костюмов из пальмовой соломы. На площади возвышалась клетка величиной с дом, сооруженная из длинных, соединенных вверху жердей, где сидел огромный красивый орел. Деревня называлась Игу-ети, что значит „деревня ястреба". В этой клетке содержалась когда-то настоящая геральдическая птица, но давно подохла. Орел назывался „владыкой обезьян", так как обезьяны были его любимой пищей. Вся община состояла из сорока человек. Во главе ее стоял добродушный, необычайно широкоплечий, замечательный своей раскачивающейся походкой Арамеке. У него было хитрое лицо; при всей своей неуклюжести он был очень вежлив: идя впереди меня по лесу, он любезно обламывал ветки, которые могли попасть мне в лицо. Большой нож и красный галстук сделали его счастливейшим из смертных.

Третья деревня бакаири называлась Ехидна; здесь было также только три жилых дома и один клуб. Это была самая населенная из трех деревень; я насчитал здесь тридцать одного мужчину и примерно столько же женщин и детей, однако последние частично убежали в лес. Повидимому, в деревне было до ста душ. Главарь Пориза был любезный, маленького роста человек; он приказал спечь для нас ночью маниоковых лепешек. Мы уселись в ряд посередине большой площади. Каждому из нас был подан сосуд с питьем. Затем мы стали обмениваться приветственными речами.

— Ama (ты; это — ты).
— Ehe úra (да, я; это — я).
— Bakairi úra (я — бакаири).
— Karáiba úra (я — караиб).
— Bakairi kúra (бакаири хорошие).
— Karáiba ivakulukúlu (караибы очень хорошие).
— Pima áma (ты — главарь)?
— Pima úra (я — главарь).

Против каждого „караиба" сидел один бакаири, рассматривая с любопытством его самого и все, что было на нем. Шведские спички, ножи, зеркала, пуговицы, бусы — все шло обычным порядком. Особое внимание Поризы привлекла моя записная книжка; но не исписанные, а чистые страницы вызвали у него возгласы восхищения. Мы расхаживали по площади парами, рука об руку, в дружеской беседе.

В большом просторном клубе мы нашли красивые маски и новый вид танцовального убора: два громадных кринолина десяти метров в объеме, крытых соломой, похожих на маленькие хижины; танцоры укрепляли их на плечах при помощи обруча.

Вскоре завязался обменный торг. Было ясно, что эта третья деревня бакаири находится поблизости от селений других племен района Кулизеху: мы нашли здесь много „импортных" товаров, как это явствовало и из объяснений самих продавцов. Бакаири сами не делают горшков и не имеют места для добычи камня, пригодного для выделки топоров. И нам было прямо сказано, что горшки они получают от племени мехинаку, а каменные топоры — от трумаи.

Мы производили антропологические измерения и фотографировали, выдавая вознаграждение бусами. Все остались довольны, за исключением одного, который возмутился, когда я предложил ему, после того как Эренрейх измерил его с головы до ног во всех направлениях, вознаграждение в виде трех красивых больших бус. Он пожелал получить столько бус, сколько над ним было произведено измерений.

Обнаруживая замечательную память, воспроизводил он при помощи оживленных жестов все процедуры: измерения носа, головы, спереди назад, с одной стороны до другой, с верху до низу, расстояния между глазами, длины конечностей и их частей и т. д. и т. д., и после каждой пантомимы протягивал руку за бусами. На этом примере можно было убедиться, как торговый обмен развивает арифметические способности.

Предметы, полученные путем обмена, мы тщательно запаковали и попросили Поризу сберечь до нашего возвращения, так как боялись перегружать наши лодки и должны были оставить место для новых коллекций. В нашем присутствии Пориза засунул наши тюки между поперечными шестами своей хижины и заверил, что все останется неприкосновенным.

НАХУКВА

Нахуква находятся в постоянных сношениях с бакаири. Уже от старика Палеко я узнал целый ряд слов языка нахуква и по ним, к моей великой радости, мог определить, что мы имеем дело с новым племенем караибской семьи. Палеко сказал мне, что он когда-то в течение долгого времени жил у нахуква; точно так же и Тумайяуа бывал часто у них и знал много слов их языка.

Селение нахуква расположено на расстоянии одного дня пути от третьей деревни бакаири. В деревне нас встретила мертвая тишина. Вокруг площади бок-о-бок были расположены двенадцать жилых домов и красивое здание клуба. Длинные бревна лежали на земле. Ни одна человеческая душа не приветствовала нас. Тумайяуа стал кричать и потрясать луком и стрелами. Вслед за ним стали кричать и мы, как вдруг нас плотно окружила группа примерно в сорок человек мужчин. Это были сильные, несколько неуклюжие люди с четырехугольными лицами; у многих были двойные подбородки. Мы уселись на бревнах, после чего нам поднесли угощение и громадные, в сорок сантиметров длины, сигары.

Мы посетили несколько хижин; в них было пусто; кое-где одиноко висел гамак. Домашней утвари, корзин, горшков

и пр. не было. Не видно было также на стенах каменных топоров, луков и стрел. Женщины и дети куда-то исчезли. Показались только две старухи, необычайно безобразные, страшно худые, с морщинами по всему телу, с всклокоченными, покрытыми мукой волосами, со скрюченными ногами и подпрыгивающей походкой.

Всюду и везде нас встречали с явным недоверием, и настроение наше падало. Как же мы соберем этнографический материал, если индейцы будут убегать в лес при нашем появлении? Что скажет профессор Бастиан в Берлине, если мы в качестве образцов культуры Шингу привезем только этот найденный в опустевших домах хлам? Нахуква были вторым племенем в нашем списке; если и остальные будут себя вести подобным же образом, печальны будут результаты нашей экспедиции.

Что делать? Очевидно, нам не следовало являться такой многочисленной компанией. Я решил, поэтому, тайно покинуть нахуква и рано утром на следующий день отправиться дальше к мехинаку, но не с нашими людьми, а с двумя бакаири. Вильгельм и Эренрейх должны были остаться у нахуква, чтобы по возможности усыпить их недоверие. Если я явлюсь один к мехинаку, то нельзя предположить, чтобы вся деревня испугалась меня и убежала со всем своим достоянием в лес.

МЕХИНАКУ

Когда мы вошли в деревню мехинаку, ее обитатели выбежали нам навстречу, дружески схватили нас за руки и повели в танцовальный дом. В нем было два низких входа. Внутри висели двадцать масок и раскрашенная трещотка. Здесь нас усадили на почетное место, на деревянную резную скамейку с изображением птицы, поднесли традиционный клейстер с превосходными белыми маниоковыми лепешками и даже соль! Измазанные сажей женщины испуганно прятались за спину мужчин.

Затем мне и двум сопровождавшим меня бакаири отвели „парадную" хижину с таким узким входом, что нам при-

шлось вползти в нее на четвереньках. Хижина тоже была обвешена пестрыми деревянными масками, сделанными по одному образцу, но разнообразно раскрашенными. К некоторым были приделаны длинные бороды из соломы или пальмовых волокон. Я сейчас же занялся товарообменом и выменял маски на ножи и бусы. Тумайяуа был преисполнен гордости, как импрессарио, привезший интересного гастролера, и изложил мехинаку главнейшие основы европейского обмена.

На следующее утро я обнаружил у себя пропажу компаса, хирургических ножниц, охотничьего рога и коробки с мятными лепешками. Чтобы поддержать свой престиж, мне следовало рассердиться: я назвал мехинаку „курапа" (нехорошими) и потребовал возвращения украденного. Все были очень взволнованы, но отрицали свою вину. Прошло два часа. Наконец один принес мне ножницы, и понемногу стали возвращаться все исчезнувшие предметы, увы, за исключением компаса. Я привел к себе старого главаря и пригрозил ему:

— Мехинаку — кура, караиба — кура; мехинаку — курапа, караиба — курапа (пока вы — хорошие, мы — хорошие; если вы будете плохие, и мы от вас не отстанем).

Для острастки я выстрелил из револьвера в потолочную балку. Поднялись вой и смятение. Тумайяуа сквозь отверстие в крыше наблюдал за происходящим и наслаждался.

На следующее утро разразилась гроза. Мехинаку были твердо уверены, что это я ее вызвал, и обсуждали происшествие. Я решил исчерпать инцидент и в знак мира съел предложенную мне лепешку. Позже я с ужасом убедился, что обвинение мое было напрасно: компас вовсе не был у меня украден, просто я не захватил его с собой.

После полудня появились Вильгельм и Фогель; больной Эренрейх остался на пристани.

Деревня мехинаку производила впечатление богатой; она состояла из четырнадцати жилых домов и клуба, кольцом окружавших большую площадь. Земледелие у мехинаку было поставлено прекрасно. Богатство индейцев заключается в маниоке, которой у мехинаку было больше, чем у других племен.

Мы наменяли полные корзины бататов и мангав. 13 октября вечером случилось радостное событие: на деревню налетела туча летучих муравьев. Перед хижинами зажгли костры из соломы, бросились собирать опаливших крылья крупных, с дюйм величиной, насекомых и с аппетитом поедать их с лепешками и солью.

Соль они получали из пережженных водяных растений, пепел которых вываривали.

Здешние женщины считаются искуснейшими гончарами. Мы набрали прекрасную коллекцию глиняной посуды и масок.

Мы дружески попрощались с мехинаку; они донесли наши вещи до пристани. Нам не хотелось тащить за собой вниз по реке всю коллекцию, — мы решили оставить ее у старого главаря и захватить на обратном пути.

Маска мехинаку

АУЭТО

Через сутки мы прибыли к ауэто, где нас встретили сдержанно, но радушно. Главарь Ауаято, в ожерелье из ягуаровых клыков и шляпе из ягуарового меха, вышел на середину площади, сел на землю и громким голосом проговорил длинную торжественную речь.

Мы старательно прокричали в ответ:

— Кату, кура, кура (хорошие).

Главарь встал, подошел к нам вплотную, опять сел на землю и повторил свою речь, после чего я подарил ему превосходный нож, и мы стали друзьями. Войдя в хижину, мы первым долгом обратили внимание на деревянные копья и метательные стрелы, которые ауэто употребляют не на охоте, а лишь во время воинственных плясок и военных походов.

Любезный Ауаято, напевая и мимируя, продемонстрировал нам употребление копий. Вместо деревянных масок мы увидали здесь маски, сплетенные из хлопка и покрытые воском, с длинными бородами. Глаза и носы были сделаны из кусочков воска и шерстяных шариков. Маски надевались на лоб, так что лица закрывались бородами.

Ауэто, как и мехинаку, любят разрисовывать домашнюю утварь орнаментами и изображениями животных. Поперечные столбы одного дома были сплошь разрисованы геометрическими фигурами. Художники были очень польщены нашим вниманием к их работам и тем, что Вильгельм срисовал их в свою тетрадь.

Ауэто поддерживали сношения со многими соседними племенами. У самой деревни начиналась сеть речных каналов и лагун, представлявших собой удобные пути сообщения.

Встретили мы здесь и трех красивых стройных людей из племени ваура, родственного мехинаку и кустенау, и представителей племени яулапити. Вблизи деревни стояли два дома, в которых жили два ауэто, женатых на женщинах яулапити. Эти две семьи были во враждебных отношениях с жителями деревни и назывались особым именем—арауити. Кто знает, не окажутся ли они родоначальниками нового племени?

Сопутствуемый Антонио, Тумайяуа и одним яулапити, я отправился в родную деревню последнего.

ЯУЛАПИТИ

Мы плыли больше часа по каналу; ширина его колебалась между пятью и пятнадцатью метрами. В него впадали бесчисленные мелкие речки; берега его заросли высокими гладкоствольными пальмами с широкими, как опахала, вершинами.

В деревне яулапити было всего шесть полуразвалившихся домов. Клуба не было. Нас ввели в пустую хижину, внесли скамейки для меня и Антонио. Явился главарь, и между нами произошел следующий разговор:

— Я — яулапити.

— Я — караиб.

— Я — хороший, яулапити — хорошие.

— Я — хороший, караибы — хорошие.

— Я — ятома (знахарь).

— Я — тоже ятома.

Он поднес мне чашку отвратительного маниокового питья, получил от меня нож и угостил меня сигарой.

Поразительно, как велико различие между богатыми и бедными даже у этих примитивных народов. Мне сразу стало ясно, что живущие здесь терпели лишения. Имевшаяся у них в ничтожном количестве маниоковая мука вся заплесневела. Очевидно, они питались орехами и мелкой рыбой.

К вечеру появился человек с черной полосой поперек лица и отрекомендовался великим знахарем по имени Моритона. Все племена признают его врачебное искусство, — он умеет вылечивать все болезни. Он вымазал себе грудь остатками нашего горохового супа и спросил, не принесет ли это ему пользу.

На ужин нам предложили только воду. Несмотря на свою бедность, яулапити стремились получить не ножи, а бусы.

На следующий день из соседней деревни пришел старый слепой главарь и стал жаловаться на общую бедность и голод: дикие свиньи попортили поля; он хлопал себя по пустому животу и, схватив мою руку, проводил ею по своим слепым глазам. Я подарил ему в утешение никелевую ложку. По его словам, когда-то яулапити были сильнее, но их покорили маницауа, а маницауа в свою очередь — суйя. Суйя и труман считаются богатыми племенами, потому что у них есть каменные топоры.

В этой деревне было множество детей. Старики имели жалкий и больной вид. У многих мужчин и женщин тело было покрыто коростой.

Из моих вещей наибольшее впечатление произвели зеркало и спички. От яулапити мы получили несколько веретен, украшений из перьев и цепочек из мелких камней.

КАМАЙЮРА

Мы посетили две деревни этого племени. Первая состояла из четырех хижин. Нам отвели половину одной из них и угостили жареными муравьями — очень вкусным кушаньем, напоминавшим поджаренный миндаль.

В домах мы увидели множество масок из дерева и хлопка, великолепные диадемы, мантии из перьев и жезлы, украшенные рыбьими зубами.

Вечером мужчины собрались на берегу; мы беседовали и курили при луне. Мы пели им немецкие студенческие песни. Чтобы дать нам представление о своих обычаях, они надели маски, танцовали и разыгрывали целые пантомимы. Некоторые актеры обнаружили настоящий талант. Я изобразил мертвого, лег на землю и попросил показать на мне, как у них принято хоронить мертвецов, что они тут же с удовольствием изобразили. Вообще, они с охотой рассказывали о себе и отвечали на мои бесконечные вопросы. Я пригласил их сопровождать меня в Куяба, обещал топоры и ножи, но они побоялись далекого путешествия.

Во второй деревне, живописно расположенной среди зарослей мангав на берегу поросшей камышом лагуны, было семь хижин и строился клуб.

ТРУМАИ

Когда мы из лесу подходили к лагерю трумаи, нас заметили две женщины, подняли крик и в страхе убежали. В лагере поднялся невообразимый шум, визг и рев. Мужчины схватились за оружие и свирепо махали копьями и стрелами, но я быстро подошел к малорослому старичку, повидимому, главарю, положил ему руку на плечо и сде-

лал самое лучшее, что можно сделать в таких случаях: улыбнулся и стал громко твердить:

— Кату караиба, кура караиба.

Для большей убедительности я обратился к языку, всегда выручавшему меня в критические моменты, — к родному немецкому. Он и здесь оказал ожидаемое действие: старичок хоть и был слишком напуган, чтобы ответить мне на улыбку улыбкой, поклонился чрезвычайно вежливо.

Трумаи имели совершенно дикий вид. Они были небольшого роста, с маленькими головами и безобразными лицами. Старые женщины были исключительно уродливы. Трумаи незадолго перед тем воевали с племенем суйя, которые сожгли и разграбили их деревню. Сейчас пятьдесят человек трумаи жили в лагере. Почти у каждого гамака был разложен небольшой костер. На деревьях висели плетеные мешки и корзины с припасами. Целая флотилия лодок стояла на канале, окруженном болотами. Мы наменяли кое-что из украшений, каменные топоры, цепочки, десять масок, флейты, палицы и пр.

На следующее утро я обнаружил пропажу банки с мышьяковыми пилюлями и очень взволновался, так как воры легко могли отравиться. Повторилась та же история, что у мехинаку. Вскоре один из бывших здесь яулапити принес мне банку со значительно уменьшившимся количеством пилюль, уверяя, что я выронил ее из кармана.

*

Мы снова вернулись к ауэто. С ними мы подружились настолько, что один из них, Майюли, захотел поменяться со мной именами. Главарь позвал к себе нас обоих, ударил меня шесть или семь раз по спине, каждый раз приговаривая „Майюли", подул мне на грудь и прокричал в каждое ухо „Майюли". То же самое он проделал с моим новым другом, получившим имя „Карилозе" (от Карлос). С этой минуты все стали называть меня Майюли (я невольно подивился сходству этого имени с европейскими названиями месяцев „май — июль"). Как только я входил в какую-

нибудь хижину, женщины, улыбаясь, радостно приветствовали меня возгласом „Майюли!"

К сожалению, ауэто по всякому поводу выклянчивали подарки и крали все, что попадалось под руку: ножи, ножницы, свечи, вазелин, коробки. Выручал нас Тумайяуа, наблюдавший за всеми, как полицейский, и, очевидно, надеявшийся, что все уцелевшие богатства перейдут в его руки.

При нас деревню посетило множество разноплеменных гостей.

Так как наступал дождливый период и у нас подходили к концу запасы кофе, соли и консервов, мы решили не ехать дальше вниз по течению, тем более, что вода в реке сильно поднялась и плавание по ней становилось затруднительным. Индейцы снабдили нас лодками, и 31 октября мы отплыли обратно в лагерь „Независимость". Представители каждой деревни провожали нас до следующей, как бы передавая из рук в руки, и всячески помогали нам.

13 ноября с целым флотом в тринадцать лодок, в сопровождении четырнадцати бакаири, мы достигли лагеря „Независимость". По дороге мы снова посетили все бакаирские деревни. В Маигери состоялось официальное прощание. Церемониймейстер Тумайяуа, усадив нас на площади, вручил мне в подарок две большие тыквенные чаши, поставил передо мной большую плетеную корзину, расстелил рядом с ней круглую цыновку, подал знак и... из домов выбежали одна за другой женщины и дети. Каждый быстро бросал передо мной на цыновку по одной маниоковой лепешке и отбегал прочь, давая место другим. Мы были растроганы и горячо благодарили за гостеприимство.

Тумайяуа получил от нас в подарок белые полотняные брюки, полосатую рубашку, купленный в Рио-де-Жанейро модный черный сюртук Вильгельма и его же пеструю маскарадную высокую шляпу.

Одного из знахарей мы также наградили рубашкой и шапкой и запечатлели на фотографии портреты обоих преображенных индейцев, кстати сказать, выглядевших в европейском платье менее привлекательно, чем в своем обычном виде.

Моя бывшая невеста, к несчастью, совсем ко мне охладела и на прощание даже не удостоила меня взглядом.

Во время обратного пути в наш лагерь непрестанно шел проливной дождь и налетали грозы. Течение реки было очень быстро; на каждом шагу попадались пороги и буруны. Но индейцы не унывали и бодро гребли, болтая с проводниками. Почти у всех начались сильные приступы малярии. Но бразильские солдаты, как дети, боялись горькой хины и обращались в бегство, как только им ее подносили. Я сильно страдал от малярии в 1884 году; теперь у меня было только несколько слабых припадков. У Фогеля появилась неприятная кожная болезнь.

В лагере „Независимость" нас радостно встретили Сатиро, Маноэль и Януарио. Последний даже расплакался. Они успели построить три уютных хижины и посадить маис и бобы. Мулы в наше отсутствие отъелись и имели прекрасный вид.

Один день мы посвятили полному отдыху. Устроили пир из бобового супа, вяленой свинины и маниоковых пирожков с растительным маслом. Здесь еще сохранились остатки наших съестных припасов: два мешка соли, бульон в таблетках, овощные консервы, чай и пр.

Эренрейх лечил свои и чужие раны и опухоли от укусов насекомых. Фогель отсыпался в гамаке, подложив под голову томик Гете. Я одновременно чинил себе брюки и читал.

Следующие дни мы дружно работали, упаковывали коллекции, делали последние фотографические снимки. Накануне отъезда устроили иллюминацию и прощание по примеру бакаири. Усадили всех в ряд, Тумайяуа — на кожаный чемодан, и стали выносить и складывать перед нашими друзьями носовые платки, бусы, ножи, зеркальца, рубашки, топоры — словом, все что еще у нас осталось. И под конец вывели на привязи маленького шпица; его, от моего имени, Тумайяуа должен был свести моей любимице, своей дочери Еве.

16 ноября Тумайяуа изрек: — Итахе ура (я ухожу).

И до восхода солнца индейцы покинули нас.

*

Мы вышли из лагеря „Независимость" 19 ноября и 17 декабря дошли до первого жилища—фермы Сан-Маноэль, где пробыли до 22 декабря, а 31-го того же месяца были в Куяба.

Четырехнедельная первая часть пути до Паранатинги была самым тяжелым временем всего путешествия. Дождь почти не прекращался. Стояли безнадежно-серые и туманные дни. Большую часть времени мы мерзли, по временам задыхались от влажной духоты, напоминавшей воздух прачечной, и потели под москитным пологом. Лес стал неузнаваем. Все в нем зеленело и цвело. Пышная трава покрывала прежде выжженную засухой землю. Ручьи вышли из берегов, — нам часто приходилось перебираться в брод по горло в воде, сооружать для переправы примитивные плоты и, чтобы хоть немного обсохнуть, под дождем раскладывать костры.

В довершение всего нас мучил нестерпимый, граничащий с болезнью, мясной голод. Не моргнув глазом, мы ели вонючее мясо козла, от которого еще недавно с отвращением отворачивались. Страдали мы и от недостатка жиров и сахара. Почти у всех не прекращались расстройство пищеварения и приступы лихорадки. И немудрено: вся наша одежда, спальные мешки, гамаки — все вокруг нас было мокро, как и мы сами, уподобившиеся лягушкам на болоте. Наши пожитки гнили. Воловьи шкуры и кожаные мешки превратились в тряпки и легко рвались. Деревянные седла сломались и растирали в кровь спины бедных мулов. Что происходило с нашими бумагами и папками, описать невозможно. Заботливее, чем мать своих детей, оберегали мы фотографические снимки.

28 ноября мы переправились через юго-восточный рукав Батови и решили употребить ясный солнечный день для просушки вещей.

Перро и Януарио, взяв запас соли, одеяла и ружья, отправились верхом отыскивать дорогу. Мы ждали их обратно через несколько часов, но они не возвратились и к 1 декабря. Мы зажгли на холме костер, стреляли из ружья. Напрасно! Очевидно, Перро и Януарио заблудились. Это было очень странно, так как Януарио хорошо знал здешние места.

Мы вступили в область Паранатинги. Дорогу находить было легко: везде были поставлены вехи. Попадались даже мосты, но большей частью полуразрушенные. Провиант был на исходе. Кончалась и добытая у индейцев маниоковая мука. В желудках чувствовалась неприятная пустота, в просторечии называемая голодом. Мы питались неприхотливой растительной пищей—горькой, как хинин, пальмовой капустой и похожей на ямс лесной маниокой. К счастью, табаку у нас было достаточно. Мы беспрерывно курили и мечтали вслух о европейских кушаньях, растравляя воображение друг друга воспоминаниями о ветчине, сосисках, белом хлебе, сливках и пр.

Мы шли по болотам, переходили бесчисленные ручьи, снова попадали в густые заросли кустарника и только 9 декабря, поднявшись на крутой пригорок, увидели желтоводную, вздувшуюся и стремительно несущуюся Паранатингу. Через нее пришлось переправиться вплавь, так же как и через широкую, спокойную реку Сан-Маноэль. На закате солнца послышался яростный собачий лай, и мы увидели скотный двор и службы фермы. Старый охотник с моложавой и стройной фигурой и горделивой осанкой осыпал нас любезностями и угостил на славу салом, мукой и сахаром.

На следующее утро снова перешли приток Сан-Маноэля и мы увидели на высоком берегу, в рамке тропического ландшафта, глиняные, крытые пальмовой соломой хижины. Хозяин фермы встретил нас дружески, и мы с вожделением набросились на газеты, правда, очень давнишние. Здесь наши мулы смогли отдохнуть, а мы — закупить рис, бобы, сало, муку, немного вяленого мяса, сахара и даже две бутылки водки.

Наконец 10 декабря явились долгожданные Перро и Януарио, оборванные, измученные, похудевшие, и рассказали о своих злоключениях: разлившуюся Паранатингу они

приняли за Батови и вследствие этой ошибки стали держать путь на восток. Двенадцать дней они проблуждали по лесу, три последних ничего не ели. Старый Ануарио не вынес потрясений и заболел нервным расстройством. Перро один должен был рубить дрова, разводить огонь, ухаживать за животными. Самым неприятным их приключением был ночной визит ягуара. Хищник подошел к их шалашу и стал разгребать пепел костра. Ануарио ударил его ножом между ребер, Перро успел схватить ружье и выстрелить. Наутро кровавые следы показали, что ягуар был ранен. Из имевшихся у Перро восьми патронов он расстрелял семь; последний он берег на крайний случай; из-за этого они три дня голодали, несмотря на то, что в лесу попадалась дичь.

Бедным Ануарио овладела мания преследования: когда Перро чистил ружье, ему казалось, что он хочет его застрелить. Если ему предлагали кофе, он думал, что его хотят отравить. Я стал лечить его; болезнь прошла, но он никогда уже не был прежним старым весельчаком Ануарио, смешившим нас своей остроумной болтовней.

У всех нас наблюдалось сильное падение пульса (до сорока четырех ударов в минуту). Общее настроение поднялось, когда мы при помощи лассо на пастбище поймали годовалого бычка, которого с удовольствием съели.

13 декабря мы переправились через бурную Паранатингу и 17 декабря отпраздновали день рождения Фогеля на богатой ферме. Здесь имелись в изобилии мука, яйца, сало; каждый из нас состряпал себе любимое блюдо и наелся до отвала. Очень тщательно приходилось оберегать наши вещи от покушений здешних домашних животных. Коровы жевали кожаные мешки, собаки и свиньи пожирали все, кроме дерева и металла, в том числе и носовые платки. Вершиной блаженства показалось нам парное молоко, смешанное с мукой и сахаром. Мы быстро начали поправляться и 22 декабря отправились в дальнейший путь.

Погода стояла чудесная. На солнце было невыносимо жарко. Дорога шла по краю пустынной песчаной возвышенности. Справа тянулся заросший лесом глубокий овраг. С 25 декабря ландшафт стал до невозможности однообразном. На протяжении тридцати пяти километров нам попались только две птицы, одна ящерица, три пчелы, термиты и могила с деревянным крестом: очевидно, кто-то здесь умер от скуки! Двадцать пять километров мы прошли, не встретив признаков воды.

27 декабря зашли еще на одну ферму, расположенную в прекрасной долине. Здесь наши мулы, наконец, получили маис, но от волнения почти не ели его.

29 декабря мы начали спускаться с плоскогорья в долину Куяба, а 31-го рано утром вошли в городок Куяба.

Перро, стыдясь своего оборванного вида, поехал вперед, чтобы достичь своего дома незамеченным. Но нам некого было стесняться. Мы украсили шляпы и наших мулов зелеными ветками и нисколько не смущались тем, что очень напоминали шайку подозрительных бродяг и что народ глазел на нас с удивлением.

На площади нас встретили друзья и бурно бросились обнимать. На время пребывания здесь нам предоставили в полное распоряжение прекрасный особняк, один из лучших в городе. Мы, конечно, с благодарностью приняли это предложение, в тот же день перебрались в поместительный дом и принялись приводить в приличный вид, во-первых, самих себя, во-вторых, наши драгоценные коллекции.

V. КУЛЬТУРА ШИНГУ

КЛАССИФИКАЦИЯ ПЛЕМЕН.—ВНЕШНИЕ ЧЕРТЫ.—ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАТУИРОВКИ.—СМАЗЫВАНИЕ И РАСКРАШИВАНИЕ ТЕЛА.—УКРАШЕНИЯ.—ОХОТА И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.—„КАМЕННЫЙ ВЕК".—РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.—ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

От Кордильер до Атлантического океана, от Ла-Платы до Антильских островов распространены большие лингвистические группы индейцев: караибы, ну-аруак, тупи и тапуйя.

Племена, живущие в бассейне Шингу, следующим образом классифицируются в лингвистическом отношении:

Караибы: бакаири, нахуква.

Ну-аруак: мехинаку́, ваура, кустенау́, яулапити.

Тупи: камайюра́, ауэто́.

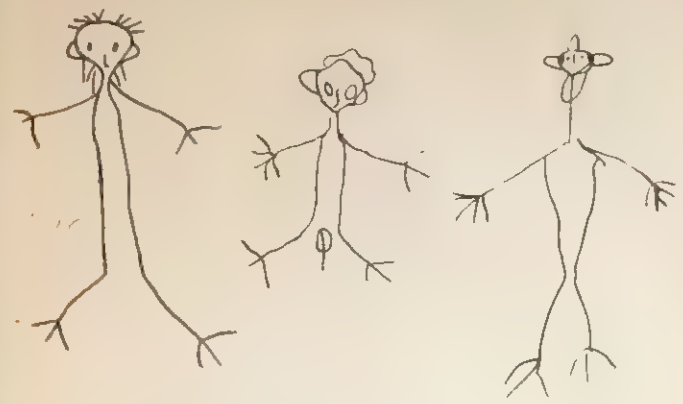
Отдельно стоят трумаи, принадлежность которых не выяснена.[1]

Индейцы Кулизеху — преимущественно ниже среднего роста. Явно маленького роста—женщины, которые в среднем на 6,5 процента ниже мужчин. Характерная черта их сложения—сильное развитие грудной клетки и широта плеч. Цвет кожи — преимущественно желто-серый, глинистого тона. Солнечный загар, грязь и наложенная краска крайне затрудняли определение настоящего цвета кожи; только местами, под повязками на руках и ногах, можно было видеть, какую светлую кожу имеют в действительности эти индейцы.

Волосы на голове—черные или коричнево-черные. Выражение лица у отдельных племен обнаруживает известные различия, которые, однако, довольно трудно определить. Лицо бакаири или караибов имеет почти европейские очертания, но встречается и совершенно иной тип.

Зубы—большей частью желтоваты, тусклы, неровны и почти у всех сильно изношены. Блестящие белые зубы

видел я очень редко. Я никогда не замечал, чтоб индейцы чистили зубы или полоскали рот, что, при употреблении мучной пищи, было бы очень полезно. Не имея под рукой рыбьих зубов или осколков раковин, они пускают в ход собственные зубы и раскусывают раковины речных улиток. Зубами же разгрызают они на кусочки и другой сорт раковин, из которых делают свои ожерелья. Сердце мое болезненно сжималось при одном виде этих процедур.



Рисунки бакаири: К. Штейнен, В. Штейнен, Эренрейх

Прическа мужчин весьма своеобразна: волосы подстригаются „в скобку" и закрывают половину лба и ушей; небольшой кружок на темени выбривается. Существовало предположение, что выбривание темени индейцы заимствовали от католических священников, но оказалось, что этот обычай был распространен в Южной Америке еще до появления здесь миссионеров. Когда юноша достигает половой зрелости, ему выбривают темя. Антонио рассказывал мне, что он горько плакал при этой операции. По его словам, обычай этот существует с древнейших времен.

У бакаири некоторые юноши завивают себе волосы при помощи маленьких кусочков дерева, на которые, как на папильотки, наматывают отдельные пряди.

Женщины также подстригают чолку на лбу. Волосы, обычно достигающие половины спины, лежат свободно распущенными по плечам.

Волосы на других частях тела, за исключением бровей, выбриваются или выщипываются; ресницы выбривают острой степной травой детям обоего пола еще в раннем возрасте.

Женщины ежедневно занимаются охотой на вшей. Мужчин мне ни разу не приходилось видеть за этим делом. Гребни, сделанные из острых бамбуковых палочек, обычно висят на гамаках. Волосы иногда окрашиваются в красный цвет масляной краской.

Тумайяуа часто выдергивал себе волосы на подбородке. Если при нем было зеркало, он мог часами предаваться этому интересному занятию. Боли при этом он не испытывал, а наоборот, удовольствие. Мою длинную, густую бороду женщины находили безобразной и часто, подергивая ее с легкой гримасой отвращения, дружески советовали поскорее от нее избавиться.

Глаза, этот драгоценнейший орган человека, особенно необходимы лесным племенам, принужденным отыскивать добычу в густой чаще. Я никогда не видел индейца в таком отчаянии, в каком был один главарь, со слезами и стонами жаловавшийся на свою слепоту. Однако индейцы далеки от мысли, что ресницы предохраняют глаз от засорения. Они убеждены, что ресницы, наоборот, мешают хорошо видеть вдаль. По-своему они всячески заботятся об органе зрения и мальчикам, из которых хотят сделать хороших стрелков, до крови скребком скоблят кожу вокруг глаз.

Мы знаем, до какой степени в нас, цивилизованных людях, развито тщеславие и желание нравиться, и как охотно мы готовы страдать из-за этого. Ничего нет удивительного, что такое же чувство тщеславия заводит примитивные народы еще дальше. Мы, европейцы, отличаемся от них только тем, что они стараются украшать свою кожу, а мы—одежду.

У индейцев, в первую очередь, украшают себя охотники. Украшения состоят из тех частей добычи, которые не употребляются в пищу, хорошо сохраняются и портативны. Когда в качестве трофеев и талисманов индеец продевает себе в нос, губы, уши или вешает на шею когти, зубы или перья убитых им животных, он полагает, что к нему переходят свойства этих последних.

Искусственное ранение, оставляющее следы на коже, воплощает старинный, переходящий из поколения в поколение обычай. Эти следы служат не только для того, чтобы отмечать в своей среде сильнейших и храбрейших, но являются также сознательно сохраняемым племенным отличием, дающим возможность опознавать членов своего племени. У индейцев с давних пор практикуется выкрадывание у соседних племен детей, из которых они воспитывают для себя жен и воинов. Поэтому индейцы помечают детей особыми, разнообразными знаками, подобно тому как скотовод метит свой скот.

Когда мы посетили племя бороро, одна старуха стала клятвенно уверять, что Антонио—ее собственный сын, в детстве выкраденный ее врагами. Бедная старуха рыдала и причитала всю ночь. Бороро подвергли возмущенного, но смеющегося Антонио тщательному осмотру и отпустили только потому, что не обнаружили на его нижней губе небольшой дыры: бороро обычно протыкают нижнюю губу еще грудным детям. По племенным знакам можно легко отличить среди бакаири женщин, выкраденных у племен паресси, среди нахуква—женщин мехинаку, среди суйя—женщин маницау.

Искусственное ранение укоренилось и стало постоянным обычаем. При этом чужие знаки считаются безобразными и смешными, а свои—прекрасными.

Протыкание ушных мочек у мужчин, необходимое для ношения украшений из перьев, распространено среди всех племен Кулизеху. Но этот обычай не распространяется на женщин, которые вообще не носят никаких украшений из перьев: они не охотятся и, следовательно, не имеют прав на охотничьи трофеи.

Как только юноша начинает упражняться в стрельбе, ему протыкают уши. Обычай протыкать носовую перегородку

существует только у бакаири. Теперь они уже не носят перьев в носу, но мы видели маску с торчащими по обеим сторонам ее деревянного носа птичьими перьями.

Мы собрали несколько носовых украшений из беловатого блестящего кварца, отточенных в виде острого стержня длиной в шесть сантиметров. Нам пришлось видеть носовое украшение только на одной беременной женщине, на шее у которой висело еще множество других украшений.

Почти у всех племен принято украшать конечности; на предплечье, под коленом и на щиколотке носят широкие соломенные и хлопковые перевязи, иногда связанные на деревянных спицах. Обыкновенно их носят только мужчины, так как эти перевязи будто бы увеличивают их силу. Во время танца к ним пристегиваются пестрые украшения из перьев.

У всех индейских племен расцарапывание кожи считается универсальным и испытанным лечебным средством. Сначала особым скребком, трехугольным куском тыквенной корки, усаженным мелкими острыми рыбьими зубами или когтями животных, расцарапывают кожу, затем, чтобы вызвать обильное кровотечение, надавливают пораненное место гладкой костью и, наконец, натирают желтой глиной, сажей или соком какого-нибудь плода. Руки индейцев иногда сплошь покрыты шрамами. Чтобы сделать мальчиков сильными и меткими стрелками, их лица и предплечья до крови растирают скребками. Я видел, как такими скребками очень успешно орудовали при лечении опухоли ног. Применение скребков во многих случаях приносит облегчение и уменьшает воспалительный процесс. Мы знаем по опыту, что если до крови расчесать укушенное насекомым место, то боль и зуд прекращаются. Чтоб унять кровь, присыпают рану сажей, землей или пеплом.

От искусственного ранения кожи индеец, сам того не зная, пришел к татуировке. Я часто видел у здешних племен, не имеющих понятия о татуировке, накрашенные рубцы и полосы на теле. Привычка к лечебному расцарапыванию кожи, естественно, вызвала потребность в ее раскраске

Сознательное раскрашивание кожи, как самоцель, возникло значительно позднее. Татуировка стала искусством и сделалась вспомогательным средством для отличия друг от друга людей, не прикрытых одеждой. Естественно, что, как только появится одежда, татуировка перестанет быть необходимой. Только однажды нам пришлось видеть весьма

Мехинаку

искусную татуировку у главаря племени мехинаку, на груди которого была изображена рыба.

Почему индейцы мажутся масляной черной и красной краской? Не для того ли, чтобы устрашить врага? Или просто для развлечения? К нашему удивлению, мы заметили, что в этом изобилующем цветами крае ни мужчины ни женщины не украшают себя ими.

Единственный вопрос, который мне по собственной инициативе задал Антонио в Куяба, был следующий: „Почему здесь женщины носят цветы на голове?“ Очевидно, он был далек от мысли, что можно украшать себя цветами. Я думаю, что перья попугая лишь в позднейшие времена стали служить украшением. Сначала ношение их было вызвано

радостью после удачной охоты и только впоследствии связалось с чисто эстетическим чувством.

Каков же смысл этого окрашивания тела? Оно производится при помощи масла, сгущенного клейкой смесью сажи, и красной краской, полученной из косточек одного местного растения. Бакаири усердно разводят его, так как очень любят красный цвет. Туземец мажет свое тело масляной краской для того, чтобы придать коже мягкость и предохранить себя от москитов и мух, погибающих при прикосновении к намасленной коже. Он не уйдет на охоту прежде, чем любящая жена не намажет ему масляной краской грудь и спину. С собой в лодку индейцы неукоснительно берут флягу с маслом, чтобы в пути смазывать друг друга. После целого дня речного путешествия их спины бывают усеяны бесчисленными черными тельцами паразитов, которые смываются при купаньи. Я видел несколько женщин племени мехинаку, с ног до головы вымазанных углем, занимавшихся обычной домашней работой. К сожалению, я не узнал, для какой цели они так вымазались, но думаю, что из чисто гигиенических соображений.

Реже приходилось мне наблюдать художественное раскрашивание тела — узкие и широкие полосы, идущие от глаза к уху, от носа к животу, полосы вокруг лопаток, пятна на груди и руках, волнистые линии вокруг бедер, извилистые дуги, пересекающие грудную клетку, зигзаги на спине и ногах и т. д. Иногда полосы проводят на местах скрещивания анатомических контуров, иногда подражают раскраске звериных шкур. Определенного образца для всего племени не существует: каждый раскрашивает себя по-своему.

Однажды Кулекуле, мой бакаирский друг, нарисовал по обеим сторонам груди два черных подковообразных предмета. Когда я полюбопытствовал, что они изображают, Кулекуле указал рукой на мои сапоги, всегда приводившие его в восхищение. Оказалось, что он нарисовал на своей груди мои каблуки!

Обыкновенно разрисовывание приурочивается к праздничным дням или, как мы это наблюдали у нахуква, к танцовальным церемониям. В обычные дни не принято украшать себя ни узорами ни перьями.

Когда мы явились в первую бакаирскую деревню, жители ее, встретившие нас, в том числе и женщины, были почти поголовно раскрашены. Даже маленькие внучата Тумайяуа были заботливо вымазаны, и Тумайяуа обратил мое внимание на это обстоятельство, показывавшее, до какой степени бакаири были обрадованы моим появлением.

Масляная краска в действительности является одеждой туземцев, поскольку они вообще в ней нуждаются. В сущности, древнейшее назначение краски—защищать тело, но не от холода, а от тепла и различных наружных повреждений.

Наши туземцы не знали, что такое неприличные части тела. Они без всякого стеснения вышучивают и высмеивают их, и смешно было бы осуждать их за это или считать их поступки непристойными. Они завидуют нашим одеждам как драгоценным украшениям, но, надевая их, пренебрегают простейшими правилами приличия, что наглядно свидетельствует об их первобытной простоте.

Некоторые племена ознаменовывают наступление половой зрелости у обоих полов торжественными празднествами, на которых при всеобщем весельи и шутках демонстративное внимание уделяется интимным частям тела. Мужчина, желающий сказать, что он является отцом, и женщина, желающая сообщить, что она—мать, с самым непринужденным видом дотрагиваются до своих половых органов.

Различные ожерелья носят и мужчины и женщины, чаще дети и беременные. Бакаири очень старательно изготовляют красивые ожерелья, которые высоко ценятся другими племенами. Прямоугольные, чуть согнутые пластинки, длиной в два-три сантиметра, полтора сантиметра ширины, вырезанные из твердой растительной скорлупы, почти белые, черепицеобразно накладываются друг на друга. Внизу и вверху каждой пластинки пробуравлено отверстие, но шнурок продевается только через верхнее.

Ожерелья другого сорта состоят из маленьких пластинок или гладких бус в один миллиметр толщиной, в три—пять

миллиметров в разрезе; они правильной формы и блестят сероватым или голубоватым блеском. Видели мы и ожерелья из травяных стеблей, кусочков коры, фруктовых косточек и различных ягод.

У племен яулапити, трумаи и их соседей часто встречаются каменные подвески цилиндрической формы. Нахуква делают подвески из пальмовой смолы, очень похожей на янтарь, и из глины. Мелкие камни грушевидной формы, служащие в качестве метательных орудий, мехинаку и ауэто вешают у детских постелей в качестве талисманов.

Материал, из которого выделываются украшения, меняется в зависимости от местных условий. Бакаири делают ожерелья из белых раковин, нахуква—из красных, трумаи и яулапити—из камней. Нам встречались ожерелья роговые, состоявшие из множества костяных палочек, из зубов обезьяны, ягуара. Каждому сорту приписываются особые целительные свойства. Что каждое украшение является отчасти талисманом, явствует из того, что, как было уже упомянуто, их чаще всего можно видеть на детях и беременных женщинах. И когда индейцы вешают себе на шею пустые спичечные коробки, они делают это отнюдь не из эстетических соображений.

*

Численность населения речной области Шингу́ достигает приблизительно двух с половиной, трех тысяч душ. Я имел возможность дать лишь приблизительный подсчет, так как очень часто при виде нас женщины испуганно убегали в лес и, наоборот, из соседних деревень собирались любопытные. Самые мелкие поселки состоят из двух семейных домов; наиболее крупные—из двадцати. Мы не ошибемся, если скажем, что число жителей одного поселка колеблется между тридцатью и двумя стами.

Только трумаи и суйя живут на берегу реки. Это—самые беспокойные и воинственные племена. Остальные, мирные племена, живут на расстоянии до двух часов пути от реки в глубь страны. Область бакаири, где река имеет узкое и усеянное порогами русло, представляет собой местность

с песчаной почвой, поросшую диким лесом, в то время как области, расположенные в низовьях реки, усеяны сетью каналов и лагун, облегчающих сообщение между деревнями и между их плантациями, более плодородная почва которых хорошо вознаграждает туземцев за труд.

Здешних жителей нельзя строго подразделить на рыболовов, охотников и земледельцев.

У соседних речных племен охоту на млекопитающихся, конечно, вытесняет рыбная ловля, которая дает не только пищу, но и необходимые технические средства. Звериные шкуры не нужны, поскольку вообще не носят одежды; с убитого животного обычно даже не сдирают шкуру, а жарят мясо до тех пор, пока кожа не обуглится. Охота, если не считать крупных птиц и других обитателей речной области, не обеспечивает пропитанием. Чтобы иметь постоянную добычу, надо предпринимать отдаленные экспедиции. У бороро, живущих также на берегу рыбной реки, на первом месте стоит охота, а не рыбная ловля. Они и целые недели покидают свои жилища и возвращаются охоты с огромным запасом жареного мяса. Земледелием они еще не занимаются.

Несмотря на широко развитое примитивное земледелие, индейцы племен Шингу живут еще в охотничьей эпохе, особенно бакаири. Я уже упоминал, с каким вниманием, сидя дома, они прислушиваются к долетающим из лесу звукам и при каждом удобном случае внимательно наблюдают за различными проявлениями жизни животных.

Индеец охотится везде и всегда: идя по лесу, плывя в лодке, отдыхая на стоянке в поле. Он привык отождествлять себя с животными. Он думает, что все живые существа подобны друг другу: у всех есть жилища и семьи, все звуками объясняются между собой, все питаются плодами или дичью, все враждуют друг с другом. Индеец осознает себя как primus inter pares (первый среди равных), но ничуть не считает себя стоящим на высшей ступени развития. Свои сказания и легенды, кажущиеся нам сказками и баснями, индейцы воспринимают так же серьезно, как хри-

стиане свое учение. Их психологию мы сможем понять только в том случае, если будем считать их продуктом охотничьей эпохи. Всю свою наблюдательность они сосредоточивают на животных и, при помощи приобретенного таким образом опыта, объясняют себе явления природы и вырабатывают свое мировоззрение. В своих рисунках они изображают животный мир с изумительной односторонностью. Все их искусства, поражающие нас своим богатством, избрали своей темой охотничий быт. Я обращаю особое внимание на это обстоятельство, так как обычно мы недооцениваем материальную культуру туземцев и с трудом можем понять их духовную жизнь.

С другой стороны, нет сомнения, что еще с древнейших времен индейцы, за исключением трумаи, занимались земледелием. Об этом свидетельствует сравнительное языкознание, которое одновременно доказывает, что племена района Шингу принадлежат к одной лингвистической семье, от которой каждое отдельное племя отпало в различные эпохи. Бакаири говорили мне: „Наши деды ничего не знали о маисе и маниоке, они, вместо них, ели землю",—которой современные индейцы только лакомятся. В одной сказке рассказывается, что маниока была подарена местным жителям. Бороро, этому сильному племени, было совершенно неизвестно возделывание полезных растений, и когда они впервые увидели едва взошедшие побеги посаженной для них маниоки, то стали их выдергивать и тут же поедать. Трумаи, увидев у своих соседей превосходно содержимые обширные плантации, стали, в свою очередь, учиться земледелию. Остальные индейцы Шингу, хоть и находятся в зависимости от урожая своих полей, все свои чувства и помыслы отдают своему первичному призванию—охоте.

Чтобы понять это явление, мы должны рассмотреть еще один вопрос. Племена Шингу незнакомы с металлами. Как говорится, они живут в „каменном веке".

К сожалению, изучение доисторического периода основано преимущественно на изучении немого археологического материала, добытого раскопками. Нередко происходит смешение якобы одинаковых понятий „каменного века" и „предистории", несмотря на то, что народы, сами написавшие свою историю, сделали это тогда, когда им уже было известно употребление металлов, и несмотря на то, что бок-о-бок с народами историческими жили народы доисторические, незнакомые с металлами. В наших доисторических находках мы можем отличить древнейший период, когда каменные орудия делались при помощи пиления и откалывания камней, и позднейший период, когда они делались при помощи шлифовки. Отсюда выводим заключение: для того чтобы сделать орудия, человеку было необходимо сначала дробить камень, а затем научиться его отшлифовывать. Когда путешественник попадает в страну, в которой неизвестно употребление металлов, то сейчас же объявляет, что обитатели ее живут в „каменном веке", и делают ошибку, которую много раз делал и я. Но если мы будем исходить из понятия „примитивных" народов, что и следует делать, то будем помнить: такие народы и в настоящее время живут в палеолитическую или неолитическую эпоху.

Отсюда следует, что выражение „дометаллический" — правильно, а выражение „каменный век" — очень неудачно.

Бывают случаи, когда человек вовсе не имеет в своем распоряжении камня или имеет его в необработанном виде и, несмотря на это, превосходно изготовляет себе оружие и утварь. Как беспристрастный наблюдатель, я не могу утверждать, что индейцы Шингу живут в каменном веке. Конечно, сложнейшие работы, как вырубка леса, постройка жилищ, лодок, выполняются при помощи топора. Но все племена находились в зависимости от трумаи, во владении которых находился топор. Ни бакаири, ни нахуква, ни мехинаку с их родичами, ни ауэто, ни камайюра не имели собственных каменных топоров. Песчаник, имеющийся у них, не годился для топоров. Каменный топор являлся здесь предметом „импорта".

На мой вопрос о происхождении камня мне было отвечено, что он найден в песке, у ручья. Клинки их топоров,

в десять-двенадцать сантиметров длиной, большей частью имеют плоскую цилиндрическую форму, некоторые закруглены как валики. Они ничем не привязаны к деревянной рукоятке в полсантиметра длиной, которая состоит из цилиндрической, наискось пробуравленной верхней части и более тонкой собственно рукоятки. Из того же материала изготовляются наконечники стрел и ожерелья.

Труман и соседи их яулапити шлифуют клинки своих каменных топоров и пробуравливают камни, из которых делают ожерелья. Остальные племена шлифуют на речном песчанике только затупившиеся топоры.

Раковины и камни пробуравливаются особыми сверлами: к обеим сторонам палочки приделаны и прочно привязаны трехугольные кусочки твердого камня; при буравлении сверло длиной в полметра вертят между ладонями. Обычно при сверлении камень посыпают песком.

Это все, что индейцы выделывают из камня. У них нет ни трехугольных каменных наконечников для стрел, ни каменных ножей, ни точил, ни каменных пил, ни скребков. Когда в присутствии бакаири я ударил один о другой два песчаных камня, содержащих железо, и из них полетели искры, то с удивлением заметил, что это явление было им совершенно неизвестно.

Я не берусь утверждать, что индейцы Шингу живут в костяной эпохе, или раковинной, или деревянной, хотя большинство их оружия, утвари, орудий и украшений сделано из зубов, раковин и дерева, и огонь они добывают при помощи трения.

Мы должны учитывать влияние окружающей среды и зависимость человека от местности, в которой он обитает. Каждое племя научилось применять имевшийся под его руками материал и узнало способы его обработки. „Географические условия предопределяют, — говорит Бастиан, — какая эпоха предшествовала эпохе металлической: или каменная, или деревянная, или костяная (при скотоводчестве и охоте в низменных областях), или раковинная (на коралловых островах)". Не зная металлов, индейцы заменяли их

раковинами, зубами, деревом, так как не имели под рукой твердых каменных пород.

Таким образом, я снова вернулся к своей исходной точке. Несмотря на практикующееся земледелие и выкорчевывание лесов при помощи каменного топора, индейцы Шингу должны были стать охотниками, так как охота и рыбная ловля не только разнообразили их пищу, но и предоставляли в их распоряжение необходимые примитивные материалы для изготовления оружия и домашней утвари.

Рыбная ловля и охота снабжали их многими необходимыми предметами, которыми можно было резать, скрести, сверлить, протыкать, рыть, полировать, строгать. Хотя земледелие, позволяя индейцам вести оседлый образ жизни, улучшило их экономическое благосостояние, они все-таки остались рыболовами и охотниками: охотниками без собак, рыболовами без удилищ, земледельцами без сохи и плуга. На их примере мы видим, что, не будучи знакомы с употреблением металлов, они способны бороться за свое существование при помощи многообразных иных средств.

Мы не должны переоценивать значения каменной утвари, которая уцелела лучше других археологических древностей, и не называть каменной эпохой все эпохи, предшествовавшие металлической.

Если оценивать культурный уровень народа в зависимости от степени использования окружающих его природных богатств, то мы должны признать, что наши туземцы стоят вовсе не на низкой ступени развития. Они охотятся на дичь и рыбу при помощи луков и стрел, ловят рыбу сетями и вершами, устраивают на реках запруды, в которые загоняют рыб. Они выкорчевывают лес на больших пространствах, строят себе прочные дома, наполняют их различными припасами и ремесленными изделиями, расписывают свое тело и свою утварь причудливыми, пестрыми узорами.

Куябанцы забросали меня злобными газетными статьями, когда я заявил, что дикари Шингу живут лучше и чище, чем многие из бразильцев.

Не отожествляя причины этих явлений, я должен прибавить им в утешение, что и в старой Европе есть много деревень, где крестьяне ведут существование более жалкое, чем индейцы на берегах Кулизеху.

Плодовые деревья индейцы сажают с большой тщательностью и ревностно за ними ухаживают. Мангавы — излюбленные деревья бакаири. Вообще, индейцы насаждают вблизи деревень растения, нужные им для выделки утвари и оружия или для каких-либо иных хозяйственных целей. Так, например, они сажают копьевидную острую траву, растущую на болотах, при помощи которой они бреются, растения, из которых выделывают нитки, траву, которой они покрывают крыши домов, и, на реке Батови, даже тростник, из которого изготовляют стрелы.

При выборе выращиваемых растений большое значение имеют и свойства данной почвы. Табак выращивают племена суйя и ауэто. Его курят поголовно все мужчины; кроме того, он играет важную роль при лечении различных болезней. Старинное сказание утверждает, что табак был занесен предками с севера. Маис и маниока имеются повсюду; последняя преобладает у мехинаку, самого богатого племени верхнего Шингу.

В настоящее время культура маиса и маниоки проникла в самые отдаленные углы Африки, и кажется, что эти два чисто американских растения испокон веков были здесь туземными. Живущий в дометаллической эпохе южный американец так усовершенствовал культуру маниоки, что может безболезненно соперничать в этой отрасли с обитателями других частей света. Культивируемый в настоящее время сорт маниоки совершенно безвреден. Когда маниока произрастала только на Шингу, прежде чем получить из нее питательное вещество, ее нужно было подвергать процедуре обезвреженья, выдавливать из нее ядовитый сок, муку, полученную при помощи растирания, толчения и прессования, тщательно подсушивать и употреблять для печения лепешек или в виде пивообразного напитка. В хозяйстве индейцев маниока имеет значение большее, чем маис: она

составляет важнейшую часть питания, и благодаря ей туземцы, перенявшие ее культуру у более высоко стоящих племен, стали оседлыми.

Приготовление маниоки предусматривает целый ряд процедур, требующих большого терпения и приспособлений, как, например, терки, усаженной пальмовыми колючками. Изготовление этих терок требует долгого и упорного труда.

Среди племени нахуква

Пюзерего, любимый напиток индейцев Шингу, поглощаемый ими в неимоверном количестве, представляет собой очень вкусный, пивообразный и безалкогольный напиток; скорее даже он напоминает суп. Пальмовое вино здесь не употребляется. Индейцы опьяняют себя только танцами и табаком.

В этом отсутствии опьяняющих напитков я вижу причину нетронутости племен Шингу, застывших, как и племена, живущие по системам рек Амазонки и Ориноко, в „каменном периоде". Конечно, среди них не всегда господствовали мирные отношения: одни племена истребляли другие, крупные раскалывались, мельчали, вновь сливались,

другие становились оседлыми, иначе говоря, в уменьшенном масштабе среди них происходило то, что мы называем историческим процессом.

Эти разделы и слияния отразились на изменениях различных наречий, принадлежащих к одной общей лингвистической группе. Несмотря на скудость имеющихся материалов, мы можем установить общие для них звуковые законы и ту же последовательность в развитии, которую мы наблюдаем в европейских языках.

Чтобы достичь высокой техники в выделке стрел и луков, племена охотничьей эпохи должны были знать периоды оседлости. Лишь в условиях мирной жизни нескольких поколений возможно заняться возделыванием полезных растений. Мы видим на представителях племен Шингу, что примитивное земледелие нуждается в подсобности рыболовства и охоты уже потому, что эти последние формы хозяйства дают материал для утвари. В настоящее время господствует убеждение, что часть беспокойных краснокожих, населяющих Северную Америку, были оседлыми. Происхождение же диких охотничьих племен отчасти вызвано переворотом, произведенным в туземной среде европейцами. Убеждение это совпадает с заключением, к которому пришли и мы, наблюдая индейцев Шингу.

Дикая охота и мирное возделывание почвы уживаются среди них потому, что охотой занимается мужчина, а земледелием — женщина, его изобретшая. Повсюду в Бразилии в руках женщин находится не только домоводство, но и возделывание маниоковых полей. Заостренными деревяжками очищает она почву от сорных трав, рассаживает черенки, собирает и приносит домой с поля созревшую маниоку.

Мужчина сажает табак, который женщина не употребляет. В первобытном состоянии женщина была действительно вьючным животным, да и посейчас она не имеет права присутствовать на праздниках мужчин и принимать участие в их плясках. Мужчина сильнее и храбрее женщины. Его удел — охота и военные упражнения. Там, где охота и

рыбная ловля еще играют важную роль, женщина берет на себя заботу о снабжении семьи растительными продуктами питания, их транспортом и приготовлением в пищу. Это разделение труда не случайно, оно является следствием естественных отношений. Благодаря ему женщина в сфере своей деятельности приобретает опыт и знание, как и мужчина — в своей.

Противоположностью женщины, искусно возделывающей маниоковое поле, является женщина, занимающаяся исключительно собирательством. Женщина у бороро, вооружившись острой палкой, отправляется в лес и, в то время как мужчина выслеживает зверей, она выискивает съедобные корни и клубни. Она лазит и на деревья за пальмовыми орехами и тащит их домой целыми мешками. Находясь в подчинении у мужчины, при разделе рыбной и мясной пищи индианка получает меньшую долю и вознаграждает себя растительной пищей, которую сама добывает. У племен Шингу мужчины сами жарят рыбу и мясо; женщины пекут лепешки, варят напитки и плоды. Следовательно, оба пола остались верны своим специальностям: мужчина ведает мясной пищей, женщина — растительной.

Мужчины жарят мясо и рыбу, но никогда их не варят Еще одно любопытное явление наблюдал я у племен Шингу: искусство делать посуду известно только племенам ну-аруак. У бакаири не было ни одного горшка, который не был бы получен от кустенау или мехинаку. Нахуква очень редко выделывают посуду сами. Среди них мы заметили женщину, месившую сырую глину. Но оказалось, что она была мехинаку по рождению, — это было видно по ее татуировке, — и только вышла замуж за нахуква. Очевидно, что гончарному искусству она выучилась у себя на родине. Таким образом, оказывается, что одна племенная группа является единственной носительницей керамического искусства.

Сначала я предполагал, что этот факт объясняется недостатком глины. Но мое предположение оказалось ошибочным. Пригодная для обжигания глина имелась не только

у нахуква, но и у бакаири. Но у бакаири и нахуква есть тыквенные бутылки и кубки, которых не имеют племена, выделывающие глиняную посуду, которую им приходится заимствовать у нахуква. Ваура изготовляют красивую глиняную посуду точно такой же величины и формы, как тыквенная, точно так же разрисовывают ее и вычерняют внутри.

Посуда индейцев никогда не служит для варки пищи и только заменяет тыквенную: женщины носят в ней воду. Если такой посуды не имеется, то воду носят в корзинах, промазанных глиной. Глиной мажут днища лодок и собственные тела. В корзинах переносят и самую глину. Заметив, что высохшая глина удобна для употребления, женщины стали плести более прочные корзины и, выложив их глиной, сушили на солнце или над огнем. Таким образом тыквенная посуда была заменена дешевой глиняной. Это открытие женщины сделали уже в периоде оседлости. Жена кочующего охотника не могла заменить тыквенную посуду тяжелой и легко бьющейся глиняной. Тем более не мог изобрести ее и сам охотник.

И тыквенная посуда и глиняные горшки служили для еды и питья. Мясные супы неизвестны индейцам. Мужчины едят только жареное мясо. С каких пор? Желая спугнуть зверей, охотник поджигал лес и затем находил изжарившихся в огне мелких животных и плоды, ставшие съедобными. Женщины первые стали подсушивать плоды и орехи, заметив, что они от этого делаются вкуснее. Но жарить их на сплетенных из вьющихся растений противнях, на которых мужчины жарили мясо и рыбу, оказалось неудобным: мелкие плоды проваливались в огонь сквозь редкую сетку, и ее пришлось обмазывать глиной. Отсюда — один шаг до выделки глиняных сковородок и мисок.

Если мы предположим, что употребление маниоки было изобретено каким-нибудь одним племенем, то, по всей вероятности, это было сделано племенем группы ну-аруак. Затем они передали свои знания племенам Шингу, так как приготовление блинов из маниоковой муки без глиняных горшков и сковородок немыслимо.

Аруаки северных областей, как и карайбы в Гвиане, — искусные гончары и мельники. Когда на севере Амазонки и на Малых Антильских островах карайбы покорили племена аруаков, то перебили половину населения, главным образом мужчин, но пощадили женщин, занимавшихся земледелием, гончарным ремеслом и изготовлением муки.

Пришедшая на смену охотничьего быта более высокая культура индейцев Шингу возникла благодаря разделению труда и благодаря ему в период войн и возникновения новых племенных общин перешла в руки новых поколений. В то время как мужчина усовершенствовал технику выделки оружия и нужных для охоты приспособлений, женщина, отыскивая, принося, приготовляя в пищу плоды и съедобные корни, самостоятельно развивала отданную в ее руки хозяйственную отрасль. В данный период оседлой жизни индейцев заслуги мужчины равноценны заслугам женщины.

Путь от охотника до земледельца становится нам ясен Понятно, что малоразвитые племена Шингу не могли обжигать глину, пока не научились этому от женщин из племен ну-аруак и нахуква. Бакаири до сих пор не в состоянии вылепить ни одного глиняного горшка.

Резюмирую. Примитивное земледелие здесь превосходно уживается с навыками охотничьей эпохи. Индейцы главным образом — рыболовы. В те месяцы, когда при половодьи рыба поднимается вверх по течению и расходится по каналам и лагунам, улов ее бывает очень значителен. При обмелении рек рыбу ловят, загоняя ее в искусственно-запруженные речные рукава. Охота и рыбная ловля доставляют индейцам необходимый материал для орудий. Домашних животных здесь никто не разводит. Собака туземцам не известна. Они любят ловить дятлов, цапель и других пестро оперенных птиц. Часто попугаев, вырвав у них перья, пускают гулять по деревне или для увеселения ее обитателей крупного орла либо какую-нибудь другую хищную птицу сажают в огромную клетку.

Другие животные их не интересуют. Тогда как они выращивают полезные растения, никто не думает разводить

домашних животных. Мысль, что им придется есть животных, ими самими выращенных, внушает туземцам отвращение. Когда женщины выучились сажать полезные растения, изготовлять посуду и вырабатывать муку, временная оседлость индейцев могла бы превратиться в постоянную. Хотя земледелие достигло здесь замечательного совершенства, по некоторым его чертам мы можем проследить его первичные стадии.

Сначала сажали произрастающие по соседству полезные растения, — каждое племя по своему собственному разумению и способу,—затем распространяли этот способ при посредстве женщин, и в мирное и в военное время переходивших из одного племени в другое.

Что бакаири-караибы некогда были таким путем подвинуты с своем развитии женщинами ну-аруак, явствует из их племенных сказаний, в которых фигурируют два героя, братья-близнецы Кери и Каме. Эти имена на языке ну-аруак обозначают луну и солнце. Каме — вождь ну-аруаков. Кери — вождь бакаири. Все, что Кери и Каме предпринимают для блага своих племен, делается согласно советам заменяющей им мать тетки Эваки. Если в предании рисуется женщина, дающая мудрые советы и указывающая правильные пути, то надо думать, что женщина вообще перестала считаться низшим существом, чем-то вроде вьючного животного.

VI. КУЛЬТУРА ШИНГУ

(Продолжение)

ОГОНЬ. — ЛУК И СТРЕЛЫ. — ЛОДКИ. — РЫБОЛОВСТВО. — ПЛЕТЕНИЕ. — НАЧАЛО ТКАЧЕСТВА. — РИСУНОК. — ОРНАМЕНТЫ. — МАСКИ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ. — ПРАЗДНЕСТВА. — ТАНЕЦ. — МУЗЫКА

Растительность диких лесов Матту-Гроссу состоит из низкорослых кривых деревьев и высокой сухой травы, легко воспламеняющихся во время частых гроз. Когда нам самим приходилось поджигать лес, пожар не потухал в течение нескольких дней и распространялся на большие пространства. Обычно во время пожаров крупные хищники ищут себе добычу и охотятся на мелких, застигнутых огнем, грызунов. Над темными тучами дыма парят бесчисленные сокола, четвероногое зверье со всех сторон спешит на пожарище, чтобы полакомиться пеплом, имеющим приятный солоноватый вкус.

Охота на зверей при помощи огня практикуется многими примитивными народами. Бакаири она очень хорошо известна. Лесные пожары выгоняют из чащи зверей, делают съедобными побывавшие в огне сырые плоды и туши животных, дают соленый пепел и нагревают землю. Первобытный человек, еще не умея высекать огонь, на лесных пожарах научился жарить мясо и тем предохранять его от порчи.

Напрасно думают, что первобытный человек испытывал перед бушующей огненной стихией страх, свойственный культурным людям. У первобытного человека он совершенно отсутствует, как и религиозное чувство, основанное на чувстве собственной беспомощности, внушаемом европейцу величием девственного леса. Дикарь чувствует себя в лесу, как дома. Он боится только грозы и молнии. От лесных пожаров он предохраняется встречным огнем — поджигает вокруг себя траву и кусты.

Вероятнее всего, что первобытный человек прежде всего старался поддержать огонь, а вовсе не избавиться от него. Добывать огонь научила его сама природа. Человек заметил, что во время сильной бури и ветра сучья и ветви деревьев, ударяясь друг о друга, легко воспламенялись. Не анализируя этого явления, он стал ему подражать — тереть дерево о дерево. Лишь впоследствии он понял значение огня и, действуя целесообразно и по определенному методу, научился пользоваться огнем. Вначале человек смотрел на огонь как на дикого своевольного зверя, укрощенного им и приученного служить ему как верное домашнее животное.

Добывание огня, как и другие навыки, у разных племен различны. В Америке и других частях света добывают огонь сверлением, в Полинезии — трением.

Берут две палки толщиной в мизинец, в три четверти метра длиной, покрытых сухой корой, в одной из них раковиной выдалбливают небольшую ямку; эту палку кладут на землю, крепко придерживают ногой и, всунув в ямку конец второй палки, начинают сверлить, быстро и ловко крутя палку между ладонями. От сверления ямка увеличивается, от нее отделяется тонкая древесная пыль, дерево начинает дымиться и тлеть, и поднесенные к нему стружки легко воспламеняются. Вся процедура продолжается меньше минуты. Для добывания огня употребляются несколько сортов кустарников и деревьев, имеющих рыхлую и нетвердую древесину; на охоте для этой цели зачастую служат стрелы. Иногда индейцы берут с собой в дорогу горящие или тлеющие поленья и головни. Огнивом служат светло-коричневая кора молодых пальм, сухая трава и древесные опилки.

Как дошли индейцы до сверления?

Должно быть, вначале они обрабатывали дерево острыми рыбьими зубами или костями животных. Затем было замечено, что при сверлении дерево реже трескалось, дело шло быстрее и можно было работать обеими руками. Раковины, кости, камни, черепаховые панцыри индейцы сверлили прикрепленными к концу палки зубьями или кусочками твердого камня. За этим делом мне приходилось их видеть, но каким образом дошли они до сверления деревом дерева в целях добывания огня?

Индеец уже был знаком с огнем, умел искусно его поддерживать, но не добывать. Первой заботой его, конечно, было переносить огонь с места на место. Я по опыту знаю, как иногда это бывает трудно. В дождливый период по утрам мы с огромным трудом разжигали едва дымившиеся, обуглившиеся головни костра, почти насквозь промоченные ливнем. Моим проводникам приходилось вырезать из самой середины поленьев тонкие стружки и терпеливо разжигать их на слабом огне. Северо-американские туземцы возят с собой дымящиеся головни и переносят их из лагеря в лагерь. Когда мне случилось взять в лодку кусок гнилого дерева, он продолжал тлеть в течение целых двух дней.

Прежде всего индеец научился поддерживать огонь при помощи сухой травы, щепок, листьев, отыскивать это легко воспламеняющееся топливо, охранять от сырости в дождливое время года и запасать его. Этот горючий материал строгался и раскалывался орудиями из кости, раковин или камня. Когда было замечено, что древесные опилки особенно легко воспламеняются, их стали собирать и насыпать в середину полых камышевых стеблей.

Кто же первый открыл способ добывания огня? Должно быть, какой-нибудь следопыт, промокший в лесной чаще: огонь, захваченный им из дому, стал потухать, под руками у него не было ни раковины ни топора. Он отыскал два сухих куска дерева, начал сверлить одним куском другой или, если он был полинезийцем, тереть один о другой. Должно быть, его чрезвычайно обрадовало открытие, что дерево стало дымиться и, наконец, затлело.

Таким образом, дерево не только давало горючий материал, но и непосредственно рождало огонь. Для первобытного человека это было важнейшим открытием. Очень может быть, заметив, что при трении дерева происходит его нагревание, он понял, что усиленное трение даст высшую степень нагревания—огонь

Лук и стрелы—единственное оружие индейцев Шингу; так называемых духовых ружей и отравленных стрел они не употребляют. Только колдуны тайно заговаривают стрелы, бросают их вдогонку своим врагам и верят, что последние погибнут от их колдовства. Индейский лук и стрелы отличаются своей величиной и тщательностью обработки. Длина лука—свыше двух с третью метра, длина стрел—от полутора до двух метров. Изготовление стрел представляет собой целое искусство. Встреченные нами впервые индейцы с любопытством рассматривали имевшиеся у нас чужие стрелы и удивлялись не столько нашим одеждам, сколько тому, что при нас не было своих луков и стрел. Индейские стрелы попадают в цель на небольшом расстоянии. Если стреляют издалека, то высоко поднимают лук.

Очень живописное зрелище представляет собой нагой стрелок, во весь рост стоящий в низкой лодке и с натянутым луком в руках зорко высматривающий в воде рыбу или выдру. Охота на них требует долгих упражнений. Сидящий на корме гребец должен соблюдать полную тишину и грести неслышно. В случае промаха стрелы вылавливаются из воды. Европейский способ ужения рыбы показался индейцам настоящим откровением, хотя они умеют приманивать рыбу: например, бросают в воду ярко-красную ягоду и в тот момент, когда высовывается готовая ее проглотить рыба, спускают стрелу. Индейцы упражняются в стрельбе, устанавливая особую цель из цилиндрических брусьев пробкового дерева.

Метательные копья, редко употребляемое оружие, встреченные нами только у камайюра, ауэто и труман, служат не для охоты, а для военных целей и фигурируют во время плясок. Палицы употребляются только у суйя и труман.

Лодки обычно изготовляются из коры пальмы и достигают 8 метров длины. Ширина средней части лодки у бортов—64 сантиметра, глубина—24 сантиметра, ширина кормы—63 сантиметра, толщина коры—от 11 до 21 миллиметра. Весла немного длиннее метра. Они состоят из нижней широкой части (60 сантиметров длины, 20 сантиметров ширины)

и тонкой рукоятки с круглым набалдачником на конце. Держась за рукоятку обеими руками, индеец гребет частыми, резкими движениями, перебрасывая с одной стороны на другую быстро мелькающее в воздухе весло. Гребец, сидящий на корме лодки, направляет ее ход, другой стоит на носу и стреляет рыб. На дне лодки лежит узкое бревно, на котором сидят гребцы. Здесь же лежит корзина для припасов, прикрытая от дождя листьями. Если в лодке образуются трещины, их замазывают глиной или смолой. Бакаири—очень ловкие лоцманы и бесстрашно переплывают через стремнины и водопады.

Охота на рыб при помощи луков и стрел приносит небогатую добычу. Ловят рыбу и особыми плетеными корзинами. В устьях рек и лагунах, на мелководьи, у порогов, где русло каменисто, устраивают особые запруды из прутьев или жердей. Рыбу гонят вниз по течению, она заходит в запруду через верхнее узкое отверстие и на противоположном конце попадает в сети. В темные ночи ловят рыбу между камнями при свете факелов.

Маленькие ручные сети для ловли рыбы плетутся из очень прочных, сученых пальмовых волокон. Обыкновенно индейцы отправляются на рыбную ловлю на несколько дней и возвращаются домой, вволю наевшись, а иногда и с большим запасом жареной рыбы.

Материал для плетения корзин дают различные сорта пальм, лианы и бамбуковый тростник. Плетеньем занимаются мужчины, прибегая к помощи обеих рук и ног. Корзины бывают различного сорта и вида и служат для различных целей. Большие, корытообразные, разукрашенные по бокам кисточками корзины мехинаку и ауэто служат для хранения тыквенных бутылей. Все племена употребляют трехугольную походную корзину, которую носят за спиной на ремнях, надевающихся на голову. Внутри и сверху корзины обкладываются листьями и туго затягиваются ремнями. Некоторые племена плетут корзины очень неряшливо. Корзины бакаири носят следы кропотливой работы. Маленькие плетеные веера, служащие для раздувания огня, довольно изящны.

Индейцы спят в гамаках и потому не выделывают больших циновок. Для приготовления муки употребляются сушилки, сплетенные из пальмовых листьев, решота и сита, сплетенные из камышевых стеблей, служащие для просеивания, и деревянные терки, усаженные пальмовыми колючками, которыми размельчаются маниоковые корни.

Материалом для тканья служат волокна различных растений. Волокна соединяются в тонкие пучки, которые сучат на коленях. Из хлопка при помощи быстро вращающегося веретена прядут нити. Прядут и ткут только женщины. Из растительных волокон делают нитки, веревки, рыболовные сети, сетки для ношения провизии, иногда гамаки и даже тетиву для луков. Женщины вяжут бамбуковыми или длинными деревянными спицами.

Веретено представляет собой круг, в который вставлена тонкая, негладко обструганная, иногда на конце зазубренная палочка. К веретену прикрепляется очищенный от косточек комок хлопка, веретено быстро крутят на коленке; благодаря равномерно-вращательному движению хлопок скручивается в нить и наматывается на палочку, пока не образуется толстый клубок, которому мешает размотаться кольцо на конце палочки. Кольца бывают черепаховые и глиняные.

Нитки выделывают различной толщины; их наматывают в клубок и завертывают в свежие листья. Бакаири и мехинаку очень любят подносить в подарок такие мотки; по свидетельству Колумба, 12 октября 1492 года он получил от своих островитян точно такие же мотки ниток.

Тканье мало чем отличается от плетенья. „Ткацкий станок" весьма примитивен. Он состоит из двух палок, не достигающих и полуметра вышины; на них наматывают толстый моток хлопчатобумажных ниток и длинными иглами протягивают поперечные нити.

Гамаки бакаири представляют собой редкие прямоугольные сетки ($2^1/_2 \times 1^1/_4$ метра). Плетут их из хлопчатобумажных ниток и пальмовых волокон. Своеобразные детские гамаки из травяных корней плетут нахуква: они представляют собой затянутые сверху и снизу круглые мешковидные сетки

Тыквенная посуда очень разнообразна. Сосуды бывают шарообразны и продолговаты, иногда имеют форму бутылей или огурцов. Для того чтобы придать зреющим тыквам желаемую форму, их туго обвязывают веревками. Режут тыквы раковинами. Если тыквенный сосуд трескается, его сшивают нитками, иглой служит острый рыбий зуб. Этим же зубом разрисовывают наружную сторону сосудов или выжигают их зажженными деревянными палочками. Кубки и мелкие чаши, заменяющие ложки, вычерниваются внутри сажей и лакируются клейким древесным соком. Масло, которым индейцы растирают тело, сохраняют в маленьких шарообразных сосудах, снабженных пробками. В высоких тыквенных вазах держат перья для головных украшений.

Корзина для ношения за спиной

Простейший рисунок, какой мы находили у индейцев, непосредственно связан с языком жестов. Обращаясь к слуху собеседника, индеец искусно подражает характерным крикам животных; наглядно для зрения передает он движения и походку животных; беседуя, он для ясности обрисовывает в воздухе пальцем уши, морду, рога описываемых животных, дотрагиваясь в то же время до соответствующих частей собственного тела. Язык жестов и телодвижений подобен звукоподражанию.

Если индеец считает все эти показательные приемы недостаточными, то чертит изображения того, о чем хочет рассказать, на песке или на земле. Когда мне приходилось записывать туземные слова и для этой цели расспрашивать индейцев, то очень часто, без всякого побуждения с моей стороны, они принимались чертить на песке. Это обыкно-

венно случалось тогда, когда мы говорили о змеях, аллигаторах, рыбах, т. е. о животных, не издающих никаких звуков.

После того как индеец научился изображать занимавшие его предметы, он почувствовал радостное стремление создавать во всех отраслях искусства копии, похожие на виденные в природе оригиналы.

Мало-по-малу, отходя от конкретных изображений, навыки искусства и служивший ему материал менялись и искусство стилизовалось. В живописи мы встречаем произведения в виде геометрических орнаментов. Даже такие простые фигуры, как треугольники и четырехугольники, которые, казалось бы, легко мог изобрести самый примитивный художник, возникли путем стилизации рисунка изображаемых предметов и вытеснили более сложные изображения.

Темы индейского искусства взяты исключительно из животного мира, ибо все помыслы индейца заняты главным образом охотой.

Рисунки на песке, как и слова, являются способом передачи мысли. Чаще всего эти рисунки представляют собой географические карты; поперечными полосами обозначаются племена, речные пороги; кругами—дома; цепью кругов—деревни. Все это индейцы рисовали карандашом и в моей тетради.

Бороро рисовали на песке не только пояснительные, но почти художественные изображения, каких мы не встречаем у племен Шингу. По вечерам, при лунном свете, они любили рисовать на песке целые сцены охоты на диких зверей. Я сознательно употребляю слово „сцены", так как, несмотря на свой дилетантизм, они не отступали перед сложными композициями. Они не довольствовались начертанием контуров, например, ягуара или тапира: они соскабливали песок внутри этих контуров и наполняли углубления серовато-белым, блестевшим в темноте пеплом. Глаза животных и пятна на шкурах наносились темным песком. Так как фигуры были в натуральную величину, то при ночном освещении они

производили сильное впечатление: казалось, что на земле лежат гигантские, блестящие и пятнистые шкуры.

Уже в 1884 году я заставлял индейцев племени суйя рисовать карандашом. Они делали это очень охотно и ловко, причем, привыкнув употреблять для рисования обмоченные в смолу палочки, подносили кончик карандаша к огню. Рисовали они ромбовидные узоры, похожие на те, что украшали их тыквенную посуду.

На этот раз я заставил нарисовать целый ряд известных нам лиц и предметов. Передаю эти рисунки с исчерпывающей точностью. Здесь вы найдете портреты, нарисованные с меня и других членов экспедиции. Рисунки на бумаге, как и рисунки на песке, бороро тоже посыпают пеплом и затушевывают черным. Это показывает, что художник ставит себе известные задачи, несмотря на то, что воображение его довольно скудно.

Рисунки индейцев сильно напоминают детские. Вместо того, чтобы художественно передать человеческий облик, дети своими рисунками о п и с ы в а ю т человека, как они описали бы его словами. Первые детские наброски изображают некое существо с ногами и головой. Они знают, что человек имеет две ноги, и рисуют их даже в том случае, когда изображают человека в профиль, сидящим верхом на лошади или в лодке. С окружающей средой и пропорциями они не считаются. Руки приделывают к голове, шее или даже к талии. Зато никогда не забывают снабдить нарисованное изображение необходимыми атрибутами, как-то: головным убором, ружьем, трубкой, палкой. Точно так же о п и с ы в а ю т в своих рисунках человека и индейцы.

Рисунки на коре деревьев встречаются очень редко. Вырезанные, вернее, выскобленные на деревьях изображения человеческих фигур мы видели только в деревне нахуква. В 1887 году я видел только мужские фигуры, в 1884 году попадались и женские.

Пластическое искусство и керамика значительно опередили изобразительное искусство. Здесь материал имеет большее значение, чем при рисовании, сводящемся к нацарапы-

ванию контуров; подражая формам человеческого тела или тела животных, довольствуются воспроизведением самого незначительного числа характерных признаков модели. Здесь достаточно малейшего сходства для того, чтобы выдать объект за известное существо или предмет.

На более высоких ступенях развития туземец украшает предметы домашнего обихода любыми пришедшими ему в голову мотивами, которые затем, как и рисунки, подвергаются геометрической стилизации.

Главным продуктом резного искусства являются маленькие скамейки для сидения. Простейшие из них состоят из прямоугольной, горизонтальной, слегка выпуклой доски и двух подпирающих ее вертикальных дощечек с удлиненными спереди и сзади концами. Вся скамейка выработана из одного куска дерева. В поперечном разрезе в ней 42 сантиметра длины, 19—ширины, 14—вышины. Встречаются и совсем крошечные скамейки в 21 × 10 × 7 сантиметров; чтобы усидеть на них, требуется большое искусство.

*

Употребление масок, распространенное среди всех народов земного шара и играющее важную роль у индейцев Северной Америки, до сего времени в Южной играло роль незначительную. Все племена устраивают танцовальные празднества, во время которых подражают голосам и движениям животных, украшают себя перьями и шкурами и разыгрывают целые пантомимы. Мимическое искусство, проявляющееся в разнообразных характерных формах, знакомо не только индейцам Шингу, но и вообще всем охотничьим племенам.

В 1884 году в одной области мы видели диковинные головные уборы, но всего только две деревянные маски, а в 1887 году оттуда же вывезли большую коллекцию личных масок, находящихся в настоящее время в Берлинском музее народоведения рядом с масками, вывезенными с верхнего течения Амазонки. Не только каждое племя, но и каждая деревня имеют свои маскарадные танцы. Обычно они происходят в специальных танцовальных домах. Все бразильские танцы похожи друг на друга и представляют собой беганье в кружок и топотанье на одном месте под аккомпанемент резко скандируемого отрывистого пения.

Характерно, что у бакаири танцы и пение обозначаются одним и тем же словом. Тема песен несложна: это—восхваление войны и охотничьих подвигов главарей или целых отрядов, перечисление известных животных и их особенностей. Танцующие подражают тем зверям, маски которых на них надеты. Ничто не заставляет нас предполагать, что маски считаются священными. Зачастую сплетенные из соломы маски после употребления небрежно отбрасывались в сторону, но, правда, от нас, европейцев, прятались, как и другая домашняя утварь и украшения: очевидно, из боязни похищения. Когда же индейцы прониклись к нам доверием, то не только охотно стали отдавать нам маски, но и изготовляли их по заказу и со смехом и шутками демонстрировали нам.

У окультурившихся бакаири, живущих на реке Параната-тинге, главный праздник происходит в апреле месяце, по окончании жатвы. Я вообразил, что он устраивается в честь какого-нибудь доброго божества, покровительствующего земледелию. На мои пытливые вопросы Антонио ответил:

— Надо же когда-нибудь попировать! В сухое время года следует быть бережливым, в дождливое все продукты легко плеснеют, и потому приходится приурочивать праздник к окончанию жатвы.

Объяснение материалистическое и вполне понятное.

Существует обычай приглашать на праздник не только ближайших деревенских соседей, но и дружественные племена. Они заучивают чужие песни, заимствуют друг у друга костюмы, подражают чужим пляскам; благодаря этому выработался и наиболее распространенный общий тип масок.

Женщинам строго воспрещается принимать участие в праздничных танцах и посещать танцовальные дома мужчин, где принимают и угощают гостей. Когда мы посетили вторую бакаирскую деревню, пищу и питье в танцовальный

домик нам подавал замаскированный индеец. Оказалось, что съестные припасы были принесены женщинами из первой деревни, не имевшими права и не смевшими нам показаться. По обычаю, индейская женщина не должна общаться с чужеземцами. Обособленность женщин объясняется тем, что они постоянно заняты какой-нибудь домашней работой: они или пекут и жарят лепешки, или приготовляют напитки. Пляски возникли из охотничьих празднеств, всегда были чисто мужским развлечением и, естественно, исключали присутствие женщин. Но от бакаири я узнал, что на праздники женщины все же допускаются и что, кроме того, они танцуют отдельно от мужчин. Никакого отношения к каким-нибудь ритуальным действиям при участии колдунов обособление женщин не имеет. Входные отверстия в танцовальных домиках так малы, что в них приходится входить согнувшись пополам или вползать на четвереньках.

У всех племен принято на время пляски закрывать тело наполовину или целиком плащами из соломы или пальмовых листьев. Танцоры отличаются друг от друга только головными уборами, изображающими различных животных.

Камайюра перечислили нам семь разнородных танцев и мимически изобразили некоторые из них: 1) танец деревянного копья, 2) танец масок, 3) танец в соломенной одежде с украшением из перьев, 4) танец с маленькими дубинами, 5) танец с зелеными ветвями в руках, с диадемой из перьев, с сеткой на голове и в соломенной одежде, 6) танец во время праздника, когда пятилетним мальчикам протыкают мочки ушей, 7) танец в честь девочек, надевающих впервые женский пояс улури.

Танцы начинаются с раннего утра и продолжаются до захода солнца. Слышали мы и сопровождающее танцы пение, показавшееся нам очень однообразным.

Индейскую музыку характеризуют резкая ритмичность и полное отсутствие гармонии. Впрочем, я не уверен, что индейцы не музыкальнее меня. Музыка, которую мне приходилось слышать, была насквозь проникнута тактом и ритмом. Поэтому даже и индейские трещотки я отношу к музыкальным инструментам.

Существуют у них и ножные трещотки, представляющие собой связки сушеных фруктовых корок или косточек, которые танцоры надвязывают к щиколоткам. Для этой же цели служат бряцающие при каждом движении нитки раковин и связки ореховых скорлуп, навешанные на шею.

В третьей бакаирской деревне лежащее на земле полое дерево заменяло барабан, а флейту — шестисантиметровый пальмовый орех, в котором были проделаны две дырочки.

Маска бакаири

Рядом с масками в танцовальном доме мехинаку висела трещотка, длиной в шестьдесят сантиметров, имевшая форму кинжального клинка, выкрашенная в черный и красный цвета. Раскачивая на веревке эту тонкую и узкую пластинку, ею производят гудящий звук, вырастающий в страшно сильный свист и вой, производящий жуткое впечатление. С большим воодушевлением показывая нам способ употребления своего любимого инструмента, нахуква не удалили находившихся здесь женщин: трещотка, которая в культурных странах считается детской игрушкой, у многих народов

имела и имеет отношение к религиозным обрядам. Этот инструмент мы встретили у бороро, где ему придают таинственное значение.

Головные украшения индейцы делают из птичьих перьев. Обыкновенно крупные перья попугаев возвышаются посередине. Из перьев цаплей и аистов при помощи хлопчатобумажных сеток плетут венки и чепчики. Сетка надевается на голову, и перья стоят на ней дыбом. Бакаири носят в ушах большей частью желтые перья, прикрепленные к камышовым черенкам.

Плащи из перьев носят только камайюра. Эти плащи, похожие скорее на длинные, висящие за спиной сетки, завязываются на шее веревкой и делаются из перьев аистов, попугаев, коршунов и ястребов. У камайюра встречаются и пряди человеческих волос, вплетенные в головную сетку, употребляемую во время военных плясок. Надеваются также и небольшие куски звериных шкур до четверти метра длиной.

Все украшения из перьев надеваются только в торжественных случаях, когда практикуется и окрашивание тела.

VII. ОБЫЧАИ И ПРАВО

ГЛАВЕНСТВО. — ЧЕРТЫ МАТРИАРХАТА. — ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА. — ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ. — ТОРГОВЫЙ ОБМЕН. — РОДЫ. — ОБЫЧАЙ КУВАДЫ. — ПОХОРОНЫ

Области, занятые различными племенами, отделяются одна от другой естественными границами.

— Этот ручей принадлежит соседнему племени, — часто слышали мы от туземцев.

Один берег Кулизеху принадлежит нахуква, другой — мехинаку, но стрелять в реке рыбу имеет право каждый.

Плантации составляют коллективную собственность. В домах у каждого имеется своя движимость. Наследство переходит к детям, сыновьям и дочерям.

Власть главаря невелика. Во всех крупных деревнях имеется по нескольку главарей, живущих в разных домах, но представительствует только один из них. Представительство — важнейшая обязанность мирного времени. Главарь руководит работами на плантациях, заботится о снабжении мукой, о выпечке лепешек и приготовлении напитков во время празднеств и приема гостей. Он представляет собой нечто вроде патриархального главы большой семьи. Однако, если он не желает лишиться популярности среди своих людей и соседей, то не должен быть чересчур экономным. Главарь первой бакаирской деревни был к у р а п а — плохой, скупой главарь: он приказал спечь для гостей чересчур мало лепешек. Скупость здесь считается самым большим пороком. Если община недовольна своим главарем, то расстается с ним и попросту переходит на другое место. Власть не всегда оказывается в руках достойного, так как передается по наследству, от отца к сыну, а если такого нет, то к сыновьям сестры. В Маигери, первой бакаирской

деревне, главарь умер, оставив единственную дочь — мою „нареченную". Временно стал главарем брат вдовы Тумайяуа, который должен был уступить место мужу своей племянницы, как только она вышла бы замуж. Пока же к ней отходили все подарки, получаемые от нас ее односельчанами, и ей же принадлежала „скамейка главарей" (нечто вроде маленького трона).

В этих фактах ясно проступают черты матриархата. Сыновья причисляются к племени матери. Антонио заявил мне, что если бакаири женится на женщине паресси, то дети его будут считаться принадлежащими к племени паресси, но, конечно, если женщина была похищена,—только теоретически. Если супруги живут в единобрачии и отец является главой семьи, брат матери считается таким же защитником детей, как и отец, а в случае смерти последнего исполняет его обязанности и до тех пор, пока дети не подрастут, распоряжается их имуществом.

Старшие и младшие братья называются различно. Младший брат приравнивается к двоюродному. Бакаири называли меня старшим братом, в третьей деревне — даже дедом, мехинаку — дядей (отцом матери), а моих спутников— младшими или двоюродными братьями.

Заключение браков не принято сопровождать свадебными торжествами: родители — сначала отцы, затем матери— обсуждают предполагаемый брак, отец невесты получает в подарок стрелы и каменные топоры; жених, чтобы показать свои способности, должен поработать в поле вместе с родными невесты, после чего получает право повесить свой гамак над гамаком невесты — и дело сделано, брак заключен. В области реки Паранатинги мы заметили, что у пожилых мужчин были молодые жены, а у молодых мужчин— пожилые. Развод у бакаири происходит без всяких церемоний, даже если он мужу не желателен.

— Женщина ушла прочь. Может быть, вернется снова,— говорят бакаири.

О разделении труда между полами я уже говорил. Женина далеко не находится в подчиненном положении. Правда,

мужчина заставляет ее носить больше тяжестей, чем носит он сам, запрещает ей входить в танцовальные дома, где мужчины обсуждают дела, курят, справляют пиры и принимают гостей; правда, он — ее господин и повелитель, но, несмотря на все, мужчина делает все, что желает женщина.

Когда Марциус, известный путешественник по Бразилии, говорит, что „несмотря на рабское подчинение мужчине, женщина вследствие своей жизнерадостной деловитости не занимает низкого положения", это суждение может быть вполне применено и к нашим индейцам.

Женщина слаба, она теряется при возникновении опасности, нуждается в защите и охране от посторонних посягательств. На обратном пути с поля женщина идет впереди, так как она нагружена тяжелее мужчины и торопится домой; но если дорога идет лесом, женщина идет позади мужчины для того, чтобы он мог первым встретить опасность и отразить возможное нападение. Женщин охраняют от чужестранцев, и когда последние оказываются такими подозрительными, как мы, то женщины и дети убегают в лес.

Какие драмы происходят на почве нарушения супружеской верности, не знаю. У нас не было случая наблюдать судебные процедуры. Когда я просил Антонио рассказать мне о каких-нибудь преступных деяниях его соотечественников, он неизменно отвечал, что преступления, наверное, совершались прежде, но теперь их совсем не бывает.

Нас индейцы обворовывали очень часто, за исключением честных бакаири, хотя наш приятель Луху, посетивший нас в лагере „Независимость", внушал мне некоторые подозрения.

Вором всегда оказывается чужой. Живущие в одной общине мало что могут взять друг у друга и, кроме того, знают, что воровство их будет обнаружено.

У бакаири слово к у р а значит — мы, мы все, наши, а также и хорошие, наши люди. К у р а п а — не мы, не наши, плохие, скупые, больные. Считается, что все беды исходят от чужих, даже болезнь и смерть насылаются колдунами.

Индейцы считают необходимым поддерживать дружественные отношения с соседями в целях ведения с ними

торгового обмена. Каждое племя является обладателем каких-нибудь определенных предметов. Специальностью бакаири считаются ожерелья из прямоугольных кусочков раковин, жемчужин, хлопчатобумажные нитки и гамаки; нахуква выменивают тыквенную посуду, цепочки из красных раковин; мехинаку — горшки и также хлопчатобумажные нити; трумаи и суйя — каменные топоры и табак; трумаи и, может быть, яулапити — цепочки из просверленных камней. Трумаи изготовляют из бамбукового пепла соль, излюбленную всеми племенами.

Переходя от племени к племени, эти предметы обмена проделывают длинный путь от бакаири до суйя. Когда в 1884 году на реке Батови мы поделились с бакаири вещами, полученными от караибов, главарь первой деревни решил воспользоваться удобным случаем завязать торговые сношения и предпринял деловое путешествие в нижнюю область Кулизеху. Это служит примером того, как возникают сношения не только с соседями, но и с более отдаленными племенами.

Несмотря на существование укоренившегося с древних времен торгового обмена, понятие о ценности отсутствует. Пришедший для обмена приносит с собой ту или иную вещь и сдает ее тому, кто его угостит и радушно примет. Обычно в начале сделки получают меньшую часть товара, при прощании большую часть. При расставании с жителями первой бакаирской деревни мы на себе испытали этот обычай: сначала нас усадили и затем вручили нам мешок муки. Окультурившиеся бакаири перевели португальское слово comprar (покупать), yekadile (садиться). Торговля, очевидно, сводится здесь к обмену подарками. Этот обычай основан на сравнительной культурности индейцев, а не на благородстве их характеров. Индеец ни в какой мере не гостеприимен, вовсе не чувствует себя осчастливленным посещением гостя и не считает себя обязанным щедро его угощать. За прием гостя он желает получить отплату и, когда видит, что гость просто хочет поживиться на его счет, раздражается и откровенно просит покинуть его дом или деревню.

Наши спутники угощали нас в дороге рыбой только потому, что сами были сыты, и оставляли на нашу долю далеко не первосортные лепешки. Между ними происходили бесконечные разговоры о том, которые из племен к у р а — хорошие; мы доставляли им большое удовольствие, когда объявляли какое-нибудь племя курапа — плохим, т. е. таким, с которым мы бы не желали иметь сношений. Себя индейцы хвалили так усердно, что поневоле не верилось в их добродетель и бескорыстие.

Наш способ обмена предмета на предмет был здешним племенам совершенно неизвестен, но они быстро его усвоили. Происходили и забавные недоразумения. Один индеец в обмен на горсть мангав нагло стал требовать большой нож. Другой за то, что ему забинтовали руку, хотел получить ожерелье. Только после того как мы объяснили, что у нас самих названные предметы имеются в единственных экземплярах, туземцы перестали докучать нам.

Вскоре после рождения сыну дают имя деда, дяди или одного из предков, но не отца. Иногда бакаири дают детям имена животных. Мужчины сообщают свои имена охотно. Если же опрашиваемый предпочитает умолчать, за него отвечает его приятель. У одного бакаири вовсе не было имени, так как его родители рано умерли. Женщины, вместо того чтобы назвать свое имя, отвечали только: „Я — женщина“; к сожалению, я не догадался спросить о нем третье лицо. Существует и обычай меняться именами. Благодаря этому обычаю индейцы так легко соглашаются креститься по христианскому обряду: они воспринимают его просто как дружественную церемонию, во время которой они теряют свое старое имя и приобретают новое.

Женщины стараются избежать родов и часто прибегают к аборту. Бакаири для этой цели пьют настойку из корней местного растения; вероятно, прибегают и к механическим мерам.

После родов женщины болеют недолго и скоро принимаются за привычную работу, в то время как мужчины исполняют обряд кувады, т. е. заступают место родильницы:

они соблюдают строгую диэту, не касаются орудий и большую часть времени проводят лежа в гамаке. Нам пришлось видеть такую куваду в доме нашего друга, старого Палеко. Здесь было устроено особое помещение, отгороженное пальмовыми листьями. Мне разрешили войти, чтобы одарить новорожденных. Я увидел четыре гамака, на которых лежали две женщины с грудными младенцами и двое мужчин. Сильно пахло какими-то лекарственными травами. Родители пожаловались, что дети были курапа, болезненные и слабые. Отцы и матери, не переставая, старательно дышали и дули им в рот. Мужья выходили на двор только за естественной надобностью и питались исключительно замешанными в воде тонкими маниоковыми лепешками. Всякая другая пища — рыба и мясо—будто бы вредно действовала на ребенка.

Этот удивительный обычай тесно связан с охотничьим бытом: и в трудную минуту родов и в первые дни жизни ребенка муж должен находиться вблизи жены. Лучшим способом заставить его не уходить в лес за добычей было посадить его на диэту. Откуда бы ни произошел этот обычай, ясно, что женщине он на руку и прочно укоренился в индейском быту. В окультурившейся области Паранатинги обычаем кувады стали пренебрегать; женщины этим очень недовольны, так как из-за этого страдают дети. Если бы дело шло об удобстве одних только женщин, мужчины так бы легко не подчинились этому обычаю. Но до сих пор они делают это очень охотно и убежденно. Я думаю, что нет ни одного индейского бразильского племени, которое бы не следовало обычаю кувады. Живущие на островах караибы в первые пять дней, следующих за родами, ничего не едят и не пьют, затем еще четыре дня довольствуются горячим маниоковым напитком и в течение нескольких месяцев воздерживаются от некоторых сортов мяса. Они презирают тех, кто не соблюдает этого обычая, и утверждают, что во время добровольного поста чувствуют себя лучше и физически и нравственно. Не будь этого поста, они заболели бы и их болезни перешли бы к детям.

Заботы о ребенке предоставляются отцу. Мать уже через несколько дней после родов принимается за работу. Из-за недостатка пищи и от безделья отец почти все время лежит в гамаке. Когда начинается кувада и сколько времени она длится? Отец перерезает пуповину новорожденного, няньчит ребенка, соблюдает строгий пост и освобождается от всех обязанностей, как только у ребенка заживет пуповина.

Скамейка с головой ягуара

В одной из португальских библиотек Бразилии мной была найдена очень интересная рукопись иезуита Ф. Кордиле, относящаяся к 1584 году и содержащая много интересных сведений. Мы находим здесь следующее:

„Женщины рожают на полу; поднимает ребенка отец или третье лицо, присутствующее при родах и находящееся в тесной дружбе с родителями ребенка. Отец перерезает пуповину зубами или двумя острыми камнями и с этой минуты обрекает себя на пост, длящийся до восьми дней. Когда у ребенка отпадет пуповина, если новорожденный — мальчик, отец привязывает к его гамаку лук и стрелы и пучок трав; эти травы должны изображать врагов, которых впоследствии должен убить сын. Исполнив этот обряд, родители приготовляют вино и веселятся с друзьями".

Здесь, как и у индейцев Шингу, отец является чем-то вроде врача, который должен соблюдать пост, если хочет успешно вести лечение.

Не только индейцы Шингу, но и другие племена утверждают, что если отец будет есть рыбу, мясо и плоды, то это окажет такое же действие, как если бы их ел сам ребенок.

Считается, что отец и ребенок чувствуют одинаково, и если болен ребенок, то, значит, болен и отец. Нетрудно объяснить, как индеец пришел к такому убеждению. Он ничего не знает об устройстве внутренних женских половых органов. Для него носителем яйца (зародыша) является мужчина, который затем этот зародыш передает женщине, выращивающей его за время своей беременности. Потребность объяснить деторождение отражается в языке: слово tub значит отец, рожь и яйцо. Tupia — яйца, tup-i — название самого племени, а tupi (с присоединенным i) значит маленький отец или маленькие яйца, или дети. Отец — это яйцо, а дитя — это маленький отец. У тупи есть обычай, по которому отец после рождения каждого сына прибавляет к своему имени новое имя, данное сыну. У караибов мы имеем то же самое: imu значит яйцо, отец, ребенок. У ипрукотов imu значит яйцо; у бакаири — мужской детородный орган; у таманако — отец; у макуши imum значит семя. У бакаири ребенок и маленький—синонимы, imeri. Ребенок вождя — pima imeri—мы можем по желанию перевести „ребенок вождя" или „маленький вождь". На самом деле ребенок у индейцев является действительно главарем, маленьким изданием большого главаря. Так же называют и девочку, потому что и она в представлении индейца является „маленьким отцом", а не „маленькой матерью", так как сделана она отцом. На языке бакаири не имеется отдельных слов для обозначения понятий „сын" и „дочь". Pima emeri могут называться и сын и дочь главаря.

Когда рождается „маленький отец" и ему отрезают пуповину, то „большой отец" постится, пока она не заживет и новорожденный не сможет считаться самостоятельным существом. Конечно, отец не соблюдал бы никаких мер предосторожности, если бы ребенок тотчас становился на ноги. Но в первые дни своей жизни он истекает кровью (пуповину ему не перевязывают), он жалок и беспомощен, и ему грозит смертельная опасность.

Ничего нет удивительного, если на мать смотрят как на наседку, как на машину, рождающую детей. Уже во время ее беременности отец несколько раз принимается поститься и, чтобы не повредить ребенку, избегает всякой тяжелой работы. После рождения ребенка отец некоторое время считает себя с ним связанным и, пока жизни „маленького отца" угрожает опасность, должен сидеть на диэте и не есть того, что может повредить его другой половине. Присутствие отца при родах не обязательно.

У островных караибов обычай кувады исполняется только спустя месяц после родов. У племени ипурина роженица в сопровождении нескольких пожилых женщин удаляется в уединенную лесную хижину и возвращается через четыре или пять дней к мужу, который все это время должен поститься и только после этого получает право увидеть своего ребенка. В продолжение целого года мужчина не может есть ни свинины ни мяса тапира. Эренрейх говорит, что „мужчина все-таки не играет роли настоящей родильницы". Конечно, он не лежит без движения в гамаке, т. е. не исполняет самого важного для родильницы врачебного предписания. Тяжелая пища вредна для ребенка; индеец знает это, почему и считает своим долгом сидеть на диэте. Особенно любопытно поведение бороро: женщина рожает в лесу, и отец, хотя никогда и не присутствует при этом, все-таки постится. Аптекарь бразильской военной колонии сообщил нам, что, когда заболевает ребенок, его отец вместо него принимает все прописанные ребенку лекарства.

В то время как отцу предписывается определенный образ действий, поведение матери зависит только от состояния ее здоровья. Если она чувствует себя в силах, то во время кормления грудью, вскоре же после родов, возвращается к своим обычным занятиям и обязанностям. Отец же как бы раздваивается и, соблюдая интересы своего беспомощного и неразумного двойника, представляющего его самого в уменьшенном размере, должен избегать всего, что может

повредить ребенку. Если ребенок вскоре умирает, то отец глубоко уверен, что съел что-нибудь трудно переваримое и сам виноват в смерти ребенка.

Представление, которое мы определяем выражением pars pro toto (часть вместо целого), сказывается в вере в колдунов, хотя я не думаю, чтобы сами колдующие имели ясное представление о „части", при помощи которой они действуют. В куваде действует та же логика, только здесь целое заступает место части.

Все племена Кулизеху хоронят своих мертвецов. Тело кладут лицом на восток. У суйя мертвых хоронят в сидячем положении, украшенную перьями голову обращают к востоку. Могилу роют на деревенской площади. Перед парадной хижиной мехинаку мы видели огромную кучу хвороста; под ней на небольшой глубине находился склеп. Из отверстий в земле выползали толстые жуки, вокруг роились и жужжали мухи. Труп заворачивают в гамак. Если умерший—мужчина, с ним зарывают лук и стрелы. Если женщина — веретено, глиняный горшок и решето. Один камайюра описал нам погребение главаря: вырывают две ямы и соединяют их между собой подземным ходом; все плачут и причитают; зажигаются костры, и каждый из присутствующих мужчин ломает свои копья и стрелы и бросает их в огонь. Близкие родственники несколько дней постятся, затем все украшаются по-праздничному и окрашивают свои тела черной краской. Вдове выбривают голову, остальным— только темя.

VIII. КОЛДОВСТВО И ЗНАХАРИ

ВЕРА В СНЫ. — МАГИЯ: ДЕЙСТВИЕ ЧАСТИ ВМЕСТО ЦЕЛОГО. — ИСКУССТВО КОЛДУНА. — ЗЛЫЕ И ДОБРЫЕ КОЛДУНЫ. — ТАБАЧНЫЙ НАРКОЗ. — ЯДЫ. — ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕБЕ. — ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

На колдовство и знахарство примитивных народов принято смотреть как на явление, нам совершенно чуждое. Но и в жизни культурных людей часто встречается бессознательное колдовство. Видеть сны — уже значит колдовать. Сновидения не прикреплены ни к определенному месту ни ко времени и могут орудовать с любым существом и предметом. Живая игра воображения только количественно, но не качественно отличается от колдовства во сне. Думающий об отсутствующем друге тоже в известной мере колдует. Великий колдун Гете говорил своему другу Эккерману: „В молодые годы, во время моих одиноких прогулок, мною часто овладевало страстное желание увидеть любимую девушку, и я так напряженно о ней думал, что встречал ее на самом деле". Разве это не похоже на настоящее колдовство? Когда мы просим у друга „на счастье руку", то не уподобляемся ли и мы колдунам?

Индейцы, как и многие примитивные племена и как дети и пьяницы у культурных народов, принимают за действительное происшествие приснившийся им сон. В то время как тело, бездействуя, лежит в гамаке, индеец отправляется на охоту, убивает зверей, срубает деревья. Однажды целая деревня бороро собралась бежать в лес только из-за того, что одному из них приснились враги, идущие на них войной.

Бакаири, как и малайцы, верят, что тень, т. е. душа человека, путешествует во время сна. Антонио, которого я изучал в продолжение многих месяцев, был уверен, что

очень опасно внезапно будить спящего. Тень, душа его, витающая в далеких странах, не поспеет вернуться в телесную оболочку, и спящий может превратиться в мертвеца. Головную боль, появляющуюся после чересчур кратковременного сна, они объясняют утомлением души, поторопившейся возвратиться в тело.

Мы не должны удивляться индейцам, если вспомним, что и философы затруднялись установить, является ли жизнь сном или сон жизнью.

Как возникла такая вера у индейцев и каковы ее последствия? Проснувшись, индеец убежден, что все виденное и слышанное им во сне происходило на самом деле. Хотя спящий мирно лежал в гамаке, никому не приходит в голову сомневаться в реальности всего происшедшего во сне. Поэтому и виденным во сне происшествиям, имеющим общественный интерес, индейцы придают большое значение. Тот, кто видел во сне замечательные события, считается наделенным особой силой. Созданные воображением образы принимаются за действительность. Смешиваются ощущения и действия. Если разгоряченная фантазия человека рисует ему во сне невероятные вещи, окружающие приходят в восхищение и слепо верят тому, кто их описывает. Сон преодолевает пространство. Тому, что критически настроенный Гете воспринимает как загадочное явление, примитивный человек верит без ограничений.

Во сне мы мгновенно перелетаем огромные пространства и уничтожаем сильного врага одним прикосновением мизинца. Тою же силой обладает и возбужденное воображение и легко устраняет всякое препятствие на своем пути. Если в моих руках находится какая-нибудь ничтожная частица моего врага, то и сам враг в моей власти, и у меня есть возможность при помощи талисмана уничтожить его на расстоянии. Обыкновенно думают, что колдующий отожествляет часть с целым, pars pro toto, и делает ошибку, предполагая, что вред, причиненный части, переходит на целое. Если дело касается чувства, то часть может возбуждать те же ассоциации, что и все целое. Изображение

предмета и часть последнего производят то же действие, что и сам предмет. Так, например, думают, что ношение на человеке костей и зубов животных сообщает воину силу; пропитывая ядом кусочек кожи врага, воображают, что отравляют и самого врага.

Опыты отдельных лиц создают обычай, который и передается из поколения в поколение.

Многие культурные люди верят и в талисманы и во внушение на расстоянии. Знахарь, бросая отравленную стрелу вслед отсутствующему врагу, думает, что убьет его; влюбленный, целуя изображение любимой женщины, думает, что целует ее самое. Начинающий писатель, добыв себе чернильницу гениального поэта, думает благодаря этому стать гениальным; индеец, надев на шею ожерелье из ягуаровых когтей, думает, что станет сильным, как ягуар. Когда знахарь думает, что он действительно пережил то, что ему снилось или виделось в галлюцинациях, он сам должен считать себя могущественным колдуном и по праву таковым считается другими.

Колдуны разделяются на добрых и злых. По словам Антонио, колдунов „мало у бакаири и ауэто, больше—у нахуква, много—у мехинаку и слишком много у камайюра". Во время нашего пребывания на Паранатинге мы не встретили ни одного знахаря.

Колдуном может сделаться каждый, но это очень трудно. „Надо очень много учиться. Много месяцев подряд надо пить только укрепляющее питье, не есть соли, мяса, рыбы и фруктов; в это время нельзя спать, а надо без остановки, изо всех сил бить себя кулаками по голове, надо много купаться и раздирать себе в кровь руки и грудь" и т. п. Антонио очень хотелось изучить колдовство, но он убоялся этой трудной науки. Другой индеец уже начал проходить курс, но бросил занятия за неимением подходящего учителя.

Главное искусство заправского знахаря заключается в умелом употреблении различных ядов. Ими он умерщвляет других и, для того чтобы перевоплощаться в других существ, одурманивает себя.

У индейцев мы встретили довольно своеобразный взгляд на смерть, тесно связанный с верой в странствие во время сна души—тени. Болезнь и смерть насылаются злыми колдунами из чужих деревень. Добрые колдуны собственной деревни всячески борются со злыми.

Злой колдун — плохой человек, его никто не любит. Он приготовляет и смешивает яды и убивает, вместо того чтобы исцелять. Чтобы повредить врагу, необходимо добыть прядь его волос или несколько капель его крови. Волосы колдун остригает во время сна недруга или достает каким-нибудь другим хитрым способом. Кровь он получает, подбросив под ноги врагу колючую ветку с расчетом, что она оцарапает его до крови. Добытые таким образом волосы и кровь кладутся в сосуд с настоенными ядами и, как только его закупоривают, враг тотчас же заболевает. Если колдун не может достать волос и крови, то смачивает ядом ветку растения или шерстяную нитку, прячет их в щель вражеского дома или очага, либо тайно бросает вслед врагу, или же, наконец, прикрепив к стреле, старается попасть в дерево, растущее вблизи дома врага.

Но добрый колдун очень часто обнаруживает козни злого колдуна, отыскивает заколдованные вредоносные предметы и обезвреживает тем, что опускает их в воду. После этого талисманы теряют свою злую силу, заболевший выздоравливает, и добрый знахарь получает хороший подарок, например, гамак. Если отравленный предмет проникает в тело пациента, то добрый знахарь отыскивает пораненное место, высасывает яд и якобы выплевывает отравленную ветку или шерстяную нитку.

Существует, следовательно, два способа колдовства: околдовывание какой-нибудь части тела и подбрасывание яда к жилищу врага. Практикуется и третий способ, насылающий на врага не болезнь, а неминуемую смерть. В этом случае колдуну необходимо иметь кусок кожи со среднего пальца какого-нибудь покойника и живую ящерицу. Кожу он сушит на огне, затем растирает с ядами, запихивает эту смесь в глотку ящерицы, туго связав ее веревкой, бросает

в горшок с водой и ставит на огонь. Когда закипает вода, враг заболевает и умирает, когда умирает ящерица.

Все болезни вызываются колдовством. По мнению индейцев, люди заболевают только потому, что их враги велят своим знахарям насылать на них порчу. Индеец Шингу боится ссориться со своим парикмахером: ведь он при помощи состриженных волос может наслать на него болезни! Я шутя сказал Антонио, что с моей стороны было бы неосторожно позволить ему стричь меня.

— Нет,—ответил Антонио,—я не злой, я не omeoto (отравитель).

— Значит, все болезни происходят от omeoto?

— Все.

— Видел ли ты когда-нибудь колдуна?

— У бакаири их нет; мы бы прогнали таких злых людей.

— А у камайюра?

— Может быть.

— Видел ли ты piaje (добрых колдунов)?

— Да, видел нескольких на Кулизеху и раньше на Паранатинге. Одного звали Пакурали. Главарь ауэто тоже был колдун.

Характерно, что все дурные колдуны живут в чужих деревнях. Термины omeoto и piaje не строго разграничены. Даже лучшие знахари не свободны от некоторого шарлатанства: ведь не думают же они всерьез, что действительно выплевывают отравленные нитки, будто бы извлеченные из тела больного.

Аскетический способ изучения индейской медицины и практическое ее применение доказывают, что колдовство— не что иное, как возбуждение воображения. Страдая, больной думает, что ему кто-то вредит. В его собственной деревне у него нет врагов, да и вообще нет злых людей. Значит, его враг находится далеко от него. Чтобы его победить, надо настичь невидимого вредителя и стать сильнее его. Знахарь, приведя себя в состояние сильного возбуждения, может сделать то, чего нельзя достичь обыкновенными средствами. Для того чтобы начать лечить больного, зна-

харь должен сам принять сильно возбуждающее средство. Он употребляет одурманивающие яды, например табак, и некоторые сорта ядовитых ползучих растений. Очнувшись от глубокого сна, вызванного приемом наркотика, знахарь рассказывает благоговейным слушателям, что́ он пережил во время сна и где витала его душа. Его считают великим чародеем, он возбуждает восторженное поклонение, получает подарки. Как всякий великий человек, он немного рисуется и, чтобы не разочаровывать „глупый народ", прибегает к маленьким хитростям. У бороро считается знахарем тот, кто, не пьянея, может выпить больше всех пальмового вина. Таков докторский экзамен у всех индейских племен.

Табачный наркоз „доктора"—самый обычный способ лечения пациента. Во время сеанса „доктор" окуривает больного тучами густого табачного дыма, яростно оплевывает его, изо всех сил растирает ему тело, причем не пациент, а „доктор" оглашает деревню дикими стонами и воплями. Эта процедура длится долго, с небольшими передышками, во время которых „доктор" громко причитает и лихорадочно затягивается табачным дымом. Табак доставляет семья больного. Затем „доктор" начинает высасывать мнимую рану больного и в судорожном кашле выплевывает, наконец, ядовитый предмет, послуживший причиной болезни.

Главарь ауэто пил сильные растительные яды, но еще не дошел до того, чтобы пить змеиный яд, как это практиковалось колдунами прежних времен. Считается, что яд чужих колдунов не может повредить добрым знахарям. Остается неясным, от каких же причин заболевают эти последние?

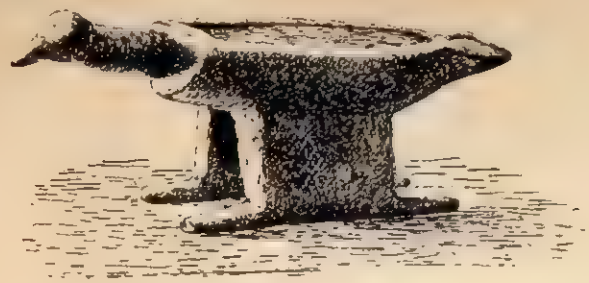
Главарь ауэто однажды принял сильный яд и умер. Он долго без движения лежал в гамаке, пока его тень-душа снова не вернулась к нему. Во время наркоза знахарь может превратиться в любое животное и очутиться в любом месте. Лучшими знахарями считаются те, которые выпивают сильный яд и во время сна превращаются в животных.

Дословно передаю слова Антонио:

— Piaje, которые пьют сильный яд, идут на небо и умеют вылечивать все болезни. Piaje, которые не принимают ядов,

а только курят табак, тоже умеют лечить, но серьезные болезни не вылечивают.

Окультурившиеся бакаири нахватались кое-каких христианских представлений и своеобразно их усвоили. Мне было очень трудно сохранить серьезность, когда перед моими удивленными взорами появились Христос, Мария и ангелы в туземных одеждах и принялись угощаться напитками из тыквенных бутылей.



Скамейка

Когда я пожелал узнать, как бакаири представляют себе небо, то услыхал следующее:

— На небе есть земля, как и у нас. Это говорит piaje, который был на небе. Он выпил яд и умер. После этого он мог превратиться в ягуара, в кобру или коршуна. Он поднялся на небо, возвратился обратно и проснулся человеком, каким был раньше.

Антонио рассказал мне следующий случай из своей жизни.

— Я выпил яд, разведенный водой, и умер, лежа в гамаке. Затем я отправился на небо и встретил там предков и еще одного человека...—Антонио забыл его имя и силился припомнить.—У него еще была мать, которая тоже попала на небо. Как же это его звали?

— Иисус Христос,—подсказал я.

— Да, да, он самый, Кристо.

Он долго беседовал с Антонио. Усадил его на скамеечку и угощал разными напитками. Они очень долго разговаривали. Кристо достал ему крылья попугая, чтобы он мог улететь назад, подул на него, и Антонио очнулся у себя в гамаке.

Я хотел узнать подробнее, как это произошло.

— Тень увидала в небе дыру, через которую попадают на небо, и влетела в нее.

— Значит, твоя душа была на небе?

— Если тело мертво и не движется, то движется тень.

Итак, превращение происходит во сне, вызываемом наркотическими средствами, считается действительным, и повествование о чудесных снах дает основание для веры в искусство знахарей. Им нельзя отказать в единственной заслуге—знакомстве с действием наркотиков, и главным образом с действием табака. Антонио сказал мне, что существуют два сорта табака. Табак, который курят для удовольствия, отличается от лекарственного, более крепкого. Мне случилось видеть лечение при помощи обыкновенного табака; должно быть, существует сильно одурманивающий сорт. Табачный дым все излечивает. Я видел, как им лечили воспаление глаз, ожоги, ревматизм, желудочные и многие другие болезни. Для того, чтобы мы лучше поняли их язык, суйя вдували нам в уши табачный дым и при этом громко выкрикивали различные слова. Очень может случиться, что пациент, окуренный едким табачным дымом, утомленный болезнью и растираниями, оглушенный однообразными причитаниями знахаря, впадает в полуобморочное состояние и переживает такие же превращения, как и сам знахарь.

В следующей главе я опишу, как при помощи вдувания и без посредства табака колдун совершает превращения над другими людьми. Индейцы, изо всех сил дуя и плюя на облака, разгоняют грозовые тучи. Я неоднократно был свидетелем подобных процедур.

IX. ЗНАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЕРТИ. — ЧЕРТЫ ПСИХОЛОГИИ. — ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ.—СОЛНЦЕ, ЛУНА И ЗВЕЗДЫ.—ДУША.—ПРЕВРАЩЕНИЯ. — СОЗДАНИЕ МИРА И ЛЮДЕЙ

Когда я как-то в разговоре сказал Антонио: „Каждый из нас должен умереть", он замолчал и задумался. Это случалось с ним всякий раз, когда я касался чуждых ему абстрактных понятий. Бакаири еще не доросли до того, чтобы из длинного ряда закономерно повторяющихся явлений вывести один общий и для всех неизбежный закон. Они никак не могли усвоить непривычное им слово „должен". Им с детства не прививают, как нам, культурным людям, мысли nemo mortem effugere potest (никто не может избежать смерти). После пятнадцатиминутного размышления Антонио, избежав слова „должен", сделал перевод моих слов: „Я умираю, мы умираем". Но он недовольно качал головой. У него возникали сомнения, которых я никак не мог рассеять: „неужели все люди должны быть убиты?" Не надо забывать, что индеец считает причиной смерти только войны и распри. Он думает, что если бы все люди на свете были добрыми, то не существовало бы ни болезней ни смерти. Он ничего не знает об естественном течении жизненного процесса, результатом которого является старость.

Вторым, не менее существенным различием между мировоззрением индейцев и культурных народов является вопрос о загробной жизни. Индейцы не задумываются над тем, что земные блага разделены неравномерно, что бедняки могли бы получить право на пользование излишками, что в мире нет справедливости, что добродетель должна быть вознаграждена, а зло—отомщено. Все эти этические требования

при наличии простых социальных отношений у индейцев не возникают. Их представление о загробной жизни основано не на вере и надежде, а связано с понятием о материальных удовольствиях в небесной жизни, которая наступает вслед за земной; добрый индеец будет пировать на небе среди своих предков, будет щедро наделен рыбной и мясной пищей и вкусными напитками. Недостойные же, называющиеся злыми духами, kilian oroina, возбуждая всеобщий ужас, будут по ночам блуждать по лесам и не смогут проявлять своих дурных наклонностей.

Убеждение в существовании загробной жизни у индейцев чисто рассудочное. Для него это—положительное знание. По представлениям культурных народов, после смерти душа впервые покидает телесную оболочку. Для индейца отделение души от тела—явление не новое, он наблюдает его ежедневно, когда его „тень" покидает тело на время сна. Обыкновенная смерть — это глубокое беспамятство, происшедшее от отравления ядом, занесенным злым колдуном, и отличается от сна только тем, что „тень" уходит слишком далеко и не возвращается назад. Только сам себя отравивший знахарь может оживать и после смерти. Так как переживания его „тени" во время сна были действительны, то действительны и его переживания после смерти. Смерть—это жизнь в другом месте; так говорит индейцу ежедневный опыт. Этот факт подтверждают и умершие, с которыми во время сна общаются души живых и колдуны, запросто посещающие царство мертвых. To die — to sleep, no more (умереть—уснуть, всего только),—сказал Гамлет.

Тени мертвых бакаири идут на небо к праотцам. Небо для них—страна прошлого, а не будущего. Предки продолжают жить там, где началась жизнь человечества Небо, на котором жили первые бакаири, прежде находилось близко от земли, и на него легко можно было переходить. На небе умерло очень много людей, и тогда остальные переселились на землю, а небо поднялось высоко наверх. На нем остались прежде существовавшие люди, животные и вещи. Бакаири существовали всегда, но вначале их было очень мало.

Хотя мировоззрение индейцев изменялось под влиянием их фантазии и традиций, в нем можно прощупать ядро здоровой и наивной логики. Индейцам незнакомы чувство должного и самое понятие о нем. Всякое явление природы они рассматривают как единичное действие. Законы создаются совокупными действиями живших и живущих людей. До тех пор, пока нет законов, а существуют только привычки, каждая человеческая особь является центром мира, представляющего собой сумму ее личных впечатлений. Объектами размышлений служат не явления природы, а лишь полученные от них впечатления. То же явление мы наблюдаем и в языке индейцев: каждый вид предмета имеет свое название, число же обобщающих понятий весьма ограничено.

Возьмем следующий пример: далеко на лесной дороге мы замечаем предмет, но не в состоянии его определить. Каждый видит то, что ожидал увидеть: камень, серну, кучу поленьев или женщину и т. д. На наших глазах первоначальный образ как бы превращается в другой. Но мы не верим в превращение и заключаем, что первое наше впечатление было ошибочно, и тотчас же подчиняем личное ощущение известным, естественным законам.

Но люди, незнакомые с этими законами, верят только своему первому субъективному впечатлению.

Мне рассказали следующий случай: люди преследовали одного беглого раба-негра. Он спрятался в чаще леса. После бесплодных поисков в лесу нашли только большую черепаху. Преследователь беглого негра взял черепаху с собой на лошадь, но испугался и по дороге упустил ее. Все бывшие при этом были уверены, что негр превратился в черепаху. В этом их убедил тот факт, что, несмотря на тщательные поиски, негра не нашли, а поймали черепаху.

Всякое необычайное или неожиданное явление индеец объясняет колдовством, потому что у него не существует понятия закономерности. Чем необычнее явление, тем охотнее о нем рассказывают и тем непреложнее в него верят. Индейские сказки и предания проникнуты антропоморфиз-

мом. Животные говорят и действуют, как люди. Но индеец снабжает зверей человеческими свойствами не для красного словца. Он верит в эти чудесные истории так же непоколебимо, как убежденный христианин в библейские чудеса. Без сказочных животных индеец не мог бы осознать окружающий мир.

Для того, чтобы понять психологию индейца, мы должны совершенно уничтожить границу между человеком и животным. Любое животное может быть глупее или умнее, сильнее или слабее индейца, может иметь особые привычки, но в глазах индейца всегда останется личностью такой же, как и человек. Животные живут семьями и племенами, говорят на различных наречиях, как и люди. Человек, ягуар, козуля, птица, рыба—все это существа, имеющие лишь различные внешние признаки и качества. Достаточно быть могущественным колдуном, чтобы понимать языки, на которых говорят существа, населяющие лес, воздух и воду. Это воззрение обосновано тем, что у индейцев еще отсутствуют этические представления о человеке. Человек считается дурным или хорошим в зависимости от того, делает ли он другим приятное или неприятное, но абстрактная воля к добру, как к таковому, не руководимая ни желанием награды ни боязнью наказания, у индейцев совершенно отсутствует. Индеец ограничивается поверхностным созерцанием жизненных процессов и в лучшем случае может оставить за собой место как primus inter pares (первый среди равных). Животные не имеют луков со стрелами и ступок для толчения маниоки, что в глазах индейцев и является их главным отличием от человека. Правда, животные имеют при себе естественные полезные орудия—зубы и когти, которые у них старается отнять человек.

Индеец не знает нашего разделения на животные виды. Подобные ошибки замечаем и в наших народных верованиях, где говорится о людях, покрытых мышиной кожей или имеющих собачью ногу и т. п. Индеец считает доказанным существование скрещиваний не только различных звериных пород, но и человека с животным. Если этого не случается

в настоящее время, то только потому, что в этом нет необходимости. Вера в превращение колдунов в животных еще больше стирает границу между видами.

Род или племя представляет собой один индивид, появляющийся под различными именами. Различные подвиды животных, например, все ягуаровые кошки, мелкие и крупные, считаются братьями. Ягуар, лисица, лань, муравьед фигурируют в излюбленных рассказах, и никто не спрашивает об их именах. Не все ли равно, была ли действующим лицом лисица № 5 или лисица № 13? То же самое можно сказать и о человеческих родоначальниках в сказаниях о предках.

Говоря об антропоморфизме, я вовсе не хочу сказать, что индеец думает следующим образом: „Я — человек, но и животные поступают, как люди". Наоборот, он считает, что люди — животные и в дурном и в хорошем смысле этого слова. Бакаири считают трумаи водяными животными, так как они живут на дне реки. И другие племена верят в существование людей, живущих в воде. Бороро утверждают, что, пожевав известное растение, можно часами оставаться под водой и ловить рыб. О „водяной жизни" трумаи я узнал только то, что они ловят людей из других племен и, связав им руки, бросают их в воду. Не знаю, были ли они когда-нибудь речными кочевниками. Земледелию они во всяком случае выучились у соседей. Нам, знающим физические законы, ясно, что трумаи не могут быть ни животными ни рыбами. Но бакаири решили: если трумаи спят в реке, значит, они — водяные животные. Они высмеивают и презирают их, как всякое чужое племя. Бороро сами хвастают, что они — красноперые попугаи. Они верят, что после смерти превращаются в попугаев, что все попугаи — бороро, и поэтому соответствующим образом с ними обращаются. Ничто не мешает им думать, что в сверкающих в ночной темноте глазах лисицы живет настоящий огонь, который она может передать людям, или, как это утверждают народные предания, что ягуар был прародителем племени людоедов и что он пожирал предков племени бакаири. Мой проводник был

глубоко убежден в том, что этот злой прародитель действительно был ягуаром, хоть и не носил имени ягуара, и умел стрелять из лука.

Мы не можем допустить предположения, что в древние времена легенды говорили символами и смешивали названия предметов и людей, ибо в таком случае вся совокупность традиций состояла бы из одних символов. Прежние поколения обладали тем же мировоззрением, что и нынешнее. Люди объясняли канибальские обычаи соседних племен происхождением их от ягуара, отличительное свойство которого — людоедство. Они не знали и не могли знать своих праотцев, и так как они не знали различия между человеком и животным, то решили, что если целое племя пожирает себе подобных, то прародителем этого племени, несомненно, был ягуар, и этим удовлетворили свою потребность в объяснении причины явления. Им не пришло в голову возражение, что сын ягуара может быть только ягуаром и что ягуары не стреляют из лука.

Индеец думает, что животные действуют и разговаривают между собой, как разумные существа. Судя по индейским преданиям, все полезные орудия и все вооружение герои первобытных времен заимствовали от животных, которых почтительно называли господами и владетелями. Так, господином лечебного сорта табака и хлопка считается медведь, господином простого курительного табака — электрический угорь, господином маниоки — рыба, господином сна и изобретателем гамака — ящерица, господином солнца — коршун, господином наполненных водой глиняных горшков — водяная змея. Когда горшки разбились, от них произошли две реки — Ронуро и Паранатинга. Культурные европейцы пытаются рассматривать эти предания как символы. Но я не могу без смеха представить себе индейских охотников и рыбаков, пользующихся символами, как заправские поэты и художники. Нет, Антонио и его единомышленники не только не могут выдумать символ, но даже не в состоянии его понять.

Индеец получал и до сих пор получает важнейшие предметы своего обихода от животных. Без их клювов, костей, раковин индеец не мог бы изготовить ни домашней утвари ни оружия, не мог бы построить себе жилища. Всем, что он имеет, индеец обязан рыбам, обезьянам, броненосцам, моллюскам, но как раз обо всех этих животных предание умалчивает, так как каждый ребенок знает, что охота на них и сейчас доставляет индейцам необходимые предметы. Естественно, что ящерицу, проводящую в спячке несколько месяцев, он считает подательницей сна, а лисицу — подательницей огня. Он верит, что солнце находится во владении повелителя воздуха, коршуна, а вода принадлежит большой речной змее. Вместе со сном ящерица подарила людям и гамак, в котором они могли бы спать; теперь у нее нет гамака, и она очень на это сердится. В настоящее время либо хитростью либо силой люди похитили у животных их достижения. Таким объяснением индеец вполне удовлетворяется, так как все еще стоит на той точке зрения, что звери и люди различного вида и строения—равноценные личности.

Возбудителями многих болезней современная медицина считает бациллы. Тысячи людей, никогда не видевшие ни одного микроорганизма и не имеющие понятия об их действии на человеческий организм, несмотря на это, причину всех без исключения болезней видят в бактериях. Так и индеец смешивает полезных животных с теми сказочными, о которых говорится в легендах и которым он приписывает вещи, неизвестно откуда происшедшие и вошедшие в его обиход. Людям свойственно объяснять неизвестные им факты той же причиной, что и известные.

Индейцам, поскольку у них не было никаких, хотя бы потускневших, исторических традиций, нужно было вообразить себе первых властителей солнца, огня, воды и сна. Что же касается до полезных растений, то смутно помнили, что лечебный табак был занесен с севера, по всей вероятности, соседним племенем. Многие поколения знали, что лечение табаком было принято в местности, где водились медведи, которые редко встречаются в области бакаири. Антонио за всю свою жизнь не видал ни одного медведя,

но знал, как они выглядят, подробно их описывал и называл savari; это слово напомнило мне похожее слово yavari, слышанное мной в Гвиане, известное также и в Перу до десятого градуса южной широты. Если медведь был самым распространенным животным в этой местности, откуда пришел табак, значит, медведь и доставил его людям. Коршун, живущий ближе всех к солнцу, добыл от него огонь и передал его людям.

В продолжение многих веков бакаири считали медведей вымершим племенем. И сейчас этот зверь считается владыкой северных областей; хлопок и табак заимствованы от него. Медведей встречали охотники, переходившие за обычную границу к северным областям, или сами медведи заходили на юг, к бакаири.

Историей о медведе индейцы дают ответ на вопрос: „Как случилось, что у нас прежде не было табака?“ Сначала господствовало убеждение, что табак был занесен каким-то определенным племенем. Затем, с течением времени, забыли название этого племени и подробности самого происшествия. Следующее поколение знало, может быть, только, что „табак пришел к нам от тех людей, вблизи которых живут медведи“. Последний вопрос любопытствующего был, очевидно, следующий: „А откуда получили табак те люди, которые принесли его к нам?“ И, надо думать, получался исчерпывающий ответ: „От медведей“.

Обыкновенный курительный табак был даром одной рыбы, живущей в „табачной реке“; маниоку подарила другая рыба, живущая „в реке Бейжю“.

Иногда я не мог удержаться, чтобы скептически не возразить Антонио. Как всякий верующий, он не любил, чтобы в нем возбуждали сомнения. Антонио обиженно замолкал или ссылался на колдовство, или в большинстве случаев говорил:

— Теперь это не так, но прежде так было.

Индейские сказки начинаются традиционными словами: „жили-были“. Так как большинство этих сказок пытается объяснить происхождение какого-нибудь предмета и описывает необычайные происшествия, случившиеся в стародавние времена, то у слушателя создается убеждение, что прежде все необычайное было обыкновенным, повседневным явлением.

Я легко понимал эти расцвеченные юмором истории.

В одной из них, очень распространенной на берегах Амазонки, рассказывается о том, как коршун держит пари с черепахой, кто из них скорей попадет на небо, где как раз в это время происходит веселое торжество. Черепаха незаметно вползает в корзину для провизии коршуна, благополучно переправляется на небо и, встретив вернувшегося с праздничного гулянья коршуна, уверяет его, что уже давно ожидает его. Пари окончилось в ничью. На обратном пути они держат второе пари: кто первый доберется до земли. Коршун быстро опускается вниз, но черепаха выскакивает из корзины, первая падает на землю и выигрывает пари. При падении, она сплющивается, и на панцыре ее появляется трещина, заметная и сейчас.

Рисунки бороро: изображения К. Штейнена

Не является ли этот рассказ ответом на вопрос: почему у всех черепах имеется на панцыре трещина? Очевидно, она существует с давних пор; должно быть, черепаший праотец когда-то сильно ушибся; поэтому их панцырь сплющен. Индеец решил, что черепаха упала с большой высоты, по меньшей мере с неба. Да, но как она туда попала? Да ведь ее взял с собой коршун. Каким образом черепаха очутилась в положении, не соответствующем ее привычкам? Возникло столкновение двух различных по характеру животных, быстрой птицы и медлительного земноводного, попавших в одинаковые условия. Так как индеец не знает

существенного отличия человека от животного, то без труда решает задачу при помощи обычного в человеческих отношениях пари и человеческой корзины для провизии. По крайней мере, так поступал он в славные, старые времена, когда все было иначе, чем сейчас. Корзина для провизии коршуна, в которой попадает на небо черепаха, так же оправдана, как эфир, волнами которого, по нашему мнению, распространяется небесный цвет.

Наблюдая звезды, индеец видит в них знакомые ему предметы. Небо, находившееся совсем близко от земли, теперь очень, очень высоко. Только быстролетные птицы могут долететь до него. Колдуны же попадают туда в одно мгновение, для них небо — „не выше, чем дом". Индеец не приписывает небесным телам свойства огня. Солнце — это большой мяч из ярких, оранжевых и красных, птичьих перьев. Луна — мяч из желтых перьев, которые бакаири носят в ушах. На ночь солнце закрывается большим горшком; утром он снова снимается. Если солнце — мяч из перьев и этот мяч на время исчезает, то, само собой разумеется, кто-то должен закрывать его горшком, как утверждают бакаири, или класть в тыквенный сосуд, как думают паресси.

В дождливое время года, когда дни долги, солнце несет на себе улитка. В сухое время года, когда дни коротки, солнце несет на себе колибри; известно, что эта маленькая птица летает так быстро, что не уследишь глазами.

В ночное время обязанности животных меняются.

Фазы луны бакаири объясняют следующим образом: полная луна уменьшается потому, что сначала ее край отнимает ящерица, затем — броненосец, пока, наконец, толстое тело броненосца совсем не скрывает от нас желтые перья луны. Броненосец—ночное животное, на него обычно охотятся по ночам, и туловище его имеет выгнутую форму. Затмения солнца и луны происходят по той же причине. Антонио привел мне пример отклонения от общего правила. Когда он был еще ребенком, один колдун на Параннатинге превратился в черную птицу и на некоторое время крыльями закрыл солнце. Я обратил внимание Антонио на

лунное затмение, происшедшее 28 января 1888 года. Он ответил, что оно, очевидно, было делом ящерицы или броненосца. Желая узнать его мнение о лунных горах, я показал ему луну в бинокль.

— Это броненосцы загрязнили луну, — решил он.

Горшок, которым, по мнению бакаири, ночью закрывают солнце, опирается на представление о домашнем очаге: очевидно, эта гипотеза возникла сравнительно поздно, так как в древности бакаири горшков не употребляли.

— Если солнце—горячее, то что же происходит с перьями? лукаво спросил я Антонио. И тотчас же раскаялся. Антонио был достаточно умен, чтобы понять это противоречие, и обиделся.

— Может быть, — ответил он с удрученным видом,— огонь появился на солнце только после колдовства, а прежде там огня не было.

Антонио сделал ошибочное предположение: тепло было отнято у солнца колдовством, а не наоборот. Во всяком случае, современной бакаирской наукой твердо установлено, что солнце и луна — мячи из перьев. Солнце напоминает индейцам не пылающий огонь, а привычный предмет — мяч из перьев. Дальнейшие объяснения о происхождении ночи и дня органически развиваются в том же плане. Мы уверены, что на небе не могут находиться животные и что небесные тела — не животные. Бакаири убеждены как раз в противоположном и пытаются объяснить себе, как они туда попали.

О кометах я не получил никаких сведений. Антонио думал, что португальцам (так называл он бразильцев) кометы могут причинять зло, но бакаири они повредить ничем не могут. Антонио научился превосходно разбираться в моей звездной карте и сразу понял ее назначение. После того как я в первый раз показал ему на карте несколько созвездий и мы отыскали их на небе, он, вернувшись в комнату, тотчас же снова указал их на карте. Орион Антонио считал большим помостом для сушки маниоки, некоторые крупные звезды — верхушками вбитых в небо столбов,

я Сириус — концом поперечной балки, поддерживающей помост. Созвездие Плеяд он называл кучей зерен. Он верил, что на небе есть плантации маниоки, леса, словом, все, что есть на земле, даже праздничные украшения. Одни звезды считаются обрезками фруктовой шелухи, созвездие Близнецов—отверстиями большой флейты, Южный Крест—лассо для ловли птиц; этим лассо была поймана птица, находящаяся в темном пятне Млечного Пути. Одно из созвездий — цапля, несущая корзину, наполненную рыбами. Скорпион — сетка, в которой носят детей.

Млечный Путь, как солнце и луна, сильно возбуждает любопытство индейцев. В то время как звезды изображают зерна, отверстия, узлы сетей и концы столбов, в Млечном Пути видят образы животных и птиц. Сам Млечный Путь—это огромный ствол дерева, такой же, как в третьей деревне на Кулизеху, служащий барабаном, в который бьют в торжественные дни. Народные герои Кери и Каме, научившие бакаири праздничным пляскам, совершили все свои юношеские подвиги вблизи этого дерева-барабана. Через темное отверстие в зените, видимое только в светлые ночи, прилетел коршун, принесший в когтях мяч из перьев. Оттуда же пришел на землю посланный Христом колдун. Лишенное звезд место в восточной части созвездия Южного Креста представляет собой отверстие, проделанное братьями Кери и Ками для того, чтобы посмотреть, как будут сжигать тело их умершей бабки Меро. Кери — главное действующее лицо всех приключений. Приняв облик тапира, он выкрал у коршуна солнечный мяч. Темные контуры тапира и сейчас ясно выделяются на Млечном Пути. Рядом с тапиром видны ягуар и муравьед. Не нужно быть индейцем, чтобы их увидеть. Тапира я различал совершенно ясно.

Нет ничего удивительного, что, смотря на весь окружающий мир глазами охотника, индеец и на небе видит животных, но чувствует, что они должны чем-то отличаться от своих земных оригиналов и от произведений искусства—рисунков, украшающих его домашнюю утварь или начерченных на песке. Небесные животные живут особой жизнью,

они шевелятся и меняются в зависимости от ветра и погоды, несмотря на то, что вблизи нет ни одного человеческого существа. Индеец решил, что они должны быть заколдованы и очень древнего происхождения, так как и при жизни прежних поколений они существовали в том же самом виде, тогда как реки, деревья и люди меняются, растут и стареют.

Из года в год люди стареют и умирают. Куда же исчезают они после смерти? Не уходят ли они туда, где находятся самые старые, неменяющиеся вещи, т. е. на небо? Умереть—значит подвергнуться колдовству и превращению. Это доказывают знахари, принимающие смертельные яды и превращающиеся в любых животных. Следовательно, на небе живут заколдованные самые древние люди и вещи. Мяч из перьев, коршун, ягуар и тапир — дело рук древнейших колдунов. Как складывается текст сказаний, не отражающих исторических традиций, мы видели в сказании о черепахе и коршуне. В материалах для легенд нет недостатка, ибо животные и предметы, находящиеся на небе, сохраняют свои отличительные свойства и вступают в неизбежные столкновения.

Легенда рассказывает, что коршун, прежде чем Кери отнял у него солнце, появился в отверстии Млечного Пути и летал с солнцем по небу. Днем мяч из перьев—солнце—достигает высшей точки на небе. Ночью на этом месте виднеется темная дыра. Красноперый королевский коршун—господин воздушных пространств. Вот материалы, из которых сложилась солнечная легенда. Что же касается до луны, то она была прежде рядом с солнцем, но Кери и Каме поделили светила между собой.

О пятизвездном созвездии Персея я услышал следующий рассказ: Кери встретил на дороге гигантского броненосца, несшего корзину с плодами. Броненосец дал Кери несколько плодов и отправился дальше. Кери окликнул его, броненосец дал ему еще несколько плодов, но предупредил, что больше не даст. Тогда Кери на него набросился, плоды покатились в разные стороны, а броненосец стал зарываться в землю, что он обыкновенно делает, чтобы укрыться

от преследователей. Кери сделал себе когти из пальмовой смолы и отрыл броненосца. Тот снова зарылся. Кери снова его откопал. Это повторялось пять раз, отчего в небе и образовалось пять углублений — пять звезд.

Мировоззрение бакаири основано на вере в колдовство. Бакаири не признают процессов закономерного развития. Они знают только превращения, которые бывают двух родов.

Первый заключается в том, что мертвецы и неодушевленные предметы оживляются колдунами и знахарями при помощи вдувания в них жизни. Мертвецу дышат и дуют в рот до тех пор, пока к нему не вернется утраченное дыхание. Вдуванием оживляют и неодушевленные предметы.

Не надо смешивать простого оживляющего вдувания воздуха с лечебным табачным обдуванием и табачным обкуриванием больных, практикуемым современными индейскими знахарями. Слабым новорожденным, за жизнь которых опасаются, родители день и ночь дуют в рот. Бакаири переводят туземное слово ereheni — „дуть“ португальским словом rezar — „молиться“, „благословлять“. Они верят, что все люди произошли от неодушевленных предметов: мужчины — из пальмовых стрел, а женщины — из деревянных ступок, в которых толчется маниока. Бакаири всегда существовали на земле, но когда в них ощущался недостаток, герои легенды вырезывали стрелы, втыкали их в землю, вдували в них жизнь, и стрелы превращались в воинов. Каждое племя создано из тех стрел, которые оно в настоящее время употребляет. Европейцы созданы из того же дерева, что и стволы их ружей. Стрелы — главнейшее отличие племен. Стрела — отличительный признак индейца. Если женщины были созданы из хороших деревянных ступок, то оказываются прилежными и работящими; сделанные из плохих ступок — лентяйками. Когда колдун создает людей, рядом с новосозданной женщиной всегда оказывается ступка, рядом с мужчиной — воткнутая в землю стрела. Обыкновенно оказывается, что рассказчик сам не присутствовал при совершении чуда. Да и сам колдун, вдохнув души

в неодушевленные предметы, отходит в сторону и, вернувшись, находит созданных им живых людей. Одно местное насекомое, имеющее, благодаря мимикрии, сходство с пальмовым листом, так и называется у бакаири „странствующим листом“. Они верят, что это насекомое — оживленный колдовством древесный лист.

Иногда вещам приписываются человеческие поступки или звериные свойства. Падая с неба, черепаха видит скалу, загораживающую ей путь, и кричит ей: „Прочь с дороги!“ И скала послушно отодвигается в сторону, а черепаха падает на мягкую землю.

Кери поссорился с небом, как с живым существом, и, разгневанный, спустился со своими приспешниками на землю, туда, где сейчас живут бакаири. Когда нужно свалить тяжелое дерево, призывают на помощь ветер. Индеец верит, что предметы и силы природы слышат, умеют выражать свои мысли, желания, покоряются или противятся человеческой воле.

— Как же небо может говорить, Антонио?

— Не знаю, но прежде небо говорило, — ответил он мне, и больше я ничего не мог от него добиться.

Если какой-нибудь предмет вреден человеку, индеец считает, что в этом виноваты злые колдуны, животные же сами ответственны за свои поступки.

Второй вид превращений — превращение самого колдуна в какое-нибудь животное. Как это делается, повидимому, никто не знает. Колдун может вселиться в целое животное или в какую-либо часть его тела, например в ногу тапира.

Переходит ли душа из одного человека в другого? Говоря о душе, индеец имеет в виду или тень или дыхание. Приняв внешний вид животного, например голубя, индейский колдун приобретает голос и движения голубя, но продолжает оставаться членом своего племени и сохраняет все свои человеческие мысли, привычки и чувства.

Общая основа мировоззрения бакаири определяется отношением их к жизни животных. Наука и поэзия связаны с небом. Что предки бакаири живут на небе, доказывают нам солнце, луна, Млечный Путь, словом, все, что мы видим

на небе. Столь многочисленные у других народов сказания, связанные с такими явлениями, как гроза, буря, тучи, дождь, у бакаири отсутствуют. Метеорология находится у них в зачаточном состоянии. Они знают только своих астрономических животных, к которым присоединяют и легендарных героев. Материал для легенд дают и воспоминания о жизни племени. Два источника преданий тесно сливаются. Ягуар, под которым подразумевается соседнее племя людоедов, в представлении бакаири сливается с ягуаром Млечного Пути.

Я уже говорил, что имена народных героев бакаири, Кери и Каме, заимствованы у племени ну-аруак, на языке которых эти слова обозначают солнце и луну. В бакаирских преданиях имена этих героев-близнецов стоят всегда рядом, хотя главную роль играет Кери, тогда как Каме довольствуется ролью „простачка". В конце-концов, Кери получает во владение солнце, а Каме — луну. Имя древнейшего легендарного героя Камушини содержит в себе тот же корень kamu — „солнце".

Необходимо отметить, что все сказания передаются из поколения в поколение женщинами. Антонио все легенды слышал из уст своей матери. Бакаири часто брали себе в жены женщин из других племен, и таким образом происходило смешение легенд. Кери — главный герой бакаири, Каме—племен аринос. На Паранатинге обоих называют бакаирскими словами, обозначающими солнце—чи-чи и луну—нуна.

Легенда о создании мира становится историей племени. После того как жизнь мира была перенесена с неба на землю, после того как Кери и Каме родились, выросли и совершили свои подвиги, после того как Кери украл для людей солнце и рассеял вечный мрак, люди получили возможность пользоваться дневным светом, огнем, сном, реками. Герои пришли на Паранатингу, понаделали из стрел различные племена, научили их праздничным пляскам, употреблению табака, маниоки и других растений и, наконец, удалились, чтобы больше никогда не возвратиться. Где тут кончается легенда и начинается история, рисующая взаимоотношения племен, их культурное развитие и дающая географические сведения?

Антонио знал имена своих предков до шестого колена и мог их перечислить. Предания передаются от деда к внуку, и внуки верят, что один из его предков был свидетелем похищения солнца героями-близнецами и что бакаири существовали еще до переселения людей с неба на землю.

Каме, обозначающий у племен ну-аруак солнце, считается у бакаири второстепенным героем и господином луны. Он является праотцем западных и северных племен. Кери, обозначающий у племен ну-аруак луну, у бакаири — любимый народный герой и господин солнца. Он является праотцем восточных и южных племен.

— Каме,—сказал Антонио,—дурак и делает все наоборот, но Кери—нет, о, нет!

Эти два брата, солнце и луна, были праотцами когда-то живших вместе ну-аруак и бакаири. Само собой разумеется, что каждое из этих племен хотело считать своим солнечного героя. Поэтому аруаки говорят: наш Каме (солнце) и ваш Кери (луна). Поэтому бакаири говорят: наш чи-чи (солнце) и ваш нуна (луна).

В американских легендах говорится, что людям принес культуру „бог света". Следовательно, существовало убеждение, что культура пришла с востока. И в незапамятные времена верили, что „свет"—культура — пришел с востока. Все племена кладут своих мертвецов лицом на восток.

— Где живет Кери?—обратился я к Антонио.

— На небе.

— Но в каком направлении?

— На востоке. Там он сохраняет солнце. Горшок, которым его покрывают на ночь, находится в доме Кери.

Один старик на Паранатинге называл Кери imperador'ом, живущим в Рио-де-Жанейро. Солнце существовало еще до появления Кери. Он только упорядочил его движение. Кери ходит по небу вместе с солнцем и, должно быть, живет на востоке или на западе. Бакаири решили, что на востоке. Ничего нет удивительного в том, что Кери путешествует вместе с солнцем: как основатель племени, он должен заботиться о его благе и исполнять обязанности „бога света"

X. ПЛЕМЯ БОРОРО

БРАЗИЛЬСКИЕ ПРИЕМЫ КУЛЬТРАБОТЫ. — КОЛОНИЯ „ТЕРЕЗА-ХРИСТИНА". — ПОПЫТКИ НАСАЖДЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. — НРАВЫ КОЛОНИИ. — ВНЕШНИЕ ЧЕРТЫ БОРОРО. — МУЖСКОЙ КЛУБ. — ОБЫЧАИ. — КОЛДУНЫ. — СЕМЕЙНЫЙ БЫТ. — ПОГРЕБЕНИЕ. — СОЛНЦЕ И ЛУНА

Племя бороро́ или, как его называют бразильцы, coroados (бритые) всегда считалось злейшим врагом местного бразильского населения. Недавно, стараниями президента округа, бороро были усмирены и поселены в двух военных колониях на реке Лаврентия. Экспедиции, предпринятой в 1886 году под начальством лейтенанта Дуарте, удалось задобрить бороро богатыми подарками, и в следующем году Дуарте доставил четыреста человек в Куяба. Бороро изумили бразильцев своей дикостью: женщины перелезали через садовые ограды, привычно взбирались на деревья и срывали плоды; дети так часто пускали в ход зубы и ногти, что напоминали молодых тигрят.

Одна из колоний, в которых поселили бороро, называлась Тереза-Христина, другая—Изабель. Все бороро были окрещены по католическому обряду. Главарь бороро Могуйокури, огромного роста (1,9 метра) могучий индеец, несмотря на прирожденную грубость, производил впечатление добродушного малого. При крещении он получил имя Альваро, которое через несколько дней испарилось из его памяти, как, впрочем, и самый факт приобщения его к католической церкви.

На самом деле бороро были виноваты далеко не во всех приписываемых им злодеяниях. Их спутали с племенем кайяпо, жившим на северо-востоке от Куяба. Тогда никто не знал, что внушающие страх coroados — братья тех бороро, которые с давних пор мирно жили в нескольких деревнях к востоку от реки Паранатинги и еще в XVIII веке служили

в гарнизоне города Куяба. Это—жалкие остатки выродившегося племени, которому не пошли в прок перемена образа жизни и блага цивилизации в виде сифилиса и водки.

По всей вероятности, все племя кочующих охотников бороро пришло из области реки Лаврентия и распространилось по рекам Куяба и Парагвай.

Мы не хотели упустить случая познакомиться с жизнью молодой бразильской колонии индейцев.

По мнению президента, лейтенант Дуарте „открыл в ней Калифорнию". Действительно, здесь и военное начальство и поставщики каждый по-своему стремился к наживе, что всемерно поощрялось правительством. Что же касается обучения юношества, приохочивания туземцев к труду, поднятия их культурного уровня, то правительство вовсе и не задавалось такими высокими целями, а старалось лишь способствовать вымиранию великолепного, здорового и могучего племени. Дуарте индейцы очень любили, правда, за то, что он всегда шел навстречу их неразумным желаниям и ни в чем им не отказывал. Это ему стоило недорого и не мешало богатеть местным коммерсантам. Солдаты, например, были обязаны покупать продукты через своих начальников или через нанятых ими поставщиков. Продукты первой необходимости, мука, бобы, сало, доставлявшиеся в колонию не только из города, но и из близ лежащих ферм, обходились бедным солдатам вдвое дороже, чем горожанам.

Я познакомился с бороро в июле 1887 года и видел в марте 1888 года в Куяба партию их как раз после крещения. Они ходили босиком, но в европейском платье; на шее у них висели кусочки зеленого картона, на которых были написаны их новые христианские имена: Монтезума, Хозе-Доминго и т. д. Хозе-Доминго сильно кашлял; мне сказали, что он простудился во время крещения. Под европейской одеждой на них были туземные соломенные повязки. Как только бороро выходили за стены города, они тотчас же снимали великолепные одежды и оставляли на себе на память о торжественном дне только зеленые карточки с именами

Бороро высокого роста и коренасты. Бросалось в глаза отсутствие на их лицах ресниц и бровей. Они, как дети, восхищались городом Куяба, где их баловали и угощали спиртными напитками. Особенно понравился им складной цилиндр Вильгельма. Когда им демонстрировали способ его употребления, они смеялись от удовольствия и хлопали Вильгельма по плечу. Находясь у нас в гостях, они все время хотели есть, пить, спать или... завивать себе волосы.

В сопровождении Антонио и двух проводников мы отправились в колонию Тереза-Христина. После недельного пути, спустившись с плоскогорья красного песчаника, мы очутились в апельсиновых рощах на берегу реки Лаврентия и на следующий день были в колонии.

На невысоком берегу, на лесной выкорчеванной просеке, поросшей жесткой травой, раскинулось множество низких четырехугольных, крытых пальмовой соломой хижин. Среди них помещалось главное казенное здание. Посреди поселка, на широкой площади, находилось большое „ранчо", бесхитростно выстроенное солдатами из столбов, небрежно обложенных пальмовыми листьями. Расстояния между столбами были так велики, что в дом легко можно было проникнуть отовсюду. Здесь работали и спали, здесь же происходили торжественные собрания, устраивались охотничьи пляски и исполнялись погребальные церемонии. Женщинам вход не только разрешался, но их даже затаскивали туда насильно. Из животных мы заметили нескольких собак и куриц—у солдат и красных попугаев—у индейцев. Рогатый скот угоняли на далекие пастбища.

В колонии было около тридцати бразильцев, не считая жен солдат. Только у немногих кожа была светлее, чем у бороро, а у многих и темнее. Бороро было человек двести с женами и детьми. Часть их находилась в данное время на охоте. Всего было триста пятьдесят человек, официально—четыреста пятьдесят.

Бороро произвели на нас совершенно другое впечатление, чем индейцы Шингу. Некоторые из них щеголяли в одних рубашках, редко—в штанах; в холодные дни кутались

в одеяла. Женщины носили пестрые рубашки, кофты и юбки или туземные пояса и повязки из древесной коры. На всех бороро были украшения и подвески. Я подарил главарю Могуйокури турецкую красную, расшитую узорами женскую кофту; добродушный великан был неподражаемо элегантен.

Бороро—вождь

Капитан военной колонии жаловался нам, что им было получено всего четыреста тридцать штук белья и одежды для индейцев. Но они обращались с одеждой очень бесцеремонно; кроме того, она оказалась чересчур узка и была сшита из непрочного материала. Рубашки не сходились на могучих грудях, штаны лопались по швам и т. д. Как только индейцы чувствовали себя стесненными одеждой, они снимали ее и мастерили мешки из одеял и рубашек. Гамаки здесь не употреблялись, — бороро спали на соломенных циновках. Стирка белья им и во сне не снилась; рубашки на них были земляного цвета.

Бороро оказались очень избалованными, и наши подарки не производили на них впечатления, за исключением бус. Если женщинам предлагаемая вещь не нравилась, они про-

износили отборные португальские ругательства, бывшие вообще в большом ходу.

Попытки обучить бороро земледелию были неудачны. Офицеры благодарили судьбу, если им удавалось уберечь плантации от их набегов. Как только у них появились топоры, они, чтобы достать плоды, принимались срубать деревья. У плантаций сахарного тростника пришлось поставить стражу; но все-таки по ночам бороро ухитрялись подменить ее своими единомышленниками и, лежа на земле, обгладывали и обсасывали тростниковые стебли. Плантации маниоки систематически опустошались. Этим занимались женщины, привыкшие выкапывать корни и клубни. Это охотничье племя не хотело учиться планомерному выращиванию растений и терпеливо выжидать наступления жатвы. Создать из бороро землепашцев было бы не по силам не только недальновидным гарнизонным солдатам, но и более культурным и не заинтересованным в личной выгоде людям. Бороро быстро привыкли к ленивой жизни в колонии. Было очевидно, что настоящими хозяевами были они, а вовсе не лейтенант Дуарте, беспрекословно исполнявший их желания.

Бороро отличались веселым и подвижным нравом. Жизнь в колонии кипела ключом, хохот и шутки не прекращались. Мне пришлось наблюдать много интересных сценок, действующим лицом которых чаще всего был хронически пьяный главарь Аратеба. Однажды его сестра Мария, игравшая в колонии очень видную роль, затеяла с тремя женщинами ссору, перешедшую в драку и закончившуюся всеобщей свалкой, сопровождавшейся оглушительным шумом и визгом. Мария, отчаянно боровшаяся с тремя противницами, оказалась побежденной. До поздней ночи в лагере царило оживление; в лунном свете сновали ребятишки; пели и танцовали солдаты в компании мулаток и индианок, под аккомпанемент гармоний, тарелок и вилок. На площади разводились костры. Многие, подложив под голову полено, тут же укладывались на ночь, посасывая стебли сахарного тростника, и были очень довольны, когда я присаживался и вступал в беседу.

Присутствовал я и при раздаче мяса, происходившей два раза в неделю. Эта сцена произвела на меня отталкивающее впечатление: разрубленное на куски сырое мясо складывалось в кучу. Индейцы стояли наготове с корзинами в руках и по данному сержантом сигналу как свора голодных волков бросилась на добычу. Общее внимание привлекал идиот Диапокури, с зверским рычанием и гримасами утаскивавший огромные куски мяса. Верилось с трудом, что этот унизительный способ распределения пищи был установлен „культурными" людьми.

Рисунки бороро. 1 и 2—ягуар, 3 – обезьяна, 4 – колибри

По вечерам из некоторых хижин доносился непрерывный жалобный вой, мешавший нам спать. Оказалось, это причитали женщины, мужья которых ушли на охоту. Бороро верили, что после этих обрядовых причитаний женщины во сне получают откровение о судьбе своих отсутствующих мужей и даже узнают о дне их возвращения. При нас умерла жена одного из ушедших охотников. Покойницу положили на красное одеяло, снесли в ранчо, рядом с ней поместили глиняный горшок и две раковины, служившие ей для домашних работ. Два знахаря причитали над трупом. Женщины молча стояли поодаль.

Имелась в колонии и тюрьма. Я присутствовал на вечерней молитве арестованных. Как только горнист проиграл

сигнал, тридцать два человека вышли из тюремных ворот и выстроились в два ряда. Светила луна. Сержант, держа в руке свечу, по списку сделал перекличку. Все сняли шапки и стали петь, вернее, рычать молитву. Кое-кто из проходивших мимо индейцев подпевал, но большинство не обращало никакого внимания на происходящее.

В одно прекрасное утро Могуйокури в белой полотняной юбке и красной кофте явился за водкой и не ушел, пока не получил целую бутылку. Вслед за ним пьяница Аратеба с криками и бранью стал требовать ключ от кладовой, притащил две сабли и, едва держась на ногах, бешено размахивал ими; затем, сняв штаны и рубаху, запустил ими в сержанта и, наконец, убрался во-свояси.

Через несколько дней тело умершей жены охотника отрыли, кости очистили, положили в корзину и отнесли в ранчо. Рядом поставили плетеную корзину и горшок с водой. Было темно; посреди ранчо сидел знахарь, окруженный также сидящими на полу, пел однотонную траурную песню, махал в воздухе тыквенной трещоткой, наполненной осколками раковин, и затягивался папиросой. По окончании обряда все спокойно возвратились к обычным занятиям. Отовсюду слышался стук маисовых ступок, веселый смех и песни.

Любопытно праздновалась страстная суббота. В двенадцать часов дня раздались выстрелы и треск хлопушек. На невысоком дереве повесили большое чучело Иуды с раскрашенным бумажным лицом, с бородой и волосами, даже в модных ботинках. В руках у Иуды была сабля, а из кармана торчала пивная бутыль. В восемь часов вечера вышли солдаты в нарядной белой полотняной форме, но босиком. В карман Иуде всунули патрон, подожгли; раздался взрыв, Иуда загорелся. Затрубил трубач, послышались ружейные залпы и громкие крики толпы. Могуйокури с сыном-великаном пустили в Иуду по стреле из своих луков. По случаю праздника на кухне жарили жирную свинью, и все были очень весело настроены.

Несколько бороро встретили в лесу двух людей из враждебного племени кайяпо. Произошло смятение. В страхе перед своими исконными врагами бороро решили бежать из колонии. Патруль солдат был послан в лес и произвел для устрашения с десяток выстрелов. Ночью никто не спал. Нас пригласили в ранчо на ночное заседание, происходившее под председательством старого главаря. Он сидел посреди хижины и пел, потрясая трещоткой. Все присутствующие, в том числе и мы, танцовали вокруг него, прижав руки ко рту, глухо выкрикивали один и тот же звук: „у-у". Пламя очага едва освещало нас. Танцы продолжались полчаса. Затем все уселись на пол. Старик дрожал от волнения и усталости. Отдышавшись, выпив воды, он нараспев начал произносить заклинания, которым мы на разные лады вторили. Такими манипуляциями бороро поддерживали в себе мужество.

На следующий день произошла патриотическая манифестация: впереди всех шествовал пьяный Могуйокури, вооруженный с ног до головы, в пестрой женской кофте, за ним вымазанный в саже Хозе-Доминго, волочащий на ремне саблю, и еще несколько воинов; позади всех прыгал, как одержимый, идиот Диапокури, тоже весь черный от сажи, с длинным кухонным ножом за плечами. Сделав обход и нигде не найдя врагов, воины скоро вернулись назад, и все успокоились. Такая тревога поднималась при мне не один раз.

Однажды вечером я увидел тяжелую сцену: на дворе, перед хижиной, окруженная плачущими родственниками, сидела молодая мать с умирающим двухлетним ребенком на руках. Знахарь уже за сутки предсказал его близкую смерть. Отец сидел здесь же на корточках, позади матери, в странной, напряженной позе; вдруг он набросил на шею ребенка веревку, быстро затянул петлю, и через минуту предсказание знахаря сбылось. Тотчас же все, за исключением матери, встали на ноги, знахари облеклись в молитвенные одежды, и начался траурный обряд. Долго звучали в темноте заунывные звуки. Как и каждый вечер, сержанты играли в карты, а главари были мертвецки пьяны.

Я очень подружился с местными ребятами и учился у них начаткам языка бороро. Физическим и духовным разви-

тием они решительно превосходили европейских детей. Здешним школьным учителем был сержант Кальдас; его образование и педагогический талант оставляли желать лучшего: он, например, был уверен, что на мертвом латинском языке в настоящее время говорят в Египте. Сомневаюсь, чтобы его ученики чему-нибудь у него выучились. По его словам, дети ходили в школу очень неохотно и были очень невнимательны. И немудрено!

Я думал, что уроки заключались в заучивании на португальском языке общеупотребительных слов, например, названий животных, растений, утвари. Но я жестоко ошибся. Ребята, держа в руках исписанные сержантом листы бумаги, весело размахивая ими, громко повторяли несколько часов подряд одни и те же вокабулы: аль, ель, иль, оль, уль; баль, бель, биль, боль, буль; даль, дель... и т. д. В течение многих месяцев они ничем другим на уроках не занимались. Эти упражнения назывались уроками чтения. Самому сержанту было нестерпимо скучно, он украдкой посматривал на часы, но ничего лучшего не мог придумать. При этом он бил ребят линейкой по лицу, но выражал надежду, что преподавание скоро наладится.

Распущенность и бездельничание индейцев развращающе влияли на солдат. Они завидовали индейцам, свободным почти от всяких работ, в изобилии получавшим спиртные напитки и не несшим наказаний за нарушение дисциплины и за оскорбление начальства. Все свое жалование солдаты, конечно, проигрывали в карты, часто за ничтожную цену продавали свое имущество.

Ненависть их к начальству была так велика, что из-за малейшего предлога разгорались открытые бунты. Один из солдат, обвинивший каптенармуса в заигрывании с его женой, был посажен на гауптвахту. Солдаты возмутились, были готовы ее разгромить, собирались убить обидчика. Их едва удалось успокоить, напомнив о близком возвращении лейтенанта Дуарте.

Возвращение его было обставлено весьма торжественно. Все высыпали навстречу и приветствовали его восторженными кликами. Из лесу показалась свита; четырнадцать бороро, чинно идущих друг за другом, босых, но в белоснежных матросских куртках, панталонах, обшитых красным шнуром, украшенных красными бантами, и в широкополых соломенных шляпах, из-под которых выбивались волнистые черные волосы. Костюм солдат дополняли походные фляги и богато украшенные сабли. Вслед за ними вер-

Сцена в колонии бороро. В глубине — „мужской дом"

хом на лошади ехал сам Дуарте, позади него, на мулах — три главаря в голубых мундирах, с широкими красными галунами, с ружьями в руках.

Сверкая под солнцем, процессия направилась к главному зданию. Участники ее шли с невозмутимыми лицами, не обращая внимания на беснующихся и воющих от восторга детей и женщин. Одна из них расцарапала себе кожу на груди, руках и ногах и, обливаясь кровью и слезами, приветствовала своего супруга, одного из четырнадцати человек свиты, сохранявшего полную невозмутимость. На следующий день прибыли две огромные телеги, запряженные каждая двенадцатью быками, с провиантом и товарами для колонистов

В тот же вечер в честь вновь прибывшего состоялся торжественный обед, сопровождавшийся обильными возлияниями, бесконечными тостами и завершившийся концертом. Офицеры декламировали стихи, играли на гитаре и скрипке. Под конец все расчувствовались. Бороро пировали с нами вместе, чокались и обнимались. Могуйокури спел дребезжащим голосом песню и „сыграл" на гитаре: нам показалось, что тапир пронесся по бамбуковым зарослям.

Обычно Дуарте большую часть времени проводил у себя в комнате, где вечно толпились бороро и что-нибудь у него выклянчивали, чаще всего, разумеется, водку.

Рост мужчин бороро в среднем 173,6 сантиметра, женщин — 160,5. Рост самого высокого мужчины — 191,2 сантиметра. Женщины бороро — приблизительно такого же роста, как мужчины бакаири. У бороро широкий, низкий лоб, часто заросший волосами, с большими надбровными дугами. Лица — широкие, с выдающимися скулами. Глаза широко расставлены, зрачок кофейного цвета. Нос — широкий, прямой, иногда с горбинкой. Губы — полные, немного выдающиеся вперед. Зубы — правильной формы, крупные, желтоватого цвета, почти у всех съеденные до половины. Ноги и руки сравнительно небольшие. Цвет кожи — глинистый, на щеках желтоватого тона, на груди — почти лилового.

Ресницы, брови, борода и волосы на теле сбриваются или выщипываются. Волосы на голове в большинстве случаев подстригают чолкой и носят распущенными по плечам, мужчины завязывают узлом; вдовцы и вдовы коротко обстрижены. Женщины, подражающие бразильской моде, расчесывают волосы на пробор.

Одежда мужчин — соломенный пояс; одежда женщин — повязка из древесной коры, пропущенная между ног и прикрепленная к широкому твердому поясу, напоминающему набрюшник. Обычай носить этот твердый, как панцырь, пояс, очевидно, установился потому, что женщинам приходится носить нагруженные орехами тяжелые корзины, концы которых опираются на живот. Иногда под кору подкладывают куски тапировой кожи.

Мочки уха протыкают не только девочкам, но и мальчикам, в возрасте от шести до десяти лет, когда их начинают приучать к охоте. Вскоре после рождения знахарь просверливает мальчикам нижнюю губу. Это — отличительная особенность мужчин бороро. В праздничные дни они втыкают в губу кусочки дерева, кости, смолу или подвешивают цепочки длиной в двенадцать сантиметров, состоящие из полудюжины раковинных пластинок с кисточкой на конце.

Тип бороро

Татуирование неизвестно, так же как и расцарапывание кожи с лечебной целью, но для чесания спины (бороро, очевидно, любят это занятие) существует особый инструмент в двадцать один сантиметр длины, сделанный из кости и украшенный страусовыми перьями. Раскрашивание тела мало распространено, зато в большом ходу украшения из перьев. Обклеивание тела мелкими перьями практикуется в качестве лечебного средства: больные части тела натираются разогретой черной смолой и густо обкладываются пуховыми перьями. Мы видели детей, руки которых были густо залеплены белыми утиными перьями. Руки и плечи одного бороро были обклеены зелеными перьями попугая, верхняя губа, наподобие усов,—белыми, волосы—красными. Часть лица выкрашена черной смолой. Перьями

обклеиваются и черепа препарированных мертвецов перед погребением; остальные кости умащиваются маслом. Ежедневное натирание тела сажей и маслом, практикуемое индейцами Шингу, здесь не принято, так как нет надобности защищаться от москитов и мух. Сажей мажутся в экстренных случаях, например, когда идут на врага. Украшения из перьев исполняются вполне художественно. Великолепны диадемы, сделанные из нескольких рядов зеленых и красных перьев попугая. Перьями украшаются и предметы домашнего обихода и инструменты знахарей; соколиные и страусовые перья носят в ушах и волосах. Из клыков ягуаров и мелких обезьяньих зубов делаются ожерелья, но женщины их почти никогда не носят. Бороро вырывают зубы и челюсти у своих пленных и обвешиваются ими. Из волос мертвецов плетут шнуры; они дорого ценятся, так как будто бы приносят счастье. Бороро носят и цепочки из раковин и костей, но меньше, чем индейцы Шингу. Больше всего ценятся ожерелья, выделываемые из панцырей броненосцев.

*

Средоточием всей жизни бороро является ранчо — мужской клуб, где день и ночь кипит шумная жизнь. В семейных домах помещаются только женщины и дети. Мужчины, посещающие ранчо и занимающиеся совместной охотой, называются арое. Ежедневно и еженощно в ранчо раздаются громкие песни, в которых беспрестанно, через каждые два слова, повторяется слово „арое". Песни поются по всякому поводу. Пример: вечером главарь объявляет о предполагаемой на следующий день охоте. Вместо того чтобы благоразумно лечь спать, охотники собираются в клуб и всю ночь напролет распевают песни. Получается впечатление, что все племя представляет собой общество не то охотников, не то любителей хорового пения. Члены этого своеобразного общества обязуются до сорока лет оставаться холостыми и жить в клубе. Старшие товарищи, имеющие семьи, пользуются особыми правами и общим уважением. Они отдают своей семье очень мало времени, так как принимают участие в охоте, наблюдают за порядком в охотничьем доме и руководят собраниями.

Такой порядок наблюдается не только в колониях, но и в деревнях, где бороро еще больше времени уделяют охоте, так как сами должны заботиться о своем пропитании.

Тип бороро

Жизнь бороро существенно отличается от жизни индейцев на реке Кулизеху. Там живут дружными семьями, у каждого имеется своя хижина. Там холостяки составляют исключение, здесь, у бороро — общее правило. Там живущие в моногамии мужчины посещают „танцовальный" дом, служащий для совещаний и увеселений, куда женщины не имеют доступа. В охотничий дом бороро женщины приводятся насильно и часто поступают в пользование нескольких мужчин. У бороро семейная жизнь является привилегией старших и сильнейших. Понятно, почему: средства к существованию могут быть добыты только сплоченными усилиями многих мужчин, отлучающихся из дому на долгие сроки для совместной охоты. При таких тяжелых жизненных условиях молодые мужчины едва могут прокормить себя и не имеют возможности обзавестись семьей. Не то у индейцев Шингу: занимаясь земледелием, женщины регулярно и обильно снабжают семью пропитанием, и мужчины

объединяются лишь для рыбной ловли и военных плясок. Задачи отца семейства—охотника—упростились. Главную роль в деле добычи пропитания стали играть женщины, в свою очередь объединившиеся для совместной работы.

— В дождливый период бороро много дней сидят без всякой пищи, — сказал наш проводник. — Тогда они пьют много настоенной на глине воды, но самую глину не едят.

Бороро, живущие по верховью реки Лаврентия, сажают только табак, хлопок и тыкву. Замечено, что в первую очередь культивируются несъедобные растения: жители нижних деревень выменивают их продукты на свои стрелы. Бороро, живущие в колонии, вообще ничего не умеют сажать. Тыквенной утвари у них мало, больше всего тыквенных трещоток. На охоте мужчины пьют из плодовых корок и стеблей гигантского бамбука. Из того же материала женщины мастерят горшки и чашки.

Мужчины уходят на многие недели на охоту, изредка в сопровождении женщин; питаются это время рыбой и дичью и ведут почти кочевой образ жизни. Мы видели толпу бороро, возвращавшихся с охоты с полными корзинами жареного мяса диких свиней, черепах и пр. Бразильцы высоко ценят бороро как великолепных следопытов и при помощи их ловят солдат-дезертиров. Рыбу стреляют из луков, ловят сетями и на удочку. Неширокие реки запруживаются травой и ветками. В мелководных местах бороро целыми ночами простаивают в воде и ловят рыбу при свете пальмовых факелов. Они уверяли меня, что могут подолгу нырять и даже ловить под водой рыбу. Вообще они очень любят купаться и плавать и часто вплавь возвращаются из лесу домой. Лодок у них нет. Нет и столь на наш взгляд необходимых охотнику собак. Оружие их, луки и палицы, сработаны необыкновенно искусно и тщательно. Палицы, в 1,3 метра длины и 3,4 сантиметра толщины, вырезываются из пальмового дерева. Обыкновенные луки, достигающие длины 1,9 и ширины 0,3 метра, обкручиваются запасной тетивой, сплетенной из пальмовых волокон. В торжественных случаях главари носят луки, обклеенные пестрыми

птичьими перьями. Счастливец, убивший ягуара, получает богато украшенный лук. Стрелы делаются из пальмового дерева или из особого сорта тростника, старательно обстругиваются раковинами и полируются твердыми, как наждачная бумага, листьями. К концам стрел прикрепляются перья, увеличивающие силу полета. Длина стрел — от 1,5 до 1,3 метра. Если охотник стреляет, присев на корточки, то держит лук горизонтально, если стреляет стоя — держит его вертикально.

В охотничьем клубе, где индейцы предоставлены самим себе и далеки от европейцев, царит образцовый порядок. Здесь каждый знает свое место. Конечно, кто хочет лениться, тот ленится, но большинство занимается изготовлением оружия, украшений и домашней утвари и работает старательно и аккуратно. Даже идиот Диапокури все время был чем-нибудь занят.

В дни, свободные от охоты, в охотничьем доме работает около сорока мужчин. Работа сопровождается веселой болтовней и шутками. Чтобы размять кости, время от времени затевают борьбу. Иногда, танцуя и гримасничая, дает представления Диапокури, но никто не думает считать этого слабоумного высшим существом. Женщины в это время занимаются хозяйством и готовят пищу, за которой приходят сами мужчины и разносят товарищам объемистые горшки с густой белой маисовой кашей. Сверху каши кладутся речные раковины, заменяющие ложки. Ими работают с большим рвением, с сияющими от удовольствия лицами. Главарь Могуйокури обходит обедающих и отечески поглаживает по голове избранных. Стоит сравнить эту патриархальную картину с бразильским способом раздачи мяса, чтобы проникнуться возмущением против местного начальства. Тут же идиот Диапокури жарит с таким трудом добытое мясо, разводит огонь — не подумайте, каким-нибудь первобытным способом, а при помощи выданных ему шведских спичек. Инструменты из рыбьих зубов и каменные топоры вышли из употребления. Их заменили железные топоры и ножи. Из старых оружий уцелели бамбуковые черенки для разре-

зания мяса, долота из звериных клыков, сверла и рубанки из раковин.

Из пальмовых волокон бороро плетут сумки, корзины, в которые складываются кости мертвецов, четырехугольные веера для раздувания огня, заменяющие также тарелки, и большие цыновки.

Мужчины прядут! Это открытие произвело на меня ошеломляющее впечатление. Странно было видеть одного из охотников, распутывающего хлопковую пряжу. Веретеном служат раковина или кусок затверделой глины, продетые на палочку. Из хлопка и волос мертвецов плетутся шнурки, которые носят в волосах и на теле. Пальмовые волокна скручивают рукой на колене. Работают бороро сидя на полу, подогнув под себя ноги. При плетении нитей часто прибегают к помощи больших пальцев ног, на которые накручивают пряжу.

Я провел в клубе охотников много занимательных часов. Одно только донимало меня — постоянное выманивание у меня табаку. Моя трубка путешествовала из рук в руки. Чем больше я свыкался с бороро, тем больше темпераментом и характером напоминали они мне индейцев Шингу.

Несмотря на охоту, главную часть питания бороро составляет добываемая женщинами растительная пища: коренья, плоды, пальмовые орехи. Орехи поджаривают или толкут в ступе, размешивают водой и получают пивообразный освежающий напиток. В деревнях обходятся без сала, соли и маиса. Растительную пищу приготовляют женщины, они же изготовляют посуду. Пищу варят в круглых мисках; в сосудах, напоминающих круглые бутыли с короткими горлышками, сохраняют воду. Кроме орехов, в ступках толкут мясо и кости. Любимые блюда бороро — мясо дикой свиньи и каймана. Обыкновенно мясо жарят с кожей. Вообще бороро едят всякую рыбу, дичь и мясо, за исключением мяса дикой козы и попугая арара. Мясом домашней свиньи они брезгуют и даже выходят из комнаты, когда его подают нам к столу. Идиот Диапокури любил пожирать потроха, это было его специальностью.

Красивых попугаев арара ловят молодыми и, вырастив, выдергивают у них перья.

У бороро не существует обычая, запрещающего совместную трапезу, но имеется другой, запрещающий жарить дичь охотнику, ее убившему. Он должен просить об этой услуге товарища. Этим, очевидно, хотели избежать ссор во время дележа.

Мясо убитого ягуара съедается на общем праздничном пиршестве; мех и зубы животного получает не охотник, а ближайшие родственники последнего умершего в деревне человека. Удачливому охотнику оказывают почести, ему дарят перья арара и разукрашенные луки.

Важнейшие обычаи бороро связаны с деятельностью колдунов. Одни называются „бари“, другие „ароэтатуарари“. Первые предводительствуют и запевают во время танцовальных и песенных обрядов, вторые исполняют обязанности практикующих врачей. Бразильцы называют первых — отцами (padre), вторых — докторами (doctor).

Как и у бакаири, эти почетные звания даются тем, кто больше всех выпьет пальмового вина. Больных лечат тем же способом: лекарь курит, причитает над больными и высасывает из его тела причину болезни. Бороро убеждены, что это всегда бывает кость. Хитрые знахари лечат только по ночам и добытую „кость“ показывают присутствующим только издали. Перед тем как мясо и рыба пойдут в пищу, колдуны должны их „благословить“. Благословение происходит тем же порядком, что и вдувание жизни в мертвецов. В убитое животное могла переселиться душа одного из умерших колдунов; поэтому необходимо убедиться, что животное не может быть возвращено к жизни. „Благословение“ — не что иное, как попытка оживления.

Я был свидетелем такой процедуры, продолжавшейся не больше трех минут: в охотничий дом принесли огромную рыбу, длиной в полтора метра. Колдун упал перед ней на колени и, закрыв глаза, трясясь всем телом, стал размахивать руками и кричать. Раскрыв рыбе пасть, он подул и поплевал в нее, затем схватил нож и отрезал себе внуши-

тельный кусок. Надо заметить, что колдуны имеют право на лучшие, вкуснейшие части добычи.

Подобному „благословению" подвергаются все крупные рыбы, тапиры, кайманы и другие животные, некоторые местные плоды и маис, с тех пор как бразильцы стали доставлять его в колонию. Если в сети попадается рыба в отсутствие колдуна, то она должна быть выпущена на свободу. Впрочем, такие случаи происходят редко, так как колдуны всегда и везде имеются под рукой. Бороро верят: тот, кто нарушает обычай, должен скоро умереть.

Колдуны, распределяющие добычу, председательствуют на торжественных собраниях перед отправлением на охоту. Любопытно, что при этом поются те же самые песни, что и при похоронном обряде. В траурном хоре, так же как и в плясках, принимают участие и женщины.

Мужчины любят бороться. Борьба заключается в том, чтобы повалить противника, подставив ему ножку. Часто упражняются в стрельбе из лука.

Музыкальные инструменты бороро—незатейливая флейта, на которой играют только во время похоронных обрядов, барабан, представляющий собой нечто вроде большой деревянной ступки, обтянутой воловьей кожей, трещотки и погремушки. Последние делаются из тыкв, наполненных раковинами, и достигают двадцати сантиметров длины. Делаются и маленькие, величиной с яблоко, которыми подают сигнал к охоте.

Трещоткам придают большое значение и считают их почти священными. Трещотка состоит из палочки, шнурка и овальной дощечки, величиной в сорок сантиметров. На верхнем ее конце имеется зарубка, в которой укреплен шнур. Когда трещотку вертят, она издает зловещий, воющий звук. На реке Кулизеху трещотки употребляют во время веселых маскарадных танцев, а на реке Лаврентия—на погребальных церемониях.

В основе похоронного обряда лежит страх перед мертвецами, которые могут вернуться и похитить живых. Цель обряда — отвратить эту возможную опасность. Женщины на

это время убегают в лес или прячутся по домам: если они будут присутствовать на церемонии, то могут умереть. Мало того, они могут умереть даже от одного вида трещотки. У женщин вошло в обычай избегать и бояться вещей, свойства которых ей неизвестны. У индейцев Кулизеху женщину, переступившую порог танцовального дома мужчин, карают смертью.

Когда мы заговаривали с бороро о трещотках, они пугливо озирались и заминали разговор: очевидно, одно упоминание о трещотке вызывало у них суеверный страх смерти. Мужчины настоятельно просили нас не показывать женщинам даже изображений этих зловещих инструментов. Нам с большим трудом удалось получить три экземпляра: после долгих уговоров трое подростков темной ночью и с большими предосторожностями принесли нам завернутые в платки трещотки и успокоились только после того, как мы спрятали их на дне чемодана.

Рисунки бороро вверху—К. Штейнен, внизу—Перро

Трещотки, пояса, набедренные повязки из коры и корзины разрисовываются неприхотливыми узорами красной и черной краской. Перед тем как раскрасить женщину, попавшую в охотничий дом, ее сажают на красное одеяло и густо смазывают рыбьим жиром и красной краской волосы и верхнюю часть тела и тонкой бамбуковой палочкой разрисовывают лицо; на щеках выводят трехугольники, по лбу и вискам проводят поперечные черты.

Власть главаря наследственна. В военное время главарь является вождем, в мирное — распорядителем на охоте. Задабривая главарей подарками, бразильцы стараются поднять

их престиж, чтобы с их помощью преследовать свои цели. В действительности знахари и колдуны пользуются гораздо большим авторитетом, чем главари, и, получая лучшую часть добычи, никогда не упускают случая поживиться.

У бороро мы находим семейные хижины, в которых живут пожилые отцы семейств, и охотничий дом, где помещаются холостяки, похищающие женщин и пользующиеся ими сообща. Отметим, что похищение женщин практикуется здесь внутри племени. Только часть мужского населения пользуется женщинами постоянно. Подобный порядок существует не только в колонии, но и во всех деревнях. Двух жен имели всего двое: бразилец Дуарте и главарь бороро Могуйокури: он когда-то женился на вдове, имевшей дочь, и, когда вдова состарилась, а дочь выросла, стал жить с обеими. В деревнях многоженство старших—очень распространенное явление, но в колонии ощущается недостаток в женщинах. Согласия родителей на брак не спрашивается, и при заключении брака они ничего не дают и не получают, а если противятся браку, то поднимается драка: победитель решает вопрос в свою пользу, а побежденный покидает деревню. Все основано на праве сильного.

Молодая жена с детьми остается в доме своих родителей. Муж приходит к ней на ночь, а дни проводит на охоте или в мужском клубе. Молодым супругам отводят особое место у очага, поодаль от бабки и внучат. Такой порядок продолжается до смерти стариков. Когда молодая мать уходит с мужем на охоту или в лес за плодами, бабка кормит грудью внучат.

Мальчику находят невесту, когда ему исполняется восемь или десять лет. Тогда же ему протыкают ушные мочки, и эту же операцию он должен произвести своей малолетней невесте. Если в будущем ему не удастся на ней жениться, то на ней женится его сын от другой женщины. Тот, кто надевает мальчику набедренную повязку, считается как бы его свояком и должен жениться на его сестре или тетке.

Бразильцы уверяли меня, что женщинам, попадающим в охотничий дом, приходится удовлетворять от тридцати до сорока мужчин. Иногда женщин похищают открыто, среди бела дня. Нам случилось присутствовать при похищении, происшедшем поздней ночью: охотники напали на двух откуда-то возвращавшихся женщин, завернули их в одеяла и утащили в охотничий дом. Побывавшим в нем женщинам мужчины дарят по две стрелы. У одной я насчитал их восемнадцать штук. Эти стрелы женщины передают брату или дяде, брату матери. Женщины охотничьего дома не выходят замуж. Если у них рождаются дети, то их отцами считаются все те, кому женщина принадлежала. Ее родители получают в виде выкупа стрелы и плетеные шнурки. Противоестественные половые сношения между обитателями охотничьего дома наблюдаются лишь тогда, когда сильно ощущается недостаток в женщинах.

Когда умирает член семьи, все имущество, ему принадлежавшее, сжигается или бросается в реку, для того чтобы мертвец не вздумал за ним вернуться. Семье умершего выдается новая утварь, лук и стрелы, а также шкура и зубы первого убитого ягуара. Брат считается призванным защитником сестры. Стрелы — самая большая ценность, которой награждается охотник, убивший ягуара, и брат девушки, побывавшей в охотничьем доме.

Обыкновенно женщина рожает в лесу. Муж дует новорожденному в глаза, перерезает пуповину бамбуковым черенком и перевязывает ниткой. Два дня отец и мать ничего не едят, на третий пьют только воду. Если отец что-нибудь съест, ребенок заболеет. До полного выздоровления женщина не должна купаться. Абортирование при помощи внутренних средств очень распространено, особенно среди женщин охотничьего дома. Когда мать не хочет кормить ребенка грудью, то, выцедив молоко из груди, выпаривает его над огнем, после чего оно пропадает. Обычай ку́вады распространен здесь в той же мере, как и у индейцев Шингу.

Вскоре после рождения ребенка ему дают имя, и знахарь протыкает ему нижнюю губу. Имена представляют собой названия животных и растений. Юноше надевают на-

бедренную повязку после торжественной церемонии и после того, как он проведет в лесу целый день без всякой пищи и вымажется в саже.

Первичное погребение трупа происходит на второй или третий день после смерти, когда разложение становится явным. Труп зарывают в лесу, недалеко от воды. Через четырнадцать дней его отрывают, отделяют кости от мяса и устраивают празднество, во время которого разукрашивают скелет и приготовляют к вторичному погребению. Все население собирается в ранчо и распевает похоронные песни, беседуя таким образом с умершим.

Мы присутствовали на сокращенной церемонии, так как умерла женщина, а не охотник. Целая пантомима предшествовала уничтожению имущества умершей. Появились бороро с раскрашенными телами и лицами, обклеенные пестрыми перьями. На одного из них, изображавшего умершую и украшенного зелеными ветками, навешали пять красных ситцевых юбок покойницы. Он ударял себя по коленкам и жалобно стонал. Затем ему дали флейту, он стал играть, а все принялись петь и кружиться в дикой пляске и по окончании ее убежали в лес. Через четверть часа вернулись, неся на своих плечах двух страшных, нагих, выпачканных в глине людей, которые должны были изображать старых мертвецов, разбуженных флейтой недавно умершей женщины и явившихся для того, чтобы присутствовать при сожжении ее имущества и взять ее под свою опеку в царство мертвых. В одном из актеров я с трудом узнал Могуйокури. Завывая трещотками, они издавали дикое рычание, бешено скакали и метались. Вдовец разжег большой костер, и в него стали бросать пожитки покойницы—пояса, корзины, одеяла, посуду, раковины.

На следующее утро, держа в руках пальмовые ветки, все направились к охотничьему дому. Брат покойной нес в корзине ее кости, очищенные от мяса и чисто вымытые Четверо мужчин стали раскрашивать и обклеивать их и новую корзину перьями попугая. Могуйокури сидел на ягуаровой шкуре в полном парадном наряде, с головы до

ног выкрашенный в красную краску. Желтые перья свешивались с его ушей, к плечам были приклеены темно-синие, в нижней губе болталась цепочка. Четыре знахаря в пышных диадемах, оглушительно потрясая погремушками, прыгали и приседали на месте. Ранчо было переполнено женщинами и детьми. Вдовец сидел в сторонке и горько рыдал. Вместо украшений на нем был надет шнурок, сплетенный из волос умершей жены.

Через некоторое время толпа начала редеть. Мужчины взялись за работу, женщины, продолжая петь, искали друг у друга в голове. Вдруг снова все оживилось. Вновь прибывшие женщины и девушки, подойдя к корзине, стали в кровь раздирать себе тело скребками и скоро сплошь покрылись ранами и царапинами, причем лица их оставались невозмутимыми. Вдовец последовал их примеру и тоже исцарапал себе руки. Звуки трещоток, погремушек, барабана и флейты слились в ужасную какофонию. После того как корзина и кости были великолепно убраны белоснежными перьями, произошло „благословение" останков. Из пяти луков, полукругом воткнутых в землю и обвешенных цыновками, соорудили нечто вроде часовни, куда и положили кости. У входа встали два знахаря и затянули песню, потрясая трещотками. Темп песни все ускорялся, женщины подтягивали. Через три четверти часа знахари обливались потом; их трясло как в лихорадке; они остановились, чтобы перевести дух, выпить воды и покурить. Цыновки сняли. Шесть мужчин и с ними вдовец, закрыв глаза, сосредоточенно и долго танцовали и пели. Из вежливости и мы потанцовали немного. За это время все кости были выкрашены, завернуты в листья и уложены в нарядную корзину вместе с тремя парами панталон, тремя рубашками, кофтой и пальмовыми ветками. К пяти часам вечера церемония закончилась. Какая-то старуха, предшествуемая юношей, дудевшим в дудочку-флейту, взвалила корзину на плечи и отнесла ее вдовцу, одиноко сидевшему у своей пустой хижины. Никто не обратил внимания на эту заключительную сцену.

Окончательное погребение состоялось только на третий день. У бороро принято хоронить мертвецов по-двое. Вдовец с погребальной корзиной и женщина с такой же ношей отправились в лес. Вслед за ними пошли четверо юношей, громко стонавших и заметавших следы пальмовыми ветками, чтобы мертвецы не нашли обратной дороги в деревню. Корзины зарыли в лесу.

Индейцы верят в гипноз на расстоянии. Когда я чихнул в присутствии Тумайяуа, он сказал, что меня зовет жена, которая по мне скучает. В другой раз, после того как я чихнул, женщина бороро стала меня расспрашивать, как зовут мою мать, моего брата и зятя.

Душа на время сна покидает тело; поэтому опасно будить спящих. Но когда Вильгельм захотел нарисовать спящего бороро, его друзья стали его будить. Вообще они боятся, что портреты могут послужить для колдовства; в то же время им очень нравились портреты, нарисованные по секрету от них.

Во время сна душа человека превращается в птицу улетает, куда ей вздумается, и получает способность все слышать и видеть. Поэтому никто не сомневается в действительности всего виденного во сне. Во сне они узнают о грозящей опасности, о приближении врагов и пр. Если в отсутствие мужа жена произнесет на ночь заклинания и попадчет, то во сне душа ее соединится с мужем. Знахари точно предсказывают день смерти больных, и немудрено, что их предсказания сбываются. Вспомним, как отец ускорил смерть безнадежно больного ребенка. Кончина умершей при мне жены охотника тоже была искусственно ускорена. В день, назначенный знахарем для ее смерти, ее еще живую принесли в ранчо и, закрыв лицо платком, задушили. Происхождение этого обычая понятно: кочующие охотники не могли долго задерживаться на стоянках и ухаживать за трудно больными; они привыкли добивать и умирающих животных и равноценных им людей.

Бороро считают, что причиной болезни и смерти является не колдовство злых знахарей, а месть убитых животных.

Если охотник заболевает и умирает, то в этом виновато убитое им животное, которое отомстило за свою смерть. Каким же образом? Очень просто: животное было воплотившимся колдуном, который может сделать все, что хочет.

Бакаири верят, что их знахари превращаются в животных только на время наркоза, а после смерти отправляются на небо в человеческом обличии. Бороро верят, что после

Рисунки бороро: бразильский солдат, В. Штейнен, К. Штейнен

смерти они превращаются в животных, чаще всего в птиц, красных арара. Труп препарируют, кости украшают и хоронят, вещи покойника сжигают: он уже не сможет найти дорогу к своему земному жилищу и должен будет довольствоваться своей новой птичьей жизнью. Недаром бороро никогда не едят арара и грустят, когда ручные арара умирают, что, впрочем, не мешает им стрелять этих птиц в диком состоянии, чтобы получить их ценные перья.

Мертвецы других племен превращаются в других птиц: негры—в черных, европейцы—в белых. Я спросил Марию, в какую птицу превращусь я, и она мне польстила, ответив: „В белую цаплю". Знахари превращаются в особенно больших и вкусных рыб. Мясо серн могут есть только кол-

дуны; поев его, обыкновенные смертные умирают. Один знахарь умер, поев рыбы: значит, эта рыба была когда-то колдуном.

Солнце и луна — перья арара. Когда я спросил бороро, не считают ли они солнце и луну людьми, они меня высмеяли. Бороро считают, что они живут на большом острове посреди реки. Солнце и луна находятся на одной стороне и проходят сквозь реку. Созвездие Южного Креста—пальцы на ногах страуса; Орион — черепаха; Плеяды — цветы акации; Млечный Путь — зола. Отдельные мелкие, не заключенные в созвездия звезды считаются насекомыми. Радуга—большая пестрая водяная змея, в которую превратился колдун. Великолепный метеор, во время нашего пребывания пролетевший над деревней бороро, был душой колдуна. Его появление предвещало эпидемию дизентерии — очевидно, он захотел полакомиться „мясом охотников". Было необходимо отвратить это бедствие.

Метеор, появившийся 14 апреля на южной стороне неба ввиде блестящего шара раза в четыре меньше луны, осветил деревню ярким голубоватым светом и быстро умчался на восток, оставив за собой широкую полосу: она светилась в течение четырех минут. Как только появился метеор, вся деревня пришла в движение, как потревоженный муравейник. Отовсюду послышались испуганные возгласы. Через несколько минут на площади разложили костер; два раскрашенных колдуна стали посредине, начали выкрикивать заклинания и ожесточенно плевать в небо. Они дрожали и качались, как пьяные; казалось, от возбуждения и усталости они вот-вот упадут в обморок. Запрокинув головы и глядя на то место, где показался метеор, они угрожающе выли „вуе-вуе" и потрясали поднятыми вверх левыми руками, в которых было зажато по пучку маисовых сигар, точно хотели сказать:

— Берегись! Весь этот табак мы истратили на то, чтобы отогнать от нас беду. Горе тебе, если ты повредишь нам!

Затем пачки сигар у колдунов отобрали и зажгли. Колдуны на время замолчали и, стеная и охая, переводили дух.

Сначала закурили некоторые из толпы, затем сигары перешли к колдунам; накурившись, они принялись с новыми силами за работу, еще громче завыли „вуе-вуеу-вуау", еще быстрее заметались и заплевали в небо. Главари и старейшие, сидевшие отдельной группой, сдержанно вторили, приложив трубой руку ко рту, издавали глухие звуки „воу-

Заклинание метеора у бороро

воу" или „хахахо". Наконец знахари замолчали и, стуча зубами и дрожа мелкой дрожью, удалились на покой.

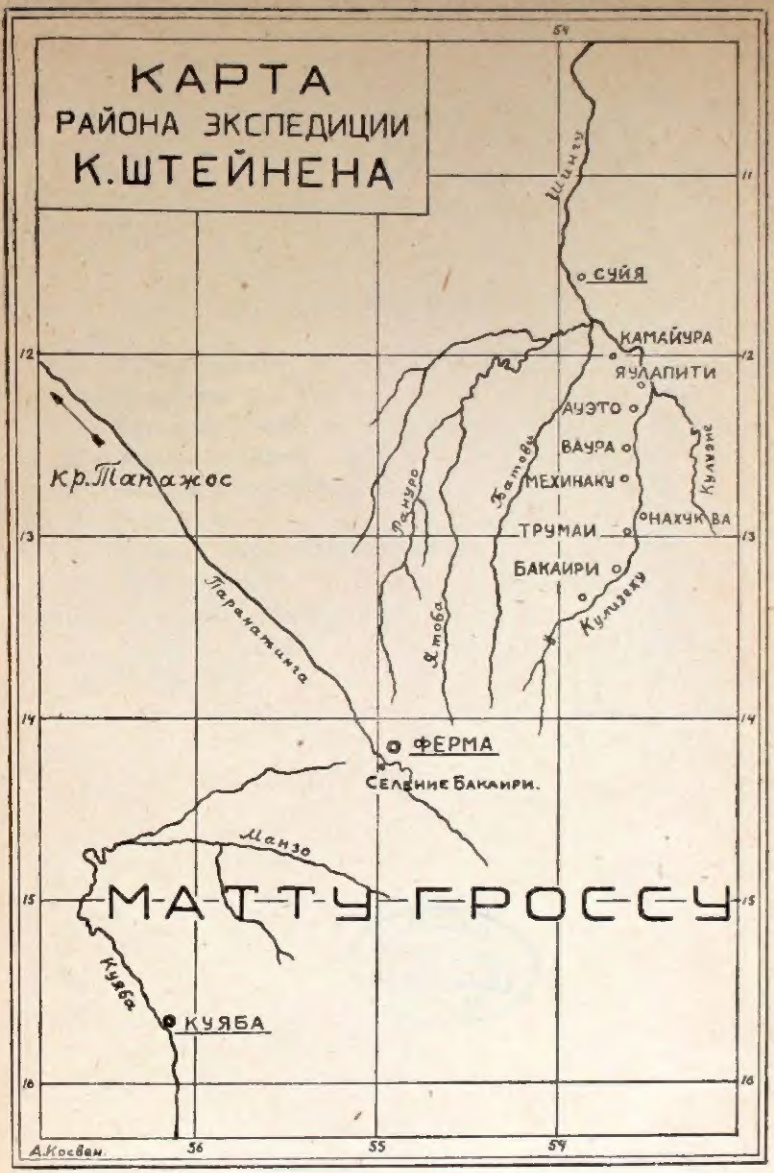
О своем прошлом бороро знают немного. Прародителя индейцев звали Арига-Бороро. У него была жена. Потом пришли на землю еще два мужа и две жены. Насколько я мог понять, с тех пор, как бороро покинули небо, они поселились на реке Лаврентия. Им, старейшему племени, принадлежало солнце; следовательно, они жили там, откуда приходит солнце, то есть на востоке. К сожалению, мне не удалось побеседовать с одним древним стариком, — он оказался на охоте, — который мог бы мне рассказать много интересного, так как его собственный дед был свидетелем сотворения мира!

Сведения о ближних племенах были тоже очень скудны. Про людей племени кайяпо было известно, что они имеют короткие гладкие луки, маленькие стрелы с двумя железными крючками и носят на шее подвешенные на шнурках палицы.

Диковинное племя рараи отличается тем, что показывается только ночью и бродит небольшими группами в два-три человека; цвет кожи у них темный, и бороро считают их обезьянами. У них нет луков, они бросаются камнями, но зато имеются „пистолеты". Я выразил удивление: каким же образом у обезьян оказались пистолеты? Мне упрямо ответили: „Они — настоящие обезьяны, но они умеют стрелять". Бороро, не проводящие границы между человеком и животным, не находили в этом ничего удивительного.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

КАРТА
ЮЖНОЙ
АМЕРИКИ
СЕВ.
АМЕРИКА
НЬЮ-ЙОРК.
ПАРА
Амазонка
БРАЗИЛИЯ
БОЛИВИЯ
Парагвай
Шингу
Парана
РИО-ДЕ ЖАНЕЙРО.
САНТ-ЯГО
МОНТЕВИДЕО.
АРГЕНТИНА
ЮЖН. ГЕОРГИЯ
ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ
А. Косвен.


КАРТА
РАЙОНА ЭКСПЕДИЦИИ
К. ШТЕЙНЕНА
Шингу
СУЙЯ
КАМАЙУРА
ЯУЛАПИТИ
АУЭТО
ВАУРА
МЕХИНАКУ
НАХУКВА
ТРУМАИ
БАКАИРИ
Кулизеку
Кулизне
Батовы
Ятоба
Ранура
Кр. Тапажос
Паранатинга
ФЕРМА
Селение Бакаири.
Манзо
МАТТУ ГРОССУ
Куяба
КУЯБА
А. Косвен.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
I. Выступление 15
II. Экспедиция в пути 22
III. Идиллия у баканри 34
IV. Индейцы района Кулизеху 66
V. Культура Шингу 84
VI. Культура Шингу (продолжение) 105
VII. Обычаи и право 119
VIII. Колдовство и знахари 129
IX. Знания и легенды 137
X. Племя бороро 154